

Министерство образования и науки
Российской Федерации

Волгоградский государственный
технический
университет

SOCIOLOGY OF CITY

2017 no 3

Scientific-and-theoretical journal

4 issues per year

Year of foundation — 2007
1st issue was published in 2008

Russian Federation, Volgograd

Founders:
Volgograd State Technical University
(VSTU)

The journal is included in Russian Science
Citation Index (RSCI)
(<http://www.elibrary.ru>),
Ulrich's Periodicals Directory
(<http://serialssolutions.com>),
DOAJ (<http://www.doaj.org>),
EBSCO (<http://www.ebsco.com>)

СОЦИОЛОГИЯ ГОРОДА

Sotsiologiya Goroda

2017 № 3

Научно-теоретический журнал

Выходит 4 раза в год

Учрежден в 2007 г.
1-й номер вышел в 2008 г.

г. Волгоград

Учредитель:
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего образования
«Волгоградский государственный
технический
университет» (ВолгГТУ)

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-27329 от 28 февраля 2007 г. выдано Федеральной службой
по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране
культурного наследия

Журнал входит в утвержденный ВАК Минобрнауки России Перечень
ведущих рецензируемых научных журналов
и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные
результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора
и кандидата наук

Журнал включен в базы данных:
Российского индекса научного
цитирования (РИНЦ), <http://www.elibrary.ru>,
Ulrich's Periodicals Directory, <http://www.serialssolutions.com>,
Directory of Open Access Journals (DOAJ), <http://www.doaj.org>
EBSCO, <http://www.ebsco.com>

Редакционный совет:

председатель — д-р техн. наук
И.В. Стефаненко
(ВолгГТУ, Волгоград)

зам. председателя — д-р экон. наук,
проф. **О.В. Максимчук**
(ВолгГТУ, Волгоград)

д-р техн. наук, проф. **А.Н. Богомолов**
(ВолгГТУ, Волгоград)

канд. архит., проф. **А.В. Антюфеев**
(ВолгГТУ, Волгоград)

д-р техн. наук, проф. **Л.В. Прима**
(РАНХиГС, Москва)

**Главный редактор
журнала:**

д-р филос. наук, проф.
Б.А. Навроцкий (ВолгГТУ, Волгоград)

Редакционная коллегия:

д-р филос. наук,
проф. **В.И. Добренков** (МГУ, Москва)

д-р техн. наук, проф. **В.Н. Азаров**
(ВолгГТУ, Волгоград)

д-р социол. наук, проф. **В.В. Деларю**
(ВолгГМУ, Волгоград)

д-р архит., профессор **Леандро Мадразо**
Агудин (университет Рамона Ллулла,
Барселона)

д-р архит., проф. **Г.А. Птичникова**
(Волгоградское представительство
НИИТИАГ РААСН)

д-р филос. наук, д-р юрид. наук,
проф. **Н.Н. Седова** (ВолгГМУ, Волгоград)

Адрес редакции:

400074, Волгоград, ул. Академическая, 1
Тел. (8442)96-99-25, (8442)96-98-28

© Федеральное государственное
бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Волгоградский государственный
технический университет», 2017

Editorial council:

Chairman — Doctor of Engineering Science
I.V. Stefanenko (VSTU, Volgograd)

Deputy Chairman —
Doctor of Economics, Professor **O.V. Maksimchuk**
(VSTU, Volgograd)

Doctor of Engineering Science, Professor **A.N. Bogomolov**
(VSTU, Volgograd)

Candidate of Architecture, Professor **A.V. Antyufeev**
(VSTU, Volgograd)

Doctor of Engineering Science, Professor **L.V. Primak**
(The Russian Presidential Academy of National Economy and Public
Administration, Moscow)

Chief Editor:

Doctor of Philosophy, Professor
B.A. Navrotskii (VSTU, Volgograd)

Editorial team:

Doctor of Philosophy, Professor
V.I. Dobren'kov (Moscow State University, Moscow)

Doctor of Engineering Science, Professor
V.N. Azarov (VSTU, Volgograd)

Doctor of Social Sciences, Professor **V.V. Delaryu**
(Volgograd State Medical University, Volgograd)

Doctor of Architecture, Professor **Leandro Madrazo Agudin**
(Ramon Llull University, Barcelona)

Doctor of Architecture, Professor **G.A. Ptichnikova**
(Volgograd branch of The Research Institute of the Theory
and History of Architecture and Town Planning
of the Russian Academy of Architecture
and Construction Sciences)

Doctor of Philosophy, Doctor of Law, Professor **N.N. Sedova**
(Volgograd State Medical University, Volgograd)

Address:

Volgograd State Technical University (VSTU).
1, Akademicheskaya St., Volgograd, 400074, Russian Federation,
info@vgasu.ru, www.vgasu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

АРХИТЕКТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН	<i>Марьясова М. К.</i> Единство идеи и формы в британском здании общественного назначения рубежа XX–XXI вв. ... 5 <i>Назарова М. П., Етеревская И. Н., Янин К. Д.</i> Реновация городских общественных пространств с учетом их социокультурного потенциала ... 22
ГОРОД КАК ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА	<i>Максимчук О. В., Першина Т. А.</i> Конкурентоспособность города с учетом оценки комфортности проживания населения ... 32
ЧЕЛОВЕК В СОВРЕМЕННОМ ГОРОДЕ	<i>Болотова Е. Ю., Меркурьева В. С.</i> Опыт реализации государственной политики по защите детей-сирот (на примере Сталинградской области 1943–1945 гг.) ... 51
УПРАВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫМИ И ЭКОНОМИЧЕСКИМИ СИСТЕМАМИ	<i>Болотов Н. А., Белицкая М. А.</i> Формирование материально-технической базы вузов Сталинграда в 1930-е гг. ... 67 <i>Сидоренко В. Ф., Страчков Н. А.</i> Система оценки критериев жизнедеятельности малых городов для обеспечения перспектив их устойчивого развития ... 81
РЕЦЕНЗИЯ	<i>Антофеев А. В., Птичникова Г. А.</i> Архитектура в социокультурном пространстве региона. Рецензия на книгу Г. В. Есаулова «Архитектура юга России: от истории к современности» ... 91
АВТОРАМ	Условия приема статей в редакцию и требования к авторским оригиналам ... 94

CONTENT

ARCHITECTURAL SPACE AS A SOCIO-CULTURAL PHENOMENON

Mar'yasova M. K. The unity of the idea
and shape in British public buildings
(turn of the XX–XXI centuries) ... 5

Nazarova M. P., Etereyskaya I. N., Yanin K. D.
Renovation of urban public spaces
taking into account their social and cultural potential ... 22

CITY AS ECONOMIC SYSTEM

Maksimchuk O. V., Pershina T. A. On the competitiveness
of cities and the comfort of the population living ... 32

MAN IN CONTEMPORARY CITY

Bolotova E. Yu., Merkur'eva V. S. The practice
of the implementation of the state policy
on protection of children-orphans (by the example
of the Stalingrad Region in 1943–1945) ... 51

MANAGEMENT OF SOCIAL AND ECONOMIC SYSTEMS

Bolotov N. A., Belitskaya M. A. Formation
of the material and technical base of institutes
in Stalingrad in the 1930s ... 67

Sidorenko V. F., Strachkov N. A. The system of assessment
of living criteria in small towns to ensure prospects
of their sustainable development ... 81

REVIEW

Antyufeev A. V., Ptichnikova G. A. Architecture
in social and cultural space of the region.
The review of the book by G.V. Esaulov
“Architecture in the South of Russia:
from History to Modern Times” ... 91

INFORMATION FOR AUTHORS ... 94

Вниманию авторов и читателей!
Подписку на журнал можно оформить в
отделениях Почты России
по каталогу «Пресса России», подписной
индекс **29507**, и электронному каталогу
агентства «Книга-Сервис» (www.akc.ru),
подписной индекс **E 29507**.
По вопросам приобретения выпусков журнала
2008–2017 гг.
обращаться в редакцию по тел. (8442) 96-99-
25

Домашняя страничка журнала ISSN 2077-9402
(Online)
на сайте ВолГГТУ www.vgasu.ru
(<http://www.vgasu.ru/science/journals/city-sociology>)

УДК 7(72)

М. К. Марьясова

**ЕДИНСТВО ИДЕИ И ФОРМЫ
В БРИТАНСКОМ ЗДАНИИ
ОБЩЕСТВЕННОГО
НАЗНАЧЕНИЯ
РУБЕЖА XX–XXI вв.**

В статье рассмотрен генезис архитектурных стилей, использованных для зданий общественного назначения Великобритании и на территории бывших британских колоний. Дано развернутое описание деволюции как способа модернизировать систему государственного управления, обусловившего выбор современной архитектуры как рупора демократических идей. Обозначена актуальность поиска форм для российской архитектурной практики.

Ключевые слова:

хай-тек,
деконструктивизм,
современная архитектура,
деволюция,
регион.

М. К. Mar'yasova

**THE UNITY OF THE IDEA
AND SHAPE
IN BRITISH PUBLIC BUILDINGS
(turn of the XX–XXI centuries)**

The authors of the article pay great attention to the genesis in architectural styles used for administrative buildings in Great Britain and on the territories of former British colonies. A detailed description of the political context (on-going devolution) as the way to upgrade the public administration system, which determined the choice of the contemporary architecture as a mouthpiece of democratic ideas, is given. This is urgent for the Russian architectural practice.

Key words:

Hi-tech,
deconstructivism,
contemporary architecture,
devolution,
region.

Введение

В формате российской практики архитектуры и градостроительства понимание опыта зарубежных коллег и, в частности, опыта современного взаимодействия процесса модернизации государственной системы и обновления ее политических символов является важным, формирует облик современной российской архитектуры и перспективы ее дальнейшего развития. Эмоциональная связь между образом и назначением здания определяла поиск новых форм в архитектуре всегда, и особенно во второй половине XX столетия. Для отечественной архитектуры этот процесс чрезвычайно важен по многим основаниям. Британский пример сращения политических реформ и строительства региональных форпостов власти (Национальной ассамблеи Уэльса и парламента Шотландии), качественно новых в своем образе, особенно актуален. Впервые масштабная модернизация политической системы (посредством трех параллельных конституционных реформ (деволюции, реформы палаты лордов, отмены мажоритарной системы выборов) началась на фоне и под влиянием усиления роли отдельных регионов стран — членов ЕС.

Англосаксонская правовая система отличается своей стабильностью и относительной устойчивостью к инновациям, поэтому несколько конституционных реформ сразу — это масштабный шаг, связанный не только с обновлением существующей системы управления и принятия законов, но и с реорганизацией государства в целом. Центральная власть делегирует часть полномочий в регионы, предоставляя им право быть самостоятельными акторами глобальной экономики (но в рамках единых государственно-го бюджета и валюты).

Изменения происходят и в восприятии демократии. Большинство современных граждан уже не стремятся быть ее активными участниками, и, тем не менее, обладая правами и элементарной политической грамотностью, будут против того, чтобы почувствовать свою отстраненность от политики.

Об авторе:

Марьясова Мария Константиновна —
аспирант,
Новосибирский государственный
университет архитектуры, дизайна
и искусств.
Российская Федерация, 630099,
г. Новосибирск, Красный пр-т, 38,
mar98asova@gmail.com

Mar'yasova Mariya Konstantinovna —
Postgraduate Student,
Novosibirsk State University of Architecture,
Design and Art.
38, Krasnyi Prospekt, Novosibirsk,
630099, Russian Federation,
mar98asova@gmail.com

**Идеи, повлиявшие на возникновение нового облика
общественных зданий**

В России 1990-х восприятие демократии не просто менялось, оно формировалось. В 2000-е, с некоторым опозданием от Запада, россияне ощутили глобализацию. После длительного пре-валирования плановой экономики начались процессы перехода предприятий в частные руки. Бурные внутренние процессы отвлекли внимание от восприятия влияния внешних. В то время как во всем мире росла роль регионов и городов как относительно самостоятельных «продавцов» товаров и услуг на мировых рынках, в пост-социалистической России только начинали при-ходить к тому, что есть такие понятия, как «тор-говая марка» и «бренд». Слов «урбанистика» и «образ города» в лексиконе отечественных ис-следователей не было.

Британский политический эстеблишмент иначе воспринял социалистическую идею пла-нирования в экономике, от которой в новой Рос-сии поспешили отказаться. Удивительно, но спустя лишь 10 лет после завершения советского эксперимента идеи планирования и этатизма в экономике звучат в капиталистической Велико-британии. Новые лейбористы предложили раз-рабатывать экономические стратегии непосред-ственно в регионах. По сути это и послужило основной движущей силой одной из трех кон-ституционных реформ — деволюции. Британ-ский регион в подобных условиях, обретая ад-министративную власть, получает и мощное орудие рекламы своих ресурсов, товаров и ус-луг, нацеленное на привлечение иностранных инвесторов и туристов, в виде разнообразных отчетов об экономическом развитии, стратегий с акцентом на ключевые отрасли. Эти и множест-во других документов, в удобной форме пред-ставляющих результаты анализа статистики и разнообразную графическую информацию о ре-гионе, повышают его узнаваемость, поскольку общедоступны и могут быть с легкостью пере-ведены на другие языки [1, 2]. Фотографии зда-ния парламента или ассамблеи — их важная часть, как и часть сообщений в прессе.

С распадом СССР в России отказались от использования социалистической символики в графике. Вместе с тем 1990-е и 2000-е гг. не выработали ни новой символики, ни сколь-либо характерного образа российской демократии, не говоря уже об образах регионов (рис. 1, 2).

Рис. 1. Пример здания административного типа, построенного в России после распада СССР. Новое здание Московской городской думы

Рис. 2. Пример здания административного типа, построенного в России после распада СССР. Здание законодательного собрания Свердловской области

Проанализированный в статье путь развития стилистики зданий общественного назначения в Великобритании может быть полезен для русского читателя с точки зрения поиска новых форм, в концентрированном виде выражающих специфическую черту города или региона. В процессе исследования мы попытались систематизировать идеи, заложенные в программу новых лейбористов и определенно повлиявшие на облик парламента и ассамблеи, а также ряда других зданий, построенных в Великобритании за время пребывания у власти лейбористов в 2000-е гг.

Во-первых, это *восприятие влияния техники на современное общество, человека в нем и кибернетизации демократии*. Наш современник ежесекундно находится под воздействием информационной лавины. Изменяется и то, как он потребляет медиаконтент, какими порциями, с какой степенью внимания, чему придает большее значение, а чему меньшее. В 1990-е гг. социологи заговорили о проблеме отчужденности части общества не только от современных технических средств, но и от актуальной информации. Билл Клинтон назвал это явление «цифровой раскол». За 20 лет рынок естественным образом внес коррективы, а начиная с 1990-х на уровне государственных программ осуществляются действия, нацеленные на информатизацию процессов государственного управления.

Сложнее справиться с ответными реакциями на глобализацию и культурную унификацию, усилившихся в том числе и в результате повсеместного использования цифровых средств передачи информации. На фоне кризиса и трудовой миграции это привело к обострению не просто национального чувства, а местечкового национального чувства. В современной Европе тенденцией, противостоящей культурной интеграции, является локализм. Он проявляется и на уровне обывательского участия в формировании общественно-политических идей, поскольку каждый из нас может являться блогером или владельцем собственного сетевого журнала, участвовать в разнообразных дискуссиях на форумах и оставлять свои комментарии на сайтах. Политика становится публичной, а облик и техническая оснащенность здания общественного назначения должны этой публичности соответствовать.

Во-вторых, это *идеи, связанные с меняющейся ролью национального государства в условиях наднациональных объединений* (ЕС, АСЕАН, НАФТА). Великобритания номинально федерацией не является, поскольку на протяжении многих столетий существовала как унитарное государство. После Второй мировой войны окончательно распалась Британская империя, включавшая в себя множество колоний и заморских территорий по всему свету. Ее современная политическая система не только перестраивалась на новый управленческий лад, но и была вынуждена трансформироваться под влиянием процессов евроинтеграции. В то же время Великобритания никогда не являясь частью еврозоны, при консерваторах взяла курс на реализацию Брексит, т. е. постепенного выхода из ЕС.

Вместе с тем на протяжении более десяти лет «до» лейбористы Великобританию динамично «встраивали» в Евросоюз, перекраивая не только экономику, но и систему государственного управления, делегируя часть властных полномочий на места и усиливая роль регионов. В регионах видели не только площадки для выработки общей экономической стратегии, но и относительно самостоятельных акторов мировой экономики.

В Белой книге «Твой регион, твой выбор» 2002 г. [1] Европа представлена как «Европа регионов», а деволюция Великобритании — как процесс, способный к ней адаптировать. Т. Блэр за период своего министерства (1997—2007) был окрещен политическими обозревателями «Моисеем Блэром, обещающим Евролэнд» [3]. Более того, серию очень крупных преобразований сопровождали «большие стройки». Их наиболее значимым итогом стало строительство парламента в Шотландии, Ассамблеи Северной Ирландии и купола Тысячелетия в Лондоне (рис. 3—6). По всей вероятности, лавры Томаса Джефферсона (архитектора американской демократии и творца в федералистском стиле) до сих пор не дают покоя европейским политикам.

Рис. 3. Современный парламент Шотландии (арх. Энрик Миральес Мойя)

Рис. 4. Стормонт (Ассамблея Северной Ирландии)

Строительство велось не только на поверхности, но и в Интернете. За годы министерства Т. Блэра на просторах британского сегмента Интернета создавалось государство-химера, в том числе состоящее из несуществующих, но уже виртуально присутствующих органов управления. К таковым можно было отнести Ассамблеи восьми регионов Англии, каждая из которых получила свою графическую символику и имела зарегистрированный в Интернете, учитывая геопривязку, сайт. Произошло перемещение части законодательных и исполнительных инициатив на уровень региональных органов управления (парламента в Шотландии, Ассамблеи в Уэльсе и Северной Ирландии и администраций). Важным подспорьем тому стало внедрение нового облика здания общественного назначения (современного и, в то же время, отражающего особенности региональной культуры). Новый парламент Шотландии в стиле деконструктивизм, построенный вместо Холирудского дворца, иллюстрирует прошлую борьбу с восстаниями против забюрократизированности власти. Так в архитектуре отражены общественные настроения, поскольку и 1990-е, и начало 2000-х характеризовались всплеском национального самосознания в регионах.

Рис. 5. Ассамблея Уэльса (Senedd)

В-третьих, философская мысль и идеи о государственном устройстве вдохновляли архитекторов на протяжении всей истории. Антураж здания влияет или демонстрирует организацию политического процесса. Мы можем проследить то, как менялись и обновлялись форма и устройство зданий, какие архитектурные стили появлялись на протяжении столетий, сопровождая значимые политические события. Миллениум, сам по себе являясь событием, был использован как политиками, так и архитекторами, чтобы на его фоне воплотить прогрессивные и прибыльные идеи, например Собор Тысячелетия (одно из немногих рукотворных сооружений, видимых из космоса) (рис. 6).

Рис. 6. Купол Тысячелетия в Лондоне (инж. Айан Лиддел)

В Великобритании Реформация с 1540 г. практически прекратила новое храмостроение. С начала XVII в. очередная волна этого движения за секуляризацию церкви, упрощение ее антуража и религиозных текстов несла «уже иконоборческий характер, и пуританство выдвинуло собственную типологически новую композиционную схему церковного здания» [4, с. 475]. Начиная с XV в. активно строились колледжи, из облика которых постепенно уходила готика, уступая место ренессансным мотивам (Тринити (Кэмбридж), Уодхем (Оксфорд)) [там же, с. 472].

Заимствования опыта и приемов итальянских мастеров были и при строительстве частных резиденций. В XVII в. происходят активные интерпретации и адаптация палладианства (итальянец Андреа Палладио) в творениях таких архитекторов и разносторонне развитых людей, как Роберт Брюс, Колин Кемпбелл, Ричард Бойл Берлингтон, Уильям Кент (по рисункам которого изготовлялась также и мебель) и др. (рис. 7).

Рис. 7. Генезис британского палладианства. Вилла Ротонда (Капра). Виченца (Италия). Архитектор Андреа Палладио, 1566–1585 гг.

Будучи огромной империей со множеством заморских территорий, Великобритания, подобно наполеоновской Франции (родине ампира), сама транслировала административный стиль. Бомбей, Калькутта, Дели, Каир, Сидней и Мельбурн — примеры частичной застройки британцами, в которой причудливым образом сплетались этнические мотивы, палладианство и даже элементы ренессансной архитектуры (рис. 8).

Рис. 8. Архитектура британских колоний и генезис колониального стиля. Высший суд Бангалора. Бангалор, Индия. 1867 г.

Шло освоение колониальных территорий, и Лондон должен был предложить архитектурную альтернативу дворцам махараджей, правителей и фараонов, чтобы визуально укрепить свою власть. Палладианство, изначально перенимая купольные формы и арки из мусульманской архитектуры, обретает новые интерпретации и стилистическую подпитку в восточном искусстве, смешиваясь с автохтонными орнаментами и ремеслом в каирских и индийских интерьерах. Затем, уже с провозглашением независимости колоний от Великобритании, например в Индии, появятся причудливые дворцы и административные здания, в которых будет доминировать автохтонная традиция, однако привитая уже на архитектурное ремесло европейцев.

Барокко, ренессанс, напитанные восточным мистицизмом, и классицизм смешиваются в интерьерах каирских дворцов, построенных французами во времена нахождения Египта под протекторатом Великобритании. По-английски сдержанно выглядят интерьеры гостиницы «Виндзор», которую можно считать близкой к колониальному стилю (рис. 9). В Австралии строятся здания в георгеанском и викторианском стилях, формируются свои оттенки колониального стиля. Британская архитектура развивалась не то чтобы независимо от континентальной Европы, поскольку связи между ремесленниками и информационный обмен все-таки происходили, однако вбирая в себя в том числе и композиционные приемы автохтонной архитектуры колоний, как и приемы французских архитекторов.

Существование необъятной империи превращало Лондон в эпицентр — транслятор административного стиля по отношению к колониям и доминионам, а с урбанистической точки зрения — в город-метрополис. Мы слышали словосочетание «английский стиль», однако существует ли в текущей ситуа-

ции стиль британский? Наверное, так же как и любая другая национальная культура, английская, ирландская или шотландская культуры как-то преломляют стилистические волны, приходящие или перенимаемые из опыта других стран. Даже в образе британской столицы, по словам А. В. Иконникова, доминирует эклектика как «беспринципная смесь элементов различных стилей» [5, с. 16]. Она наложила свой отпечаток на облик центра Лондона, «где были уничтожены строгие и цельные ансамбли» [там же].

Рис. 9. Отель «Виндзор». Каир, Египет. 1893 г.

В то же время, наряду с движущими силами, формировавшими империю, сосуществовала местная политическая традиция Британских островов. Если вспомнить историю, поначалу на их территории обособленно и находясь под различным влиянием, развивалось несколько территорий (о. Мэн, Северная Ирландия, Уэльс, Шотландия), сохранявших традиции кельтов и пиктов, и Англия, находившаяся под влиянием политической традиции норманнов. После подписания уний политическое развитие на этих территориях не прекратилось, административные постройки разрушены не были, и в дальнейшем внимание к ним возвращалось вновь и вновь. К примеру, в каменной архитектуре Шотландии благодаря деятельности, прежде всего, шотландских архитекторов в Новое время были развиты упомянутые нами ранее традиции палладианства.

Чтобы раскрыть механизм использования архитектуры британских зданий общественного назначения для развития идей деволюции в регионах, нам необходимо составить представление о ее особенностях и текущих путях развития.

В Северной Ирландии, после разделения территории Ирландии на Ольстер и Республику Ирландию (вышла из состава Соединенного Королевства в 1922 г.), парламент в Белфасте был построен только в начале XX в. С незначительным количеством каменных строений, относящихся к Средневековью, здесь соседствуют образцы георгианского стиля, викторианской, регентской

архитектуры, то, что может напомнить федералистский стиль, и объекты современной архитектуры. Особенно интересно здание парламента Стормонт в Белфасте, выражающее не столько независимость, сколько возрождение региональной политической традиции. Визуально оно «уравновешивает» парламент в Дублине (арх. Эдвард Ловетт Пирс (оформление), Джеймс Гэндон, Роберт Парк). Считается, что Дублинский парламент выглядит значительно помпезнее благодаря оформлению, сделанному Пирсом. Стилистически это неоклассицизм (с очевидным влиянием палладианства), сочетающий в себе фасад, украшенный длинной колоннадой и купол. Построенный позднее парламент (без купола) в Белфасте (Сев. Ирландия, Соединенное Королевство) — фактическая калька с парламента в Дублине. Вплоть до Второй мировой войны он порождал аналогии с Белым домом, и его нередко называли «Белый слон». Здесь следует сделать оговорку, что это словосочетание в английском — также и фразеологизм, обозначающий нечто дорогостоящее и не оправдывающее свое содержание.

Дух палладианства, происходящего из творчества итальянца Андреа Палладио, часто проектировавшего загородные виллы, прослеживается во многих зданиях административного назначения постройки конца XVIII, XIX веков и вплоть до 60-х гг. XX-го столетия. Визитной карточкой проектов Палладио был греческий (зачастую ионический) стиль, сочетание купола и изменяемой длины портика. Последнее определенным образом проинтерпретировано британскими и американскими архитекторами в процессе строительства парламента в Дублине (поначалу купол проектировался и в Белфасте) (см. рис. 4), Капитолия (США) (рис. 10).

Рис. 10. Капитолий. Ричмонд, США. Арх. Томас Джефферсон. 1788 г.

Исходя из этих интерпретаций рубеж Нового и Новейшего времен подарил миру новый тип здания административного назначения — здание, специально построенное под размещение в нем парламента. До этого момента в Европе под общественные нужды в основном строились дворцы, замки, ратуши и здания культового назначения. Новый Свет вновь дает жизнь не просто античным традициям в архитектуре, но и попыткам представить идею демократии как идеал, наконец-то реализованный в политической системе федерации американских штатов. Появляется стиль зданий административного назначения, потомками названный как федералистский. Энциклопедия «Британника» определяет его как «американское возрождение римской архитектуры, особенно ассоциируемое с Томасом Джефферсоном и Бенджамином Латробом» [6, с. 16]. Архитектонически американский Капитолий имеет множество черт, роднящих его не только с древнеримской и композиционно с «палладиевой» архитектурой: есть общее и с внешним видом парламента в Дублине (Республика Ирландия).

Любопытно, каким образом архитектура и неоклассическая интерпретация наследия итальянского зодчества визуально связали все те территории, на которых был провозглашен суверенитет от Великобритании. Купол Капитолия напоминает купол собора Святого Петра в Риме и купол парламента в Дублине. Более того, та же модель купола встречается и на территориях других колоний и доминионов Великобритании (в частности, в Индии и в Каире, т. е. везде, где британцы вели строительство в период существования империи).

Во время войны была использована «камуфлирующая» смесь из коровьего навоза и битума, чтобы замаскировать нарочито белого «слона» от бомбежек нацистами. Сияние Стормонта как символа региональной демократии уравнивает выразительная статуя яркого юниониста 1920-х гг. лорда Эдварда Карсона, запечатленного в драматической позе с жестом, осуществляющим взаимосвязь с небом, непосредственно перед входом в здание (рис. 11). Внутренняя отделка парламента выполнена в красном и голубом (поскольку лен является эмблемой Ассамблеи) цветах с позолотой, в подобном сочетании часто встречающихся в произведениях ирландского декоративно-прикладного искусства.

Шотландское наследие архитектуры административных зданий даже в большей мере исторично. Во-первых, шотландские элиты, даже после Унии 1707 г., сохраняли консолидацию. Во-вторых, Шотландия — единственная из регионов Великобритании, чьи выходцы основали королевскую династию, длительное время находившуюся на британском престоле. Династия Стюартов попеременно пребывала то на шотландском, то на английском (1603—1649, 1660—1694, 1702—1707 гг.), то на ирландском (в 1603—1649, 1660—1694, 1702—1714 гг.), то на британском (в 1707—1714 гг.) тронах. В третьих, палладианство, вдохновившее затем и архитекторов Нового Света, поначалу было привито на почву плеядой шотландских архитекторов братьев Адамов, явившихся также и родоначальниками так называемого адамова стиля в интерьере. Характерный для него орнамент восходит к Античности и Востоку. Шотландское палладианство вдохновлялось непосредственно итальянскими прототипами, описанными в книгах Витрувия и реализованными в постройках Палладио. Будучи привитым, палладианство подарило этой земле настоящий символ политической традиции —

перестроенный архитектором Уильямом Брюсом (при короле Карле II) Холирудский дворец. У. Брюс (ум. в 1710 г.) считается одним из начинателей шотландского палладианства.

Рис. 11. *Сормонт (Ассамблея Северной Ирландии)*

Возможно, фамилия архитектора и наводила на мысли о Роберте Брюсе (одном из величайших шотландских монархов, активно воевавших за независимость от Англии, основателе местной династии Брюсов), но в 1707 г., в соответствии с Унией, вопрос о шотландском самоуправлении надолго утратил свою актуальность. Выразительность образ регионального парламента обрел в конце 90-х гг. XX века. В этот раз делегатов народной воли разместили не в старинном дворце, а в новом, специально спроектированном архитектором из Каталонии. Энрик Миральес Мойя создал сооружение в стиле деконструктивизма (см. рис. 3). Таким образом, миллениум обозначил и смену политической традиции, оставив кровопролитные войны и борьбу за независимость в

истории прошлого тысячелетия. Шотландский парламент более не имеет каких-либо ассоциаций с крепостью, это открытое и медиапубличное пространство, в своем реализованном виде скорее напоминающее идеи информационного узла, так часто встречающиеся у советских конструктивистов.

Здесь нам потребуется небольшая историческая справка, лишний раз подтверждающая утверждение об интернациональности стилей в архитектуре. Деконструктивизм (в отличие от «конструктивизма» — это международно принятое понятие), относясь к современности, получил широкую известность благодаря деятельности кооператива «Синее небо» (Himmelblau) (Рема Колхаса, Захи Хадид, Энрика Миральеса Мойя и др.). В настоящее время стиль широко применим для строительства зданий общественного назначения во всем мире. Возможно, что именно авторский почерк Мойя привлек внимание британских политиков, однако не стоит забывать и о том, что Каталония — уникальный, самобытный регион, борющийся не только за сохранение автохтонной культуры, но и за независимость. Он добился автономии и признания каталонцев нацией, отличной от испанцев, а бюро Мойя получило множественные призы и награды, включая Каталонский национальный приз в 2002 году.

Деконструктивизм отражает не только динамику борьбы за историческую самобытность архаичностью своей мощи движения, но и визуализирует влияние, значимость политических процессов.

Характерно, что мода на «декон» не обошла стороной и Россию и страны ближнего зарубежья. Примеров тому уже несколько: Сколково (британский арх. Дэвид Аджайе), Центр Гейдара Алиева в Баку (британский арх. Заха Хадид) и др. Любопытно, что изначально появление этого стиля в архитектуре 1960-х связано с неким протестом, в том числе и против существующей политической системы, демократии в ее лишь номинально всенародном обличье. Деконструктивизм — это изначально философское течение, затем, оказавшееся актуальным, оно было подхвачено архитекторами. Технологическая революция, начавшаяся еще с изобретения телефонной связи и телетрансляции, перевернула и логику философствования, выбив из-под нее основную сваю в виде закона отрицания отрицания Гегеля, державшую на себе систему философствования до того. Жак Деррида объявил текстуальную культуру противоестественной и от того мертворожденной. Письмо, в отличие от живой речи, неестественно для человека и не способно отразить всю полноту мнения, поскольку оно атонально [7, с. 509]. Работы Дерриды появляются в бунтарские 1960-е, когда Францию охватил пожар «красного мая». Общество ждало радикальных перемен, и впервые в истории оно их получило без революции. Несомненно, это оказало самое пламенное влияние на систему мышления и стиль принятия решений. Что производит деконструктивизм? Деконструируя текст, объявляя бумагу пеплом и впуская в действие государственной машины, в большинстве стран лишь формально являющейся демократичной, медиапубличность (или ее видимость), он ломает не только фасады, но и привычные конструкции политики, привнося ощущение постоянного движения.

Подобное же чувство «неспокойствия» порождает в созерцающем стиль барокко, изначально родившийся как противодействие локальной аристократии власти римских пап в городах и поместьях Италии, «весу» золота Вати-

кана. Еще это ощущение кардинальных сдвигов. Сдвигов, динамика которых подобна тем, что отображают полотна Малевича, плакаты и графика Родченко, Эль (Лазаря Марковича) Лисицкого и многих других зачинателей советского авангарда 1920-х гг. Все это «явственно проступает в виде образов-фонов за жесткими и топорщимися композициями декора» [там же].

Построенное уже в 2000-е, деконструктивистское здание парламента Шотландии своим образом должно было формировать не восприятие того, что политический процесс происходит «за закрытыми дверями», а ощущение реальных перемен, сдвигов, перелома, которые случатся с появлением регионального законодательного органа. Приведут ли эти «сдвиги» к независимости Шотландии с последующим членством в ЕС — вопрос дискутируемый, однако «уравновешенный» весом британского фунта серебра. Консерваторы ни при каких условиях не соглашаются сохранить действие фунта как основной валюты на территории независимой Шотландии. В свою очередь, и обыватели, и политики понимают, что смена валюты вызовет экономические катаклизмы, с которыми новое правительство окажется просто не в состоянии справиться. Возможно, именно это в настоящее время является одним из основных сдерживающих факторов во время проведения референдумов по вопросу о независимости.

Ассамблея другого региона Великобритании — Уэльса — также построена в духе современной архитектуры Ричардом Роджерсом, стилистически относясь к хай-тек. Спорно, насколько хай-тек экономичен, однако своим внешним обликом здание Ассамблеи, известное как Senedd, отражает именно то, что новый орган региональной власти, открытый 1 марта 2006 г. в Кардиффе — не лишняя бюрократическая ступень, а сень над местными элитами. Здание облицовано знаменитым валлийским сланцем, а второй главный материал — это медь, напоминающая об исторических рудниках Грейт Орм в Ландидно (см. рис. 5).

Британец Ричард Роджерс (штаб-квартира страховой компании «Ллойд» в Лондоне (1979—1984), Европейский суд по правам человека в Страсбурге (1984), выставочный зал купола Тысячелетия (Лондон, 1999) и др.) считается одним из родоначальников стиля хай-тек [8], строящегося на максимальном обращении к высоким технологиям в структуре жизнеобеспечения в современном здании. Кроме того, современный хай-тек ориентирован на экологичность и оптимизацию взаимодействия неживой природы здания и окружающей его живой природы. Здание Senedd признано одним из самых экологичных в Европе.

Форпосты региональной демократии и купол Тысячелетия в Лондоне, являющиеся самоуправляемой единицей (GLA — Greater London Authority), проектировались в духе современной архитектуры, с учетом требований к эффективности функционирования их внутренних систем. К миллениуму британцы опять успели «опередить» весь мир, и на какое-то время Лондон стал столицей архитектурной моды. На сегодня одним из трендов развития современной архитектуры (в т. ч. и российской) является повсеместное использование технологичной ткани и легковозводимых конструкций для помещений общественного назначения и спортивных стадионов (например, Альянс-Арена, Мюнхен, 2002—2005 гг.). Если вспомнить историю архитектуры, то конструкции, использовавшие напряженную синтетическую ткань,

создавались еще в 1960—1970-е гг. японскими и немецкими архитекторами (Ф. Отто, И. Мюрата).

Покровительствуя инновациям в архитектуре, центральная власть решала целый комплекс прикладных задач. Во-первых, вновь при проектировании зданий в понимание их формы стал вкладываться символизм, чему современные материалы дают широчайшие возможности. Возможно, что это позволит «разгрузить» восприятие британской государственной машины как нацеленной на подчинение национальных окраин. «Камни» прошлого несут на себе мрачный отпечаток жестокости Средневековья. Например, Лондонский Тауэр, построенный в 1066 г., являлся настоящим символом угнетения и подчинения абсолютной королевской власти любых попыток восстаний на окраинах. В свое время он был тюрьмой, арсеналом, хранилищем королевских драгоценностей, зоопарком и даже обсерваторией. Вестминстерский дворец (неоготика, 1840—1860 гг.), в котором в настоящее время проходят заседания Британского парламента, также объединял в себе различные функции: в его холле решались вопросы судейства (Суд королевской скамьи, Суд общих тяжб и Суд казначейства), импичмента и т. д. Здесь судили Уильяма Уоллеса (1305), Гая Фокса (1606), восставших шотландских лордов и Уоррена Гастингса. Очевидно, чтобы избавить британскую конституцию от окаменелости ее основ, требуется сместить акценты и в ее материальных символах. Подобное историческое наследие отягощает восприятие здания Вестминстерского дворца как символа парламентаризма равных возможностей. Опросы общественного мнения, проводимые в регионах, устойчиво показывали то, что население в деволюции видит еще и способ сформировать лишний бюрократический уровень. Помогут ли современные и лишние ассоциативных связей с историческим прошлым здания парламента Шотландии и Уэльса развеять стереотипы в восприятии эффективности создания регионального уровня управления — вопрос будущего. Визуально британская и современная европейская системы законодательства сблизились, т. к. здания Европарламента в Страсбурге и Брюсселе построены в духе современной архитектуры, а амбиции шотландских и валлийских националистов в какой-то мере оказались удовлетворенными. Способность британской политической системы к модернизациям материализована.

Во-вторых, активизировавшееся строительство постоянно стимулировало интерес к обмену сообщениями внутри политической системы, между ее частями и обществом, внутри общества на уровне повседневной коммуникации. Наиболее очевидна в этом отношении реакция СМИ и разнообразных политических форумов, где дискутировался процесс деволюции. За период с 1997 по 2012 гг. нами был проведен обзорный анализ сообщений, поступавших в печатные («The Economist»), в т. ч. и в пролейбористские СМИ («The Guardian», «The Sun»), включая американский «The Newsweek» и т. д. [1, 10—16]. Возводимые объекты стали мощным аттрактором внимания журналистов и PR-менеджеров, провоцируя к оригинальным постройкам лавину общественного внимания. К примеру, в электронном архиве «The Economist» содержится большое количество статей, фиксирующих динамику неэкономных инвестиций в купол Тысячелетия [11, 22—26]. Идея наделения британских регионов инициативой власти «раскручивалась» на позитивной либо негативной информации, отмечая любые варианты отступления назад. Ин-

формация о расходах и мероприятиях стимулировала интерес к сообщениям на тему региональных преобразований, диалогу и формированию инициативных групп.

Заключение

Рассматривая историю архитектуры зданий общественного назначения, мы являемся свидетелями кардинальной трансформации их облика под влиянием трендов, заданных современной архитектурой. Приведет ли это к демократизации демократии — еще не совсем понятно, однако на настоящий момент обновление облика архитектурных символов в ущерб вечности очевидно. Возможно, что при условии рациональных подходов к возведению это поспособствует созданию незабюрократизированного образа региональной власти. Пример Великобритании показателен как нацеленный на сбалансированное сочетание региональной культуры и рациональное понимание исторического наследия Средневековья, Нового времени и дохристианского мира. Мифологизм кельтской культуры, традиции античности, интерпретированные в Ренессансе, традиции строительства родовых замков и палладианства, колониальный стиль, плеяда типично английских стилей — все это применяется, будучи разбавленным современной архитектурой, а не унифицируется под знаком британского флага. Современная Великобритания, двигаясь по пути деволюции, не является тем «плавающим котлом», которым в свое время стали Соединенные Штаты, т. к. современная Европа — это «Европа регионов», что не означает отказа от национального государства. Восприятие ценности региональных культур и толерантность к оригинальной региональной традиции — свидетельство если не демократии, то высокой демократической культуры. Невнимание к регионам способно ввергнуть полиэтническое государство в пучину местечкового национализма.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Glancey J.* Reassuringly expensive // *The Guardian*. 31 may, 2004. URL: <https://www.theguardian.com/artanddesign/2004/may/31/architecture.regeneration>
2. Modernising government. White paper. 1999. P. 13. URL: <http://www.fd.unl.pt/bibliotecadocs/Modernising%20Government.pdf>
3. *Moses Blair and his promised Euroland* // *The Economist*. 1999. March 20th. P. 48.
4. Всеобщая история архитектуры в 12 томах. М.: Издательство литературы по строительству, 1967. Т. 5. 659 с.
5. *Иконников А. В.* Лондон. Л.: Стройиздат, 1972. 95 с. (Архитектура и строительство городов мира).
6. Federal style // *Encyclopaedia Britannica*. Fifteenth Edition. Chicago, 1994. Vol. 4. 980 p.
7. *Деррида Ж.* О грамматологии / пер. с франц. Н. Автономовой. М.: Ad Marginem, 2000. 512 с.
8. *Светлова В. В.* Архитектор Джеймс Фразер Стирлинг // *Архитектура и время*. 2013. № 2. С. 29—32.
9. *Wilhide E.* The Millennium Dome Rogers Stirk Harbour + Partners. URL: <http://www.rsh-p.com/projects/millennium-dome/>
10. The Millenium Dome. Another £29m down the drain // *The Economist*. 2000. May 27th.

11. Millenium Dome. Dust to dust, lice to lice // *The Economist*. 2001. February 22nd. URL: <http://www.economist.com/node/513081>
12. The Millenium Dome. The black hole of Greenwich // *The Economist*. 2000. Sep. 7th. URL: <http://www.economist.com/node/360078>
13. The Millenium Dome. P-Y to the rescue? // *The Economist*. 2000. February 10th. URL: <http://www.economist.com/node/281494>
14. The Millenium Dome. Dome boy and big mama // *The Economist*. 1998. February 19th. URL: <http://www.economist.com/node/604430>
15. Millennium Dome 'waste of money' // *BBC News*. 1998. Friday. 19th June, URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/52619.stm
16. The Revival of London's Millennium Dome // *Time Friday*. 1998. 19 June. URL: <http://content.time.com/time/business/article/0,8599,1676603,00.html>

REFERENCES

1. Glancey J. Reassuringly expensive. *The Guardian*, 31 may, 2004. URL: <https://www.theguardian.com/artanddesign/2004/may/31/architecture.regeneration>
2. *Modernising government. White paper*, 1999, p. 13. URL: <http://www.fd.unl.pt/bibliotecadocs/Modernising%20Government.pdf>
3. Moses Blair and his promised Euroland. *The Economist*, 1999, March 20th, p. 48.
4. *Vseobshchaya istoriya arkhitektury v 12 tomakh* [World history of architecture in 12 volumes]. Moscow, Publishing House of Construction Literature, 1967, vol. 5. 659 p.
5. Ikonnikov A. V. *London* [London]. Leningrad, Stroiizdat Publ., 1972. 95 p.
6. Federal style. *Encyclopaedia Britannica*. Fifteenth Edition. Chicago, 1994. Vol. 4. 980 p.
7. Derrida Zh. *O grammatologii* [About grammatology]. Translated from French by N. Avtonomova. Moscow, Ad Marginem Publ., 2000. 512 p.
8. Svetlova V. V. [James Fazer Stirling architect]. *Arkhitektura i vremya* [Architecture and Time], 2013, no. 2, pp. 29—32.
9. Willhide E. *The Millennium Dome Rogers Stirk Harbour + Partners*. URL: <http://www.rsh-p.com/projects/millennium-dome/>
10. The Millenium Dome. Another £29m down the drain. *The Economist*, 2000, May 27th.
11. Millenium Dome. Dust to dust, lice to lice. *The Economist*, 2001. February 22nd. URL: <http://www.economist.com/node/513081>
12. The Millenium Dome. The black hole of Greenwich. *The Economist*, 2000, Sep. 7th. URL: <http://www.economist.com/node/360078>
13. The Millenium Dome. P-Y to the rescue? *The Economist*, 2000, February 10th. URL: <http://www.economist.com/node/281494>
14. The Millenium Dome. Dome boy and big mama. *The Economist*, 1998, February 19th. URL: <http://www.economist.com/node/604430>
15. Millennium Dome 'waste of money'. *BBC News*, 1998 Friday, 19th June. URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/52619.stm
16. The Revival of London's Millennium Dome. *Time Friday*, 1998, 19 June. URL: <http://content.time.com/time/business/article/0,8599,1676603,00.html>

© Марьясова М. К., 2017

Поступила в редакцию
в июле 2017 г.

Received in July, 2017

Ссылка для цитирования: Марьясова М. К. Единство идеи и формы в британском здании общественного назначения рубежа XX—XXI вв. // *Социология города*. 2017. № 3. С. 5—21.

For citation: Mar'yasova M. K. [The unity of the idea and shape in British public buildings (turn of the XX—XXI centuries)]. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2017, no. 3, pp. 5—21.

УДК 711.4-168:711.551

Введение

*М. П. Назарова,
И. Н. Етеревская,
К. Д. Янин*

**РЕНОВАЦИЯ ГОРОДСКИХ
ОБЩЕСТВЕННЫХ
ПРОСТРАНСТВ
С УЧЕТОМ ИХ
СОЦИОКУЛЬТУРНОГО
ПОТЕНЦИАЛА**

В статье рассматривается влияние социальных процессов на трансформацию городских общественных пространств и поиск путей их реновации исходя из социокультурного потенциала городской среды. Авторами проанализировано изменение роли городского общественно-го пространства в социальной жизни современного города. Представлены типы городских общественных пространств, особое внимание уделяется вопросам разработки социального сценария развития пространства. Реновация общественных пространств современного города рассматривается на основе трехчастной структуры «социум — природа — пространство».

Ключевые слова:

городская среда,
средовой объект,
городское общественное
пространство,
градостроительная система,
социокультурное
пространство.

*M. P. Nazarova,
I. N. Eterevskaya,
K. D. Yanin*

**RENOVATION OF URBAN
PUBLIC SPACES
TAKING INTO ACCOUNT
THEIR SOCIAL AND CULTURAL
POTENTIAL**

This article examines the influence of social processes on the transformation of urban public spaces and the search for ways of their renovation based on the social and cultural potential of the urban environment. The authors analyze the changing role of the urban public space in the social life

Притягательность городов определяется безусловными плюсами городской жизни, которая в разы увеличивает темпы социокультурного развития современного общества. Но городская жизнь порождает и свои противоречия, к их числу относится проблема организации городских пространств, в которых протекает вся жизнь современного горожанина.

Современная ситуация вводит в формирование архитектурного пространства нового активного субъекта — потребителя. Вплоть до конца XX в. потребителем считался только субъект восприятия архитектурных форм, пассивно воспринимающий предложенные ему архитектурные решения. В настоящий момент мы имеем социального субъекта, оценивающего и принимающего участие в процессе организации своей пространственной среды. В то же время крупные промышленные центры претерпевают трансформацию на всех уровнях организации и становятся пространством для коммуникации, что отражается на повседневных практиках горожан. Город становится пространством, в котором возможно удовлетворение социальных, духовных и эстетических потребностей жителей.

Включение российского общества в глобальную социокультурную среду порождает необходимость создания общественных пространств, ориентированных на потоки туристов, мигрантов и представителей бизнеса, «транзитных пространств», где пространство выполняет роль социокультурного посредника, позволяя индивиду адаптироваться в незнакомой для него среде. В глобальном соперничестве за инвестиции между городами и регионами побеждают те, которые создают уникальные общественные пространства, вызывающее эмоциональный отклик у субъектов его восприятия. Социально-экономическое благополучие города и региона зависит от создания успешного бренда и его реализации в архитектурном пространстве [1].

Таким образом, конструирование архитектурного пространства современного города предполагает создание социально значимых общественных пространств, позволяющих конструировать жизненный мир горожанина [2—6], существенными

of a modern city. The types of urban public spaces are presented in the article. Special attention is paid to the elaboration of a social scenario for the development of urban space. The renovation of public spaces of a modern city is considered on the basis of a three-part structure: society — nature — space.

Key words:

urban environment,
environmental object,
urban public space,
urban planning system,
social and cultural space.

Об авторах:

Назарова Марина Петровна —
доктор философских наук,
доцент кафедры
философии, социологии и психологии,
Волгоградский государственный
технический университет (ВолГТУ).
Российская Федерация, 400074,
г. Волгоград, ул. Академическая, 1

Nazarova Marina Petrovna —
Doctor of Philosophy Science,
Docent of Philosophy, Sociology
and Psychology Department,
Volgograd State Technical University (VSTU).
1, Akademicheskaya St., Volgograd,
400074, Russian Federation

Етеревская Ирина Николаевна —
кандидат архитектуры,
доцент кафедры урбанистики
и теории архитектуры,
Волгоградский государственный
технический университет (ВолГТУ).
Российская Федерация, 400074,
Волгоград, ул. Академическая, 1,
eterevskaya_irina@mail.ru

Eterevskaya Irina Nikolaevna —
Candidate of Architecture,
Docent of Urban Development Department,
Volgograd State Technical University (VSTU).
1, Akademicheskaya St., Volgograd,
400074, Russian Federation,
eterevskaya_irina@mail.ru

Янин Кирилл Дмитриевич —
ассистент кафедры философии,
социологии и психологии,
Волгоградский государственный
технический университет (ВолГТУ).
Российская Федерация, 400074,
г. Волгоград, ул. Академическая, 1

Yanin Kirill Dmitrievich —
Assistant of Philosophy, Sociology
and Psychology Department,
Volgograd State Technical University (VSTU).
1, Akademicheskaya St., Volgograd,
400074, Russian Federation

частями которого являются основные ценности, принятые современным обществом.

В рамках данной статьи рассматривается социокультурный потенциал общественных пространств в формировании комфортной городской среды для осуществления повседневных практик горожан.

Типы общественных пространств на примере Волгограда

В структуре социального пространства выделяется публичное пространство города, под которым понимаются традиционные общественные места. В третьем тысячелетии появилась новая форма публичного пространства — торгово-развлекательный центр, сочетающий в себе торговые, развлекательные и публичные функции. Данные архитектурные объекты в современном социальном пространстве крупных городов превратились в социально значимые доминанты, пространственно организующие территориальную общность [7]. В то же время наблюдается процесс возрождения национальных региональных «памятных мест», что дает возможность общности сохранить свою идентичность.

С учетом этого особое значение социально значимых доминант как основных смысловых структурообразующих элементов на примере г. Волгограда приобретают следующие типы общественных пространств:

— образованные объектом или рядом объектов, обладающих высоким рангом в пространственной композиции города (общественные центры города и планировочных районов);

— прилегающие к основным видам учреждений культуры и их комплексам (театры, музеи, выставочные комплексы, крупные Дома культуры);

— представляющие образ города как элемент исторической среды в концентрированном виде (градостроительные ансамбли сталинского классицизма, сформированные вдоль проспекта Ленина и в центральной части города);

— объединяющие объекты, связанные с историческими событиями или людьми (мемориальные комплексы «Мамаев курган», музей-панорама «Сталинградская битва»).

Публичные пространства в структуре города, безусловно, обладают ценным градостроительным, архитектурным, ландшафтно-рекреационным и социальным потенциалом, и это никто не оспаривает, но в градостроительной практике их зачастую рассматривают как резервные территории для размещения новой застройки.

Архитектурное произведение представляет собой хронотоп и имеет специфическое поле временности и пространства, которое создается для оценки не только современниками, но и последующими поколениями, что позволяет ему быть транслятором ценностей в долговременной перспективе. Архитектурное пространство состоит из разновременных архитектурных объектов. Они подвержены постоянным интерпретациям, которые создают пласты социально значимой информации, по которым можно проследить ценностные предпочтения или «культурные коды» определенной эпохи.

В социокультурное пространство включены сакральные архитектурные объекты, имеющие бесспорную ценность для всех социальных субъектов, независимо от их групповой принадлежности. Это своего рода идеальные образцы, имеющие экзистенциальную значимость для человека. Таковыми являются храмы, объекты социокультурного наследия (Мамаев курган, Вечный огонь). Социальное взаимодействие в границах данных объектов подчинено ритуалу, отступление от которого регламентируется моральными нормами, принятыми в данном социокультурном пространстве.

Насколько допустимо вторгаться в уже созданные архитектурные ансамбли и как это влияет на восприятие города индивидом? Данные вопросы отходят на второй план, поскольку формирование городского пространства зачастую зависит от выбора крупными корпорациями мест для размещения своего производства и офиса, роли властных структур в распределении недвижимости и стоимости земли. Так крупные инвесторы (государственные и частные) определяют ценностные доминанты, воплощенные в пространственных объектах современного города.

Для возможности реновации общественного пространства необходимо рассматривать данное понятие не только на уровне архитектурных и градостроительных практик, но и в контексте социологии архитектуры, где социальные субъекты реализуют себя через архитектурные коммуникационные предложения с помощью застроенного «жизненного пространства», к которому они тяготеют, подстраиваются и под которое изменяются [8, 9]. Дж. Джекобс, исследуя роль городских общественных пространств [10], отмечала, что современный город живет и успешно развивается не благодаря реализации гениальных градостроительных теорий и архитектурных фантазий, а ввиду разнообразия и гибкости механизмов саморегуляции и способности соответствовать изменяющейся социальной активности современного человека.

Исходя из вышеперечисленного, можно сказать, что общественное пространство обладает следующими свойствами:

1) незавершенности, предполагающей, что каждая улица, площадь, ансамбль, любой элемент общественного пространства не может быть единожды окончательно решенным, а служит лишь фактором для создания соответствующего образа. Однако это не означает полное исключение законченных самодостаточных объектов или пространств, характерных для

классических образцов. Просто любая профессиональная идеология не может быть универсальной и вечной и в процессе выработки новой трактовки претерпевает изменения, в т. ч. пространственных закономерностей (масштаб, пластика, композиция) и функционального насыщения пространства;

2) развития во времени как усложнение, перестройка структуры от стадии к стадии с изменением общественно-социального и пространственно-функционального статуса.

Городское общественное пространство — структура неоднородная, состоящая как из устойчивых, действующих длительное время частей, так и из элементов, подверженных быстрому изменению [11]. Так, устойчивыми частями градостроительных систем являются исторические здания и сооружения, мемориальные комплексы, закрепившиеся в коллективном сознании как устойчивые социокультурные ценности.

По степени завершенности формирования можно выделить следующие типы городских общественных пространств:

— формирующиеся, где предварительно фиксируется геометрия пространства, уточняются его размеры и основная композиционная форма; пространство в целом направлено на выявление и закрепление архитектурно-художественной идеи;

— обживаемые, где основные архитектурно-пространственные характеристики данного фрагмента уже сложились, но система декоративно-художественных решений еще не определилась, совершенствуется функционально-пространственная основа (благоустроенные площадки отдыха, рекламные и информационные установки, яркие витрины и павильоны обслуживания, элементы декоративного искусства, дороги, озеленение партера);

— стабильные, предполагающие многочисленные деформации облика за счет вторичных форм (дизайнерской среды: яркой рекламы, элементов благоустройства, ухоженных газонов) при относительно устойчивом архитектурном фоне;

— подлежащие реконструкции, где возможно преобразование планировочной структуры, влекущее за собой изменение отдельных элементов и территорий, структурных связей между ними, их внутренней функциональной и композиционной организации.

Таким образом, исходя из данной классификации, в планировочной структуре города выделяются общественные пространства, формируемые как в условиях нового строительства, так и в условиях реконструкции, что требует индивидуального гибкого подхода к выработке принципов и методов их планировочной и социальной организации.

Исходя из этого можно дифференцировать общественные пространства города, опираясь на размерные и пространственные категории, по местоположению в планировочной структуре города и связанному с ним социальному статусу территории, что позволило выделить для Волгограда [12] три типа общественных пространств по признаку их пространственного формирования.

1. В центральной части территории города (принадлежащей к сформировавшейся планировочной структуре с достаточно жесткими территориальными ограничениями и сложившимися социокультурными ценностями) — открытые, формируемые присоединением смежных и территориально отдаленных пространств с последующим преобразованием в расчлененные системы;

замкнутые (принадлежащие к сформировавшейся планировочной структуре с достаточно жесткими территориальными ограничениями), в структуре которых возможно только совершенствование отдельных фрагментов; частично замкнутые, преобразуемые за счет включения в систему ограниченного числа смежных пространств;

2. В периферийной части города выделены частично замкнутые и открытые территории, подлежащие реконструкции с преобразованием планировочной структуры и изменением отдельных элементов, участков и структурных связей между ними, а также с возможностью нового строительства и возможностью развиваться в направлении природного ландшафта. На данных территориях только формируется историко-культурное наполнение среды и возможны варианты активного поиска сценариев социального развития пространства.

3. В непосредственной близости к природному ландшафту — открытые и частично замкнутые, связанные с планировочной структурой при помощи зеленых коридоров (характеризуемые возможностью территориального роста с последующим вхождением во «внешний зеленый пояс» города); формируются в прибрежной полосе Волги и Волго-Донского судоходного канала, а также включением в системы элементов природного ландшафта (поймы малых рек, овраги). Главной особенностью данного типа территорий становится повышенное внимание к природной составляющей как основе идентичности пространства.

Опираясь на предложенную структуру, рассмотрим трехчастную схему реновации городских общественных пространств, включающую средовую ситуацию — средовое вмешательство — средовую реакцию. Такая схема позволяет охватить пространственно-временную связь стратегии вмешательства в городскую среду с предполагаемым результатом этого вмешательства — средовой реакцией и выявлением целей преобразовательной деятельности.

Схема формируется по-разному в зависимости от типологии общественных пространств на примере Волгограда.

Система 1 в центральной части города. Примером данной системы является структура общественных пространств городского центра и центров планировочных районов Волгограда (улица Ленина — фрагмент улицы Коммунистической — городской детский парк в Центральном районе). Основной особенностью данного участка как составной части сформировавшейся планировочной структуры центра, где основные архитектурно-пространственные характеристики уже сложились, можно считать невозможность территориального роста. В условиях замкнутой структуры средовые преобразования могут носить локальный характер, направленный на улучшение экологической обстановки и комфортности пребывания.

Средовая ситуация: оптимизация существующих средовых характеристик, направленная на повышение социокультурного статуса территории с последующим включением в общегородскую систему общественных пространств.

Средовое вмешательство: дополняюще-развивающий подход, интенсификация градостроительного использования существующих локальных и линейных элементов структуры, улучшение средовых характеристик (пространственно-поведенческих, визуально-эстетических, символических).

Средовая реакция: существующий тип среды эволюционирует, претерпевая качественные изменения.

В системах, сформированных в центральной части города, объединение обусловлено либо обстройкой, либо силой тяготения к центральному ядру. Соотношение этих полюсов композиции подсказывает приемы закрепления равновесия. Специфика других геометрических форм модифицирует эти положения общего закона композиции — ориентированность элементов на доминанты структуры.

Ряд средовых проблем общественных пространств центра возможно решать с использованием ландшафтного дизайна как одного из средств предотвращения дальнейшей деградации городской среды, устраняющего такие недостатки, как функциональная неупорядоченность и эстетическая невыразительность [13].

Система 2 — в периферийной части города. В качестве примера данной системы могут быть рассмотрены локальные общественные пространства периферийных районов Волгограда (бульвар Энгельса — пр. героев Сталинграда в Красноармейском районе). Этот тип системы отличает принадлежность к территориям города, где возможно преобразование планировочной структуры, влекущее за собой изменения отдельных элементов и участков, структурных связей между ними, их внутренней, функциональной и композиционной организации.

Средовая ситуация: существующая среда рассматривается как однообразная, дефицитарная, обладающая низким уровнем освоения и культурным статусом.

Средовое вмешательство: основные средства повышения качеств территории — функциональная интеграция, архитектурно-пространственное упорядочение и эстетизация, инженерное благоустройство.

Средовая реакция: радикальное изменение типа среды со значительным сроком обживания — освоения.

Для усовершенствования и организации общественно-рекреационных функций на территориях данного типа необходимо формирование пешеходной среды с техническими и функциональными компонентами оснащения, малыми архитектурными формами с декоративными и информационными элементами.

Одним из вариантов решения пространственно-планировочных проблем могут служить средства ландшафтного дизайна с использованием водных устройств, геопластики, применением малых архитектурных форм, декоративных элементов, а также освещения, мощения, ограждения.

Проблемы визуально-художественного характера могут эффективно решаться средствами озеленения. Так, в линейных элементах общественных пространств насаждения могут использоваться для уменьшения впечатления монотонности застройки, при помощи чередования приемов озеленения подчеркивается функциональное зонирование территории. Введение композиционных акцентов в соответствии с планировочными особенностями общественного пространства (повороты, пересечения, доминанты) создаст дополнительный эстетический эффект и облегчит аэрацию.

При недостатках коммуникационных функций наиболее ощутимые изменения могут внести технические элементы оснащения, функционально-строительные и визуально-информационные средства.

Система 3 — в непосредственной близости к природному ландшафту.

Примером данной системы могут служить локальные и линейные общественные пространства, территориально и визуально связанные с элементами природного ландшафта в структуре Волгограда (поймы р. Царицы, Мечётки, Ельшанская балка, Григорова балка). Данную систему отличает возможность гибридизации природных и искусственных элементов [14, 15], территориального роста с последующим вхождением во «внешний зеленый пояс» города.

Средовая ситуация: существующая среда — формирующаяся, где предварительно фиксируется геометрия пространства, уточняются его размеры и основная композиционная форма; пространство в целом направлено на выявление и закрепление путей взаимодействия природной и антропогенной среды.

Средовое вмешательство: основные средства повышения средовых качеств территории — функциональная интеграция, качественное архитектурно-пространственное преобразование.

Средовая реакция: постепенное возникновение новой средовой ситуации, опирающейся на существующие ландшафтные доминанты территории, процесс преобразования-оживления неразрывно связан, прежде всего, с восстановлением относительного экологического равновесия вторичной природной и антропогенной среды в границах рассматриваемой градостроительной системы общественных пространств, общественным формированием средовой деятельности, переход от деятельности и символически дефицитарной среды к целостной, активной и символически разнообразной.

Решающее значение для этого типа общественных пространств отводится озелененным связям с включением уникальных ландшафтных доминант, которые становятся композиционными осями и центрами в процессе развития [16]. Для системы озеленения характерно сочетание природных и рукотворных ландшафтов разной категории и назначения, обеспечивающих комфортность передвижения и непрерывность контакта с природными элементами. Озеленение формируется с позиций обоснования специфики пространственного построения территории, установления базы экологического равновесия, определения условий эстетической выразительности и индивидуализации среды.

Своеобразие города во многом определяется социальным аспектом пространственной организации его общественных пространств. Общественные пространства, состоящие из объектов концентрации общественных функций, являются территориями с интенсивным архитектурно-пространственным освоением, что и формирует естественное многообразие архитектурных пространств, напрямую связанных с потребностями и региональными формами жизнедеятельности горожан [17].

Социальная эффективность общественных пространств города (в т. ч. Волгограда) значительно повысится при комплексном использовании их структурных элементов. С этой целью мероприятия реновации общественных пространств предусматривают проектирование деятельности пространств различного тематического направления (рекреационные, спортивно-оздоровительные, контактные), формирующих типы поведения людей [8] в рамках социально обусловленной информативной модели, типовыми элементами которой являются «узлы фокусирования» общественной активности и линейные связи — «ориентирующие» и «поведенческие» пространства с пре-

обладающим родом деятельности (транзитные, прогулочные, контактные, оздоровительные). С целью организации сценария движения пешеходов выделяются следующие функционально-смысловые ориентиры: входы в зоны узлов и тематических участков, акценты и доминанты пространства, места фокусирования визуальной информации, темы художественного оформления.

Заключение

Таким образом, исходя из комплексности при исследованиях общественных пространств города, видится важным условием рассмотрение общественных пространств как сложного целого, состоящего из совокупности взаимосвязанных элементов разных иерархических уровней, природных и антропогенных ландшафтов, архитектурных объектов. Формирование и развитие среды городских общественных пространств — процесс непрерывный, обусловленный социумом и напрямую связанный с функциональным наполнением и историко-культурной ценностью территории, предусматривающий обязательное сохранение характерных пространств города, выдающихся исторических элементов и активное развитие, преобразование, включение недостающих компонентов для маловыразительных и затухающих пространств.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Птичникова Г. А., Антюфеев А. В.* Имидж современного города и его архитектурный образ // Социология города. 2015. № 3. С. 5—21.
2. *Lussault M.* Grand (Le) Pari(s) Consultation Internationale sur l'avenir de le metropole parisienne // Le Moniteur Architecture AMC. April 2009. Hors-serie. P. 260.
3. *Corner J.* Terra Fluxus // The Landscape Urbanism Reader. New York: Princeton Architectural Press, 2006. Pp. 021—054.
4. The Landscape Urbanism Reader / C. Waldheim (ed.). New York: Princeton Architectural Press, 2006. 295 p.
5. *Masbouni A., Gravelain F.* Penser la ville par le paysage. Paris: Edition de La Villette, 2002. 96 p.
6. *Maumi C.* Usonia ou le mythe de la ville-nature americaine. Paris: Edition de la Villette, 2008. 225 p.
7. *Назарова М. П.* Социология архитектуры и ее роль в формировании архитектурного пространства современного города // Социология города. 2011. № 3. С. 10—14.
8. *Fischer J., Delitz Heike (Hg.)* Die Architektur der Gesellschaft. Theorien fur die Architektursoziologie. Bielefeld, 2009. 312 s.
9. *Крашенинников А. В.* Социально-пространственная структура пешеходного пространства // AMIT. 2012. № 4 (21). URL: <http://www.marhi.ru/AMIT/2012/4kvart12/krashennnikov/krashennnikov.pdf>
10. *Джекобс Дж.* Смерть и жизнь больших американских городов / пер. Л. Мотылев. М.: Новое издательство, 2011. 460 с.
11. *Шимко В. Т.* Архитектурное формирование городской среды. М., 1990. 223 с.
12. *Етеревская И. Н.* Принципы эколого-ландшафтного проектирования городских общественных пространств на примере г. Волгограда: дис. канд. арх. СПб., 2004. 256 с.
13. *Нефёдов В. А.* Городской ландшафтный дизайн. СПб.: Любавич, 2012. 320 с.

14. Красильникова Э. Э. Ландшафтный урбанизм. Теория-практика. Ч. I. Научные и практические основы ландшафтного урбанизма. Волгоград: Областные вести, 2015. 156 с.
15. Птичникова Г. А., Королева О. В. Гибридизация в городской архитектуре // Социология города. 2016. № 1. С. 5—17.
16. Етеревская И. Н. Основные направления ландшафтно-градостроительной реновации городских общественных пространств (на примере г. Волгограда) // Вестник Волгоградского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Строительство и архитектура. 2016. Вып. 46(65). С. 211—219.
17. Назарова М. П. Социокультурные архетипы в структуре архитектурного пространства. Волгоград: ВолГАСУ, 2011. 238 с.

REFERENCES

1. Ptichnikova G. A., Antyufeyev A. V. [Image of a modern city and his architectural image]. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2015, no. 3, pp. 5—21.
2. Lussault M. Grand (Le) Pari(s) Consulation Internationale sur l'avenir de le metropole parisienne. *Le Moniteur Architecture AMC*. April 2009. Hors-serie. P. 260.
3. Corner J. Terra Fluxus. *The Landscape Urbanism Reader*. New York, Princeton Architectural Press, 2006. Pp. 021—054.
4. Waldheim C. (ed.). *The Landscape Urbanism Reader*. New York, Princeton Architectural Press, 2006. 295 p.
5. Masbouni A., Gravelain F. *Penser la ville par le paysage*. Paris, Edition de La Villette, 2002. 96 p.
6. Maumi C. *Usonia ou le mythe de la ville-nature americaine*. Paris, Edition de la Villette, 2008. 225 p.
7. Nazarova M. P. [Architecture sociology and its role in formation of new city architectural space]. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2011, no. 3, pp. 10—14.
8. Fischer J., Delitz Heike (Hg.) *Die Architektur der Gesellschaft. Theorien fur die Architektursoziologie*. Bielefeld, 2009. 312 s.
9. Krashenninnikov A. V. [Structure of social space in pedestrian realm]. *AMIT*, 2012, no. 4 (21). URL: <http://www.marhi.ru/AMIT/2012/4kvart12/krashenninnikov/krashenninnikov.pdf>
10. Jacobs J. *Smert' i zhizn' bol'shikh amerikanskikh gorodov* [The death and life of great American cities]. Transl. from Engl. Moscow, Novoe izdatel'stvo, 2011. 460 p.
11. Shimko V. T. *Arkhitekturnoe formirovanie gorodskoi sredy* [Architectural shaping of the urban environment]. Moscow, 1990, 223 p.
12. Eterevskaya I. N. *Printsipy ekologo-landshaftnogo proektirovaniya gorodskikh obshchestvennykh prostranstv na primere g. Volgograda* [Principles of ecological and landscape design of urban public spaces by the example of Volgograd]. Diss. Cand. Arch. 2004, 256 p.
13. Nefedov V. A. *Gorodskoi landshaftnyi dizain* [Urban landscape design]. Saint Petersburg, Lyubavich Publ., 2012. 320 p.
14. Krasil'nikova E. E. *Landshaftnyi urbanizm. Teoriya-praktika. Ch. I. Nauchnye i prakticheskie osnovy landschaftnogo urbanizma* [Landscape urbanism. Theory-practice. Part I. Scientific and practical principles of landscape urbanism]. Volgograd, Regional News, 2015. 156 p.
15. Ptichnikova G. A., Koroleva O. V. [Hybridisation in urban architecture]. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2016, no. 1, pp. 5—17.
16. Eterevskaya I. N. [Main fields of landscape and urban renovation of city public spaces in Volgograd]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo arhitekturno-*

stroitel'nogo universiteta. Seriya: Stroitel'stvo i arhitektura [Bulletin of Volgograd State University of Architecture and Civil Engineering. Series: Civil Engineering and Architecture], 2016, iss. 46(65), pp. 211—219.

17. Nazarova M. P. *Sotsiokul'turnye arkhetipy v strukture arkhitekturnogo prostranstva* [Social and cultural archetypes in the structure of the architectural space]. Volgograd, VSUACE, 2011. 238 p.

© Назарова М. П., Етеревская И. Н., Янин К. Д., 2017

*Поступила в редакцию
в августе 2017 г.*

Received in August, 2017

Ссылка для цитирования: Назарова М. П., Етеревская И. Н., Янин К. Д. Реновация городских общественных пространств с учетом их социокультурного потенциала // Социология города. 2017. № 3. С. 22—31.

For citation: Nazarova M. P., Eterevskaya I. N., Yanin K. D. [Renovation of urban public spaces taking into account their social and cultural potential]. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2017, no. 3, pp. 22—31.

УДК 333.001.36-332.142.2
(504.062)

**О. В. Максимчук,
Т. А. Першина**

**КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ
ГОРОДА
С УЧЕТОМ ОЦЕНКИ
КОМФОРТНОСТИ
ПРОЖИВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ**

(Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ и Волгоградской области в рамках научного проекта №16-12-34014 «Механизмы повышения результативности и эффективности публичного управления социально-экономическими процессами на уровне города в системе показателей комфортности и энергоэффективности жизнедеятельности населения»).

В современных условиях каждый город России решает задачу повышения конкурентоспособности. Конкурентоспособность является важнейшим фактором их развития. Изучению конкурентоспособности городских поселений посвящено значительное количество работ. Разработан и апробирован подход к определению комфортности проживания как фактору конкурентоспособности современного города и обоснована целесообразность его использования в разработке программ социально-экономического развития городской среды. Предложена методика определения критериев и параметров комфортности проживания.

Ключевые слова:
конкурентоспособность,
регион,
город,
комфортность проживания,
население.

**О. V. Maksimchuk,
T. A. Pershina**

**ON THE COMPETITIVENESS
OF CITIES
AND THE COMFORT
OF THE POPULATION LIVING**

Введение

Город — это территориальный центр и место поселения индивидуумов и социальных групп, объединивших свои силы (физические и интеллектуальные) и материальные ресурсы для ведения общего хозяйства и промышленной деятельности в целях обеспечения социально-экономической безопасности и развития. Не существует единой типологии и классификации городов, но принято различать города, прежде всего, по численности населения: малые — до 50 тыс., средние — 50—100 тыс., большие — 100—250 тыс., крупные 250 тыс. — 1 млн, крупнейшие — более 1 млн. Тенденция развития современного общества с учетом сугубо экономических интересов определяет приоритетность крупных городов и мегаполисов, имеющих ресурсные возможности быть самодостаточными, самообеспеченными. Крупный город или мегаполис — это, прежде всего, крупнейший потребитель всех ресурсов. Население в крупном городе или мегаполисе в большей степени выступает в роли элемента экономического механизма, нацеленного на создание материальных благ и получение прибыли во всех возможных формах.

Крупные города как элементы, образующие регион, представляют собой своеобразные модели его жизнедеятельности, аккумулируя все виды ресурсов, хозяйственных связей и отношений. Население крупного города или мегаполиса может рассматриваться как основной ресурс экономического роста и развития.

**Подходы к определению
конкурентоспособности города**

По прогнозам ООН, к 2050 г. более 85 % населения Земли будет проживать и работать в городах. На сегодняшний день в России насчитывается 1128 городов (с учетом населенных пунктов Крыма и закрытых административно-территориальных образований). В них на начало 2016 г. проживали 108 657 433 человек, или 69 % населения России. За последние 25 лет 60 населенных пунктов России приобрели статус

(The study was sponsored by the RFH and Volgograd Oblast in the framework of research project №16-12-34014 «Mechanisms to enhance the effectiveness and efficiency of public administration, social and economic processes at the city level in SIS subject of life superior performance and energy efficiency of the population»).

In modern conditions each city in Russia solves the problem of increasing competitiveness and self-sufficiency. However, the decision is socially and economically unjustified if it is made without performing a primary function that is the creation of the comfortable environment for the population. The environment must be comfortable and of high quality, and all the historical data should be developed on the basis of relatively competitive interaction and cooperation that is not performed. This explains the relevance of the study, which is based on the scientific work of Russian and foreign scientists such as V. Vinogradov, I. S. Glebova, F. Kotler, J. van der Borg, Bramezza I. Jansen, S. Butler, I. Begg, E. A. Gutnikova, E. A. Neretina, G. L. Albrecht, C. J. Boyce, T. Catalano, P. Devlieger, H. Hajiran, E. Kendall, F. Ortega, G. Peri, A. M. Wood, etc.

The purpose of the work is to find theoretical and methodological justification of city competitiveness and evaluate items of comfort, taking into account the historical, social and cultural, economic and environmental aspects. In achieving this objective the authors solve the following problems:

1) define the competitiveness of the city, conduct comparative analysis of theoretical and methodological approaches to the identification and assessment of the competitiveness of the city;

2) develop and test an original theoretical approach to the definition of luxury living as a factor of competitiveness of a modern city and the expediency of its use in the development of programs on social and economic development of the city;

3) use methodical approach to the definition of criteria and parameters of comfort of the population living in the city.

города¹. В России, как и в других странах, наблюдается устойчивая тенденция уменьшения административных и экономических препятствий для перемещения людей по территории страны и за ее пределы. При выборе индивидуумом того или иного города одним из главных мотивов является возможность и реалистичные ожидания повысить комфортность своей жизни в целом.

Чем крупнее город, тем более привлекательным он является для переселения, и, соответственно, этим преимущественно обусловлен рост крупных городов и развитие регионов, в которых эти города расположены. Именно крупные города и мегаполисы в условиях глобализации определяют развитие всей территории региона и нагляднее всего демонстрируют конкурентную способность региона. Отсюда выходит, что конкурентные условия не равны, они менее благоприятны для регионов, в которых таких городов нет или регионообразующие города находятся в стадии рецессии.

Обусловленная преимуществами растущих мегаполисов трудовая миграция оказывает существенное влияние на конкурентоспособность городов. Поиск путей повышения конкурентоспособности города с целью решения проблемы массовой трудовой миграции населения в более комфортные для проживания города предопределил особую актуальность данного исследования.

Каким должен быть город, чтобы его отнесли к разряду конкурентоспособных? Существует множество точек зрения и мнений по этому вопросу, а также методик. Рассмотрим некоторые теоретико-методические подходы к определению и оценке конкурентоспособности города.

Методика В. Виноградова. Город считается идеальным для жизни, если в нем поддерживается равновесие между различными секторами экономики. К ключевым подходам к улучшению условий жизни в городах относят:

- улучшение городской физической среды;
- восстановление имеющегося жилого фонда;

¹ Исследование РБК: как вымирают российские города. URL: <http://www.rbc.ru/special/society/22/01/2015/54c0fc9a7947a8f1dc4a7f>

The authors research the factors determining competitiveness of the city with luxury items of people living in it. The object of the work is a city as a social and economic system and the structural unit of the region. Methodologically the study is based on a comprehensive and systematic approach using comparative methods, retrospective, statistical, mathematical, logical analysis, modeling and forecast.

Conclusion. Proposed by the authors theoretical and methodical approach is original with a high degree of reliability. The results of testing of the authors' approach prove the feasibility of its use in the development, updating and scientific substantiation of programs and strategies for social and economic development of Russian cities.

Key words:
competitiveness,
region,
city,
level of quality,
comfort of living,
population.

Об авторах:

Максимчук Ольга Викторовна — доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой управления и развития городского хозяйства и строительства, Волгоградский государственный технический университет (ВолГТУ). Российская Федерация, 400074, г. Волгоград, ул. Академическая, 1

Maksimchuk Ol'ga Viktorovna — Doctor of Economics, Professor, Head of Management and Development of Municipal facilities and Construction Department, Volgograd State Technical University (VSTU). 1, Akademicheskaya St., Volgograd, 400074, Russian Federation

Першина Татьяна Александровна — кандидат экономических наук, доцент кафедры управления и развития городского хозяйства и строительства, Волгоградский государственный технический университет (ВолГТУ). Российская Федерация, 400074, г. Волгоград, ул. Академическая, 1

Perzhina Tat'yana Aleksandrovna — Candidate of Economics, Docent of Management and Development of Municipal facilities and Construction Department. Volgograd State Technical University (VSTU). 1, Akademicheskaya St., Volgograd, 400074, Russian Federation

— создание социальных и культурных возможностей в городах;

— развитие городов и участие общественности [1].

Методика И. С. Глебовой включает в себя и такие составляющие, как возможность получить образование и устроиться на работу, отсутствие дискриминации, социальной напряженности, информационная открытость, веротерпимость, культура населения, возможность реализовывать свои интересы, вести бизнес, объективность городских СМИ, доверие к органам городской власти, возможность участвовать в решении городских проблем, а также непосредственно комфортность проживания в городе [2].

Методика Е. Валдани, Ф. Анкарани. В современных экономических условиях конкурентоспособность фирм становится все более зависимой от общей конкурентоспособности социальных и территориальных систем, в которых они оказываются. Кластеры предприятий в пределах территории улучшают ее привлекательность перед потенциальными инвесторами [3].

Методика Дж. ван дер Борг, И. Брамеззы. Выделяют следующие группы факторов привлекательности города. Структурные факторы: эффективная инфраструктура, достаточное предложение основных городских услуг, высокое качество среды жизни и эффективная городская политика. Функциональные факторы: существует ли возможность городу стать распределительным местом, центром инновационной деятельности, важным узлом в информационной (коммуникационной) сети, международным центром культуры [4, 5].

Методика С. Янсен-Батлера включает такие элементы, как секторальная структура, инновации, высокотехнологичное производство и концентрация высококвалифицированной рабочей силы со специфическим спросом по отношению к среде жизнедеятельности и услугам, классовая структура, удачное управление конфликтами, возрастание значимости мест отдыха, культуры и достопримечательностей, развитие коммуникаций и транспорта, высокие доходы населения и низкий уровень безработицы [5].

Методика П. Кресла выделяет такие факторы конкурентоспособности города, как экономические детерминанты: месторасположение, факторы производства, инфраструктура, экономическая структура, городские достопримечательности и места отдыха, а также стратегические детерминанты: эффективность органов управления, городская стратегия, общественно-частное партнерство и институциональная гибкость (способность органов власти адаптироваться к изменяющейся внешней среде) [6].

Методика И. Бегга. Конкурентоспособность города состоит в защите им своей доли рынка (аналогично компаниям). Способность города конкурировать зависит от основных его атрибутов, определяющих привлекательность города как места размещения «городских действующих лиц», и от сильных и слабых сторон экономических агентов. При этом город не может быть конкурентоспособен во всех отраслях экономики [5, 7].

Методика П. Кругмана. Конкурентоспособность должна являться атрибутом компаний, а не городов, регионов, стран или континентов [8].

Методика М. Портера. Отстаивает свою убежденность в том, что на конкурентоспособность региона, страны влияет конкурентное положение фирм. Конкурентные преимущества создаются не извне, а на внутренних рынках [9].

Методика Е. А. Гутниковой. Под конкурентоспособностью города следует понимать способность местных администраций создавать условия, наиболее полно удовлетворяющие потребности населения, бизнеса и туристов по сравнению с другими городами [10].

Методика Э. С. Шепелева. Конкурентоспособность региона проявляется в его способности обеспечивать производство конкурентоспособных товаров и услуг в условиях эффективного использования существующих факторов производства (экономического потенциала), задействования существующих и создания новых конкурентных преимуществ, сохранения (повышения) уровня жизни при соблюдении международных экологических стандартов [11].

Методика А. В. Рудницкой. Под оценкой конкурентоспособности муниципального образования следует понимать процедуру определения способности территориальной единицы быть более привлекательной для потребителей по сравнению с другими единицами благодаря лучшему качеству жизни и более выгодным условиям для осуществления хозяйственной деятельности [12].

Методика В. В. Джегутанова. Конкурентоспособным может называться город, в котором создан и реализуется такой социально-экономический, политический, культурный, экологический, религиозный, институциональный порядок, при котором не только каждый житель в большем объеме и качестве удовлетворяет свои интересы, но и имеются резервы для их количественного и качественного развития.

Таким образом, конкурентоспособность города — способность города удовлетворять интересы всех его субъектов (жителей, хозяйствующих субъектов, инвесторов, а вместе с тем и государства в лице органов государственной власти) и притягивать новые [13].

Методика В. А. Логиновой. Конкурентоспособность территориальных систем рассматривается как способность обеспечить такой уровень развития

производительных сил на данной территории, который будет привлекательным для перемещения населения и размещения капитала на данной территории [14].

Методика Е. Г. Анимицы. Конкурентоспособность города — это способность урбанизированной территории соревноваться на равных с аналогичными ей территориями на рынке инвестиционных ресурсов, соперничать на рынке товаров и услуг, которые соответствуют требованиям мирового и национального рынков, представляют более высокую ценность по сравнению с аналогичными продуктами, производимыми на территории других городов, а также возможность создавать в результате благоприятные условия для жизни горожан [15].

Методика Б. М. Гринчеля. Конкурентоспособность территорий связана с умением определять свои особые черты и эффективно распространять информацию о своих конкурентных преимуществах [16].

Методика О. В. Максимчук, Т. А. Першиной. Конкурентоспособность города определяется наличием объективных и потенциальных возможностей эффективной реализации конкурентного потенциала (иначе — задействованием в хозяйственной деятельности собственных и привлеченных экономических ресурсов) при условии получения эффектов данным городом и направления полученных эффектов в форме целевого финансирования программ повышения комфортности проживания в данном регионе.

Критический анализ существующих определений конкурентоспособности города позволяет сделать вывод о широком применении междисциплинарного и комплексного подходов, инструментария теории систем, институциональной теории, теории полезности, теории факторов, теории менеджмента, теории маркетинга и аппарата теорий региональной и муниципальной экономики. Однако очевидно, что нет четко выраженной теоретической позиции авторов к определению конкурентоспособности города.

Безусловно, превалирует точка зрения на определение конкурентоспособности города преимущественно как экономической системы по аналогии с предприятиями — практически все высказанные мнения в этом едины. Также четко прослеживается представление о конкурентоспособности города как результате взаимодействия факторов внешней и внутренней среды с позиций теории факторов и теории управления (П. Кресл, Ю. В. Филлипова, Т. Т. Авдеева, Н. А. Колесникова, В. В. Джегутанов). В ряде определений конкурентоспособности города наблюдается смешение характеристик различной природы и содержания: объективных, четко определимых и количественно измеряемых и субъективных, границы определения которых не достаточно ясны (например, «благоприятная жизнедеятельность как отражение образа жизни, мышления, интересов населения», «веротерпимость и общая культура населения», «объективность городских СМИ», «доверие к органам городской власти») с точки зрения экономической науки.

Также наблюдается некоторое нарушение соподчиненности параметров: в ряду перечислений частных или локальных признаков конкурентоспособности города приводятся комплексные, вбирающие в себя все локальные, в частности это относится к «качеству жизни», «качеству среды», «благоприятной жизнедеятельности», «уровню жизни» (В. Виноградов, Дж. ван дер Борг, И. Брамезза, Э. С. Шепелев, А. В. Рудницкая). Авторам близки трактов-

ки конкурентоспособности города Ф. Котлера, В. А. Логиновой, Б. М. Гринчель, верным представляется выделение комфортности проживания населения у И. С. Глебовой.

Авторы статьи предлагают свое определение. *Конкурентоспособность города определяется: наличием актуальных и потенциальных возможностей реализации конкурентного потенциала (задействованием в хозяйственной деятельности собственных и привлеченных экономических ресурсов) при условии получения и направления эффектов на повышение комфортности проживания населения в данном городе.*

Как видно из вышеприведенных методик, количественно измеряемые параметры конкурентоспособности те же, что используются в известных методиках измерения уровня и качества жизни и оценки индекса развития человеческого потенциала. Такой подход является спорным, по мнению авторов, и не достаточно подходящим в контексте авторского определения конкурентоспособности города. Однако на данном этапе исследования исходя из поставленных задач и наличия статистических данных достаточно апробации методики оценки индекса развития человеческого потенциала применительно к оценке конкурентоспособности города. В целом индекс развития человеческого потенциала демонстрирует средний уровень достижений страны по трем базовым измерениям человеческого развития: долголетию и здоровью, доступу к знаниям и достойному уровню жизни и представляет собой среднее геометрическое нормализованных индексов, отражающих достижения по каждому измерению². Применительно к уровню города совокупность показателей представлена в табл. 1.

Таблица 1. Показатели конкурентоспособности города [10, дополнения авторов]

Название сферы	Показатель
Целевая группа — население, туристы	
Социальная	— обеспеченность детей местами в дошкольном образовательном учреждении (ДОУ), мест на 100 детей; — отношение средней заработной платы к прожиточному минимуму, раз; — численность учащихся в ДОУ, человек на 10 тыс. населения; — количество врачей, человек на 10 тыс. населения; — количество среднего медицинского персонала, человек на 10 тыс. населения; — количество больничных коек, шт. на 10 тыс. населения; — количество спортивных сооружений, ед. на 10 тыс. населения; — ввод в действие жилых домов, м² на 10 тыс. населения; — общая площадь жилых помещений в ветхих и аварийных жилых домах в общей площади жилого фонда, %;
Социальная	— число стационарных учреждений социального обслуживания для граждан пожилого возраста и инвалидов, ед.;

² Расчет индекса развития человеческого потенциала. URL: http://www.un.org/ru/development/hdr/2010/hdr_2010_technotes.pdf

Название сферы	Показатель
	— число мест в стационарных учреждениях социального обслуживания для граждан пожилого возраста и инвалидов (взрослых), ед.; — число учреждений для детей-инвалидов, ед.; — число добровольных формирований населения по охране общественного порядка, ед.; — число участников добровольных формирований населения по охране общественного порядка; — число общеобразовательных организаций на начало учебного года, ед.; — текущие (эксплуатационные) затраты на охрану окружающей среды, включая оплату услуг природоохранного назначения, тыс. р.
Культурно-развлекательная	— число музеев, ед. на 10 тыс. населения; — число профессиональных театров, ед. на 10 тыс. населения; — число мест в объектах общественного питания, ед. на 10 тыс. населения; — число учреждений культурно-досугового типа, ед. на 10 тыс. населения; — число общедоступных библиотек, ед. на 10 тыс. населения; — число парков культуры и отдыха (городских садов), ед. на 10 тыс. населения; — число цирков, ед. на 10 тыс. человек населения; — число детских музыкальных, художественных, хореографических школ и школ искусств, ед. на 10 тыс. населения
Целевая группа — инвесторы и бизнес	
Трудовых ресурсов	— естественный прирост, ‰; — доля населения моложе трудоспособного и трудоспособного возраста в общей численности населения, %; — наличие и рост рабочих мест и вакансий, кол-во, % — уровень безработицы, %
Производственная	— стоимость основных производственных фондов, тыс. р. на одного жителя; — удельный вес полностью изношенных основных фондов в общем объеме, %; — объем отгруженных промышленных товаров собственного производства, тыс. р. на одного жителя; — объем работ по виду деятельности «строительство», тыс. р. на одного жителя; — оборот розничной торговли, тыс. р. на одного жителя; — оборот общественного питания, тыс. р. на одного жителя
Целевая группа — местная администрация	
Финансовая (местный бюджет)	— объем инвестиций в основной капитал, тыс. р. на одного жителя; — доля предоставляемой финансовой помощи в общем объеме бюджетных средств, %; — доходы местного бюджета, р. на одного жителя; — налог на доходы физических лиц, тыс. р.; — плата за негативное воздействие на окружающую среду

И индекс развития человеческого потенциала, и параметры уровня и качества жизни населения характеризуют объективные условия жизни и факторы воспроизводства человека как результат организации жизнедеятельности населения. Подробно различные подходы к их определению и оценке уровня и качества жизни авторы рассматривали ранее [17]. Однако при всем множестве параметров индекса развития человеческого потенциала, уровня и качества жизни общества вопрос измерения комфортности проживания в городе остается открытым. Авторы априори считают, что между ними нет прямой зависимости: при сопоставимых показателях уровня и качества жизни города по-разному оцениваются с позиций комфортности: диапазон этих оценок неограничен с точки зрения субъективных предпочтений и ожиданий индивидуумов от своей жизнедеятельности.

Комфортность проживания населения в городе как фактор конкурентоспособности города

Обоснуем свою точку зрения, ответив на вопросы «Что же следует понимать под комфортностью проживания?», «Каким способом можно измерить комфортность проживания с тем, чтобы определить желаемый оптимум?», используя возможности сравнительного анализа (табл. 2).

Таблица 2. Трактовки термина «комфортность проживания населения города»

Трактовки комфортности проживания	Авторы
<i>Объективный подход</i>	
Комфорт проживания — условия жизни, пребывания, обстановка, обеспечивающие удобство, спокойствие и уют [18]	С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова
Комфорт проживания — включенный в строительные нормы комплекс санитарно-гигиенических, эргономических и экологических требований. Санитарно-гигиенические требования устанавливаются на оптимальном расчетном уровне, например температура и влажность воздуха в помещениях, экологические — на допустимом, например допустимый уровень содержания вредных веществ в воздухе и воде. Выполнение этих требований обеспечивается инженерно-техническим оснащением здания	СП 31-107—2004. Архитектурно-планировочные решения многоквартирных жилых зданий
Комфортность жизни — это система оценок условий жизнедеятельности, которая формируется на основе удовлетворения потребностей человека или населения [19]	И. Е. Салякин, А. Н. Краснощеков, Т. А. Трифонова
Под комфортными следует понимать только те благоприятные для жизни и хозяйственной деятельности проживающего населения условия, которые могут быть обеспечены при соблюдении различных социально-экономических параметров [20]	Московская кафедра ЮНЕСКО МГУ по глобальной проблематике
Комфортность как наиболее благоприятные условия жизнедеятельности людей, совокупность бытовых удобств, благоустроенности и экологической безопасности [21]	Н. В. Маслов

Трактовки комфортности проживания	Авторы
<i>Субъективный подход</i>	
Социальная комфортность проживания — мера субъективного чувства и объективного благополучия, формируемых под влиянием совокупности различных условий, наиболее благоприятных для жизни и хозяйственной деятельности населения, проживающего на определенной территории. При этом учитывается, что совокупность различных условий, наиболее благоприятных для жизни, формирует природно-экологическую комфортность, а благоприятных для хозяйственной деятельности населения — социальную комфортность проживания [22]	А. А. Тузова
Социальная комфортность проживания — условия жизни, пребывания, обстановка, обеспечивающие удобство, спокойствие и уют, связанные с жизнью и отношениями людей в обществе [23]	Д. Н. Крымзин
Социальная комфортность проживания населения — это характеристика физического, психологического, эмоционального и социального восприятия людьми своего положения в жизни в зависимости от культурных особенностей и системы ценностей и в связи с их целями, ожиданиями, стандартами и заботами [24]	Т. А. Першина
Комфорт — это совокупность положительных психофизиологических ощущений человека в ходе его контактов с внешней средой; в идеале — это условия, обеспечивающие наилучшее, удобное протекание процесса деятельности человека (труда, учебы, игр, спорта, отдыха, восприятия объектов культуры, сна, лечения, передвижения, биологического развития и др.), всей социальной и биологической жизни [25]	А. С. Тетиор
Комфортность проживания является составляющей привлекательности территории. Она отражает степень удобства проживания на территории и служит показателем удовлетворения материальных, культурных и духовных потребностей населения [2]	И. С. Глебова
<i>Интегральный подход</i>	
Комфортность определяется тремя группами факторов: природно-антропогенными, социальными и медико-экологическими [19]	И. Е. Салякин, А. Н. Краснощеков, Т. А. Трифонова
Социальная комфортность проживания населения включает в себя как объективные параметры, вызванные множеством различных факторов (политических, социально-экономических, климатических и др.), так и субъективный взгляд каждого человека, т. е. представляет собой как бы критерий развития страны в целом [26]	М. А. Скворцова
Субъективное чувство и объективное состояние полного здоровья при данных условиях окружающей человека среды, включая ее природные и социально-экономические показатели [27]	Н. Ф. Реймерс

Имеются ли элементы тождества между определениями уровня и качества жизни и комфортности проживания? Как уже было отмечено ранее, уровень и качество жизни, индекс развития человеческого потенциала четко определены и измеримы количественно, что вполне объяснимо проработанностью данной области в науке и практике.

Тождественность с понятием «комфортность проживания» видится авторам в части определения институциональных условий организации жизнедеятельности населения. Однако в оценке комфортности проживания в том или ином городе индивидуумы субъективны, опираются на качественные оценки, полагаясь на свои интуитивные предпочтения и ожидания, которые меняются на протяжении жизни. Положительная оценка комфортности проживания часто основана на восприятии как благоприятного сочетания множества факторов проживания для конкретного индивидуума или социальной группы. Например, российская маргинальная социальная группа под условным названием дауншифтеры³ считает для себя комфортным проживание в «упрощенной» форме («жизни для себя»), сознательно выбирая для себя среду проживания с менее комфортными институциональными условиями и менее напряженным и интенсивным трудовым ритмом и темпами жизнедеятельности.

В России это явление имеет место в мегаполисах (Москве, Санкт-Петербурге) и проявляется в переселении на место жительства преимущественно в развивающуюся (Индию, Таиланд, Вьетнам, Египет, Сербию, Хорватию) или европейскую страну (например, Грецию, Болгарию). При этом источником средств существования часто является сдача в аренду квартиры в России, перевод или организация своего бизнеса в более льготных и прозрачных, по сравнению с отечественными, нормативно-правовых и финансовых условиях⁴.

Имеются также примеры переселения на место жительства в сельские и малонаселенные места вполне успешных и состоявшихся людей. Так, российский политический и общественный деятель Г. Л. Стерлигов в 2004 г. оставил свое дело и вместе с семьей уехал из Москвы в один из населенных пунктов Можайского района Московской области, занялся сельским хозяйством⁵. Другой пример: успешный и популярный отечественный актер, музыкант, лидер рок-группы «Звуки Му» П. Н. Мамонов, в молодости обращавшийся к группе московских хиппи (идеологически родственных дауншифтингу), на пике своей славы в 1995 г. удалился от цивилизации, переехав в деревню Ефаново Вереysкого района Московской области, пережив «личный конец света». «Двоюродный брат Петра, строитель, предложил взять участок в строящемся поселке. Сначала Мамонов отказался. А потом приехал,

³ Дауншифтинг (англ. downshifting — переключение автомобиля на более низкую передачу, а также замедление или ослабление какого-либо процесса) — человеческая философия отказа от стремления к пропагандируемым общепринятым благам, таким как постоянное увеличение материального капитала, карьерного роста и т. д., стремление к «жизни ради себя».

⁴ Захарова А. Когда работа мешает наслаждаться жизнью, дауншифтер предпочитает остаться без работы. URL: <http://www.vokrugsveta.ru/telegraph/theory/653/>

⁵ Официальный сайт Германа Стерлигова. URL: <http://sterligoff.ru/>

увидел эту неопишемую красоту, эти сосны, речечку и сказал: „Вот я здесь и останусь“».⁶

В странах Европы преобладает экологический мотив дауншифтинга, связанный с созданием или переселением на проживание в агро- или экофермы, «умные» и энергоэффективные поселения и дома⁷. Перечень примеров может быть просто неограничен, тем более что дауншифтинг — это лишь одна из граней, и в данном исследовании далеко не самая существенная, рассматриваемой проблемы исследования конкурентоспособности городов с точки зрения комфортности проживания.

На основе критического анализа трактовок, приведенных в табл. 2, авторы под *комфортностью проживания* понимают интегральную характеристику благоприятного сочетания внешних (политических, социокультурных, демографических, экономических, научно-технических природных, внешней безопасности) и внутренних (управления обществом, связей и отношений в обществе, структуры общества, условий труда, условий развития, условий проживания, внутренней безопасности) факторов жизнедеятельности человека в определенном городе.

Определение критериев и параметров комфортности проживания населения города

Какова соподчиненность и взаимосвязь факторов комфортности проживания населения в городе? И имеется ли смысловое тождество с понятием уровня и качества жизни? По мнению авторов, уровень и качество жизни более четко определимы и измеримы количественно. Тождественность с понятием «комфортность проживания» видится авторами в части внешних факторов, из самого определения которых следует выявление всех институциональных условий организации жизнедеятельности населения. Что касается второй компоненты — внутренних факторов, то комфортность проживания в большей степени определяется их благоприятным сочетанием в конкретном городе. Определим всю совокупность факторов комфортности проживания (табл. 3).

Исследование факторов, влияющих на комфортность проживания населения в городе, требует комплексного, междисциплинарного и системного подходов, в рамках которых результативно использование сравнительного, ретроспективного, статистического и логического анализов для выявления и оценки причинно-следственных связей стохастической природы между детерминированными параметрами единичных субъективных и объективных показателей, определения их весомости и получения на этой основе средневзвешенной оценки обобщающего интегрального показателя комфортности проживания населения города, а также моделирования и прогнозирования этого показателя с целью использования его при разработке, оценке и утверждении планов социально-экономического развития регионов.

⁶ Биография Мамонова Петра Николаевича. URL: <http://www.megastars.ru/actors/mamonov.php>

⁷ Соколов А. Дауншифтинг — страшный сон HR-менеджера. URL: <http://www.executive.ru/career/hr-management/351586-daunshifting-strashnyi-son-hr-menedzhera>

Таблица 3. Определение факторов комфортности проживания населения города

Факторы	Символьное описание	Составляющие компоненты	Количественное измерение, ед.	Формула расчета
Политические	X ₁₋₁	Политическая стабильность	%	$1. I_t = \frac{X_t - X_{t \min}}{X_{t \max} - X_{t \min}}$ $2. I_{\text{кни}} = \frac{1}{n} \sum_{i=1}^n I_t$
	X ₁₋₂	Степень реализации конституционных свобод	%	
Социокультурные	X ₂₋₁	Обеспеченность населения услугами учреждений культуры	Количество учреждений культуры на 1000 человек населения, шт.	
	X ₂₋₂	Обеспеченность объектами сферы услуг	Количество объектов сферы услуг на 1000 человек населения, шт.	
	X ₂₋₃	Плотность учреждений здравоохранения, обеспеченность врачами	Количество учреждений здравоохранения на 1000 населения, шт.	
	X ₂₋₄	Предоставление дотаций, субсидий	Сумма начисленных субсидий населению на оплату жилого помещения и коммунальных услуг за отчетный период, тыс. р.	
Демографические	X ₃₋₁	Плотность и структура численности населения	%	
	X ₃₋₂	Рождаемость (смертность)	%	
	X ₃₋₃	Охват детей в возрасте 1—6 лет дошкольным образованием	Количество ДОУ на 1000 детей в возрасте 1—6 лет, шт.	
	X ₃₋₄	Охват детей в возрасте 7—17 лет общеобразовательным процессом	Количество общеобразовательных учреждений на 1000 детей в возрасте 7—17 лет, шт.	

Факторы	Символьное описание	Составляющие компоненты	Количественное измерение, ед.	Формула расчета
Экономические	X ₄₋₁	Покупательская способность населения	Отношение средней з/п к прожиточному минимуму трудоспособного населения, %	
	X ₄₋₂	Отношение средней начисленной пенсии к прожиточному минимуму населения старше трудоспособного возраста	%	
	X ₄₋₃	Обеспеченность населения экономическими активами	%	
	X ₄₋₄	Уровень регистрируемой безработицы	%	
Научно-технические	X ₅₋₁	Уровень научно-технического прогресса	%	
	X ₅₋₂	Количество организаций, выполняющих исследования и разработки	Количество организаций на 1000 человек населения, шт.	
	X ₅₋₃	Количество организаций, осуществляющих исследования и разработки	Количество организаций на 1000 человек населения, шт.	
	X ₅₋₄	Объем финансирования НИОКР	тыс. р.	
Природные	X ₆₋₁	Энергоэффективность	%	
	X ₆₋₂	Уровень загрязненности атмосферы	Выбросы от стационарных источников в расчете на одного жителя, г/м ³	
	X ₆₋₃	Климатические характеристики	%	
	X ₆₋₄	Озеленение территории	%	
Внешняя безопасность	X ₇₋₁	продовольственная	%	
	X ₇₋₂	экологическая	%	
	X ₇₋₃	экономическая	%	
Управление обществом	X ₈₋₁	Информированность и участие населения в процессе управления обществом	Участие населения в процессе управления обществом, %	$1. I_t = \frac{X_t - X_{t \min}}{X_{t \max} - X_{t \min}}$

Факторы	Символьное описание	Составляющие компоненты	Количественное измерение, ед.	Формула расчета
Связи и отношения в обществе	X ₉₋₁	Количество функционирующих в городе общественных организаций	шт.	
	X ₉₋₂	Устойчивость института семьи	Отношение брачности к разводимости, %	
Условия труда	X ₁₀₋₁	Санитарно-гигиенические	%	
	X ₁₀₋₂	Эстетические	%	
	X ₁₀₋₃	Психофизиологические	%	
	X ₁₀₋₄	Социально-психологические	%	
	X ₁₀₋₅	Организационно-экономические	%	
Условия проживания	X ₁₁₋₁	Обеспеченность населения медицинскими услугами	Количество врачей, среднего медицинского персонала, больничныхоек на 10 000 жителей, человек	
	X ₁₁₋₂	Состояние здоровья населения	Заболеваемость населения на 1000 жителей (случаев)	
	X ₁₁₋₃	Обеспеченность населения жилыми помещениями	Общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя, кол-во семей, состоящих на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях, м ²	
	X ₁₁₋₄	Качество жилищных условий населения	Уровень износа жилого фонда, %	
Внутренняя безопасность	X ₁₂₋₁	Уровень криминогенности	Число зарегистрированных преступлений на 1000 жителей, шт.	
	X ₁₂₋₂	Безопасность дорожного движения	Число ДТП на 1000 жителей, шт.	
	X ₁₂₋₃	Число добровольных формирований населения по охране общественного порядка	Число участников добровольных формирований населения по охране общественного порядка, человек	

Оценку комфортности проживания населения города можно охарактеризовать как процедуру выявления степени соответствия основных параметров и условий жизнедеятельности человека его жизненным потребностям, а также личным представлениям о достойном, полноценном и удовлетворяющем. Она осуществляется на основе сопоставления параметров и характеристик жизни данного индивида или общества с соответствующими параметрами и характеристиками, принятыми за базу сравнения, эталон, и ценностного осмысления результатов этого сопоставления. Процедура оценки качества жизни складывается из ряда этапов и операций, среди которых важнейшие: выбор номенклатуры составляющих компонент комфортности проживания, определение значений компонент, выбор критериев оценки и, наконец, определение интегрального показателя комфортности проживания.

В настоящее время учеными-исследователями в области оценки комфортности проживания обсуждаются разные предложения по созданию интегрального показателя [1, 19, 23, 28]. Используются как различные модельные подходы, так и различающиеся по составу и числу показатели. Например, простейшая модель сводится к суммированию баллов по всем составляющим компонентам. Более сложные модели предполагают взвешенное суммирование, учитывающее значимость различных характеристик качества жизни для человека [29].

Для каждого конкретного человека значимость отдельных показателей существенно различается, поскольку при их анализе неизбежен элемент субъективности. Важно определить их значимость для «усредненного» человека в настоящий момент времени. При этом необходимо предварительно привести все частные показатели комфортности проживания к единой размерности.

По мнению авторов, наиболее достоверна оценка комфортности проживания населения путем сопоставления фактических его составляющих с нормативными, т. е. по степени удовлетворения потребностей населения в жизненных благах и разнообразных услугах. Такой вариант расчета обобщающего показателя комфортности проживания населения представляется как средняя взвешенная величина из частных показателей, выражающих соотношение фактического потребления материальных благ и услуг по их группам и видам в среднем на одного человека с нормами этого потребления.

И хотя концепция оценки комфортности проживания гораздо глубже и богаче того, что может отразить любой из интегральных показателей, для мониторинга прогресса в области развития человека нужен максимально простой инструмент. На наш взгляд, именно этот подход является наиболее достоверным, так как позволяет учитывать внешние и внутренние факторы комфортности проживания, такие как политические, демографические, социокультурные, экономические, научно-технические, природные, внешняя безопасность, условия проживания, внутренняя безопасность и т. д.

Выводы

1. Город как социально-экономическая система представляет собой институционально организованную среду жизнедеятельности человека, в которой имеется своя инфраструктура, совокупность градообразующих предприятий, институтов, людей, совместно проживающих, имеющих определенные

цели существования и пути развития. Неравномерное развитие городов по социально-экономическим и ряду других показателей ставит их в условия конкуренции за ресурсы и рынки сбыта и делает актуальными задачи эффективной реализации потенциала. Однако конкурентоспособность города как социально-экономической системы не может быть абсолютно приравнена к конкурентоспособности бизнеса.

2. Конкурентоспособность городов может определяться по уровню и качеству жизни, которые определяют в полной мере институциональное построение и отладку среды жизнедеятельности человека, однако данные параметры не дают представления о ролевой идентичности человека, его сопричастности и «сращения» с данной территорией. Это возможно определить через оценку комфортности проживания.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Виноградов В. Европейская Хартия городов — стратегия и практика для российского города // Городское управление. 2001. № 11. С. 45—49.
2. Глебова И. С. Анализ комфортности проживания в крупнейшем городе и возможности ее повышения (на примере г. Казани) // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2011. № 4. С. 198—210.
3. Valdani E., Ancarani F. Marketing places. A resource-based approach and empirical evidence from the European experience. URL: http://www.yorku.ca/ishd/LEDCLD.SP/Links%20BQ/203_V1_Marketing%20places_SDA.pdf
4. Николаева Н. А. Конкурентоспособность города: взгляд зарубежных ученых // Маркетинг в России и за рубежом. 2001. № 6. С. 69—76.
5. Николаева Е. А., Ванчикова Е. Н., Мецзяков С. А. Формирование и оценка конкурентоспособности муниципальных образований региона. Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 2006. 150 с.
6. Kresl P. K., Singh B. Urban Competitiveness: the Case of US Metropolitan Centres // Urban Studies. 2012. Vol. 49. No. 2. Pp. 239—254.
7. Begg I. Cities and competitiveness // Urban Studies. 1996. Vol. 36. No. 5-6. Pp. 795—809.
8. Krugman P. Making Sense of the Competitiveness Debate // Oxford Review of Economic Policy. 1996. No. 12. Pp. 17—25.
9. Porter M. Competitive advantage, agglomeration economies and regional policy, Cities and competitiveness // 809 International Regional Science Review. 1996. No. 19. Pp. 85—90.
10. Гутникова Е. А. Оценка конкурентоспособности города // Проблемы развития территории. 2013. № 6(68). С. 22—29.
11. Шепелев Э. С. Методы оценки конкурентоспособности регионов и целесообразность их применения при оценке экономической конкурентоспособности Тамбовской области // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 11. С. 89—92.
12. Рудницкая А. В. Методика оценки конкурентоспособности муниципальных образований // Доклады ТУСУР. 2006. № 5. С. 142—147.
13. Джегутанов В. В. Конкурентоспособность города: сущность, критерии и показатели // Теория и практика общественного развития. 2012. № 3 С. 322—327.
14. Логинова В. А. Современные подходы к оценке конкурентоспособности территориальных экономических систем // Вестник ТОГУ. 2008. № 2 (9). Pp.139—152.

15. Анимца Е. Г. Конкуренция в территориальном измерении // Интеграция: власть, наука, производство. 2003. № 1. С. 38—42.
16. Гринчель Б. М., Назарова Е. А. Территориальный маркетинг как инструмент повышения конкурентоспособности городов и регионов // Стратегическое планирование в регионах и городах России: доклады участников VII Общероссийского форума лидеров стратегического планирования, Санкт-Петербург, 20—21 октября 2008 г. СПб.: Международный центр социально-экономических исследований «Леонтьевский центр», 2009. С. 102—104.
17. Максимчук О. В., Першина Т. А. Оценка уровня и качества жизни горожан с позиций комфортности проживания в современном городе (на примере крупных городов ЮФО) // Социология города. 2014. № 2. С. 33—55.
18. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: ИТИ Технологии, 2008. 944 с.
19. Саякин И. Е., Краснощеков А. Н., Трифонова Т. А. Оценка комфортности проживания населения в регионе (на примере Владимирской области) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2010. Т. 12. №1(7). С. 1880—1883.
20. Отчет по мероприятию «Создание и внедрение инновационной образовательной программы «Мониторинг и управление глобальными процессами в больших городах» в рамках деятельности Московской кафедры ЮНЕСКО МГУ по глобальной проблематике». URL: http://www.msu.ru/projects/amv/doc/h1_1_1_5_nim_3.pdf
21. Маслов Н. В. Градостроительная экология. М.: Высшая школа, 2003. 284 с.
22. Тузова А. А. Региональный анализ теневой экономики мира // Вестник Московского университета. Сер. 5. География. 2004. № 5. С. 61.
23. Крымзин Д. Н. Теоретические аспекты статистического изучения социальной комфортности проживания населения // Казанская наука. 2010. № 1. С. 132—137.
24. Першина Т. А. Концепция формирования и реализации потенциала энергосбережения как основы комфортности проживания населения в малом городе // Фундаментальные исследования. 2015. № 4. С. 244—249.
25. Тетиор А. Н. Экологическая гармония, красота, комфортность города (на базе экологической инфраструктуры). М.: МГУП, 2010. 312 с.
26. Скворцова М. А. Статистико-картографическое моделирование социальной комфортности проживания населения Приволжского федерального округа // Региональная экономика: теория и практика. 2014. № 22. С. 41—48.
27. Реймерс Н. Ф. Природопользование: словарь-справочник. М.: Мысль, 1990. 640 с.
28. Методология проведения статистического анализа социально-экономического развития регионов. М.: МИНК учета и статистики, 1998. 215 с.
29. Экономический анализ системы управления качеством жизни / О. И. Бетин, Б. И. Герасимов, В. В. Дробышева, Л. И. Федорова, В. В. Худеева. Тамбов: Изд-во Тамбовского гос. техн. ун-та, 2007. 148 с.

REFERENCES

1. Vinogradov V. [The European Charter for cities — strategy and practice for a Russian city]. *Gorodskoe upravlenie* [City administration], 2001, no. 11, pp. 45—49.
2. Glebova I. S. [Analysis of the Living Convenience of a Big City and Possibilities of Its Improvement (On the Example of Kazan)]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki* [Proceedings of Kazan University. Humanities Series], 2011, no. 4, pp. 198—210.

3. Valdani E., Ancarani F. Marketing places. A resource-based approach and empirical evidence from the European experience. URL: http://www.yorku.ca/ishd/LEDCD.SP/Links%20BQ/203_V1_Marketing%20places_SDA.pdf
4. Nikolaeva N. A. [Competitiveness of a city: foreign scientists' view]. *Marketing v Rossii i za rubezhom* [Marketing in Russia and abroad], 2001, no. 6, pp. 69—76.
5. Nikolaeva E. A., Vanchikova E. N., Meshcheryakov S. A. *Formirovanie i otsenka konkurentosposobnosti munitsipal'nykh obrazovaniy regiona* [Formation and assessment of competitiveness of municipal structures of the region]. Ulan-Ude, Publishing House of ESSTU, 2006. 150 p.
6. Kresl P. K., Singh B. Urban Competitiveness: the Case of US Metropolitan Centres". *Urban Studies*, 2012, 49(2), pp. 239—254.
7. Begg I. Cities and competitiveness. *Urban Studies*, 1996, 36(5-6), pp. 795—809.
8. Krugman P. Making Sense of the Competitiveness Debate. *Oxford Review of Economic Policy*, 1996, no. 12, pp. 17—25.
9. Porter M. Competitive advantage, agglomeration economies and regional policy, Cities and competitiveness. *809 International Regional Science Review*, 1996, no. 19, pp. 85—90.
10. Gutnikova E. A. [Assessment of competitiveness of the city]. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of the development of the territory], 2013, no. 6(68), pp. 22—29.
11. Shepelev E. S. [Methods of assessment of competitiveness of regions and their applicability at the assessment of economic competitiveness of Tambov Oblast]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Herald of Tomsk State University], 2008, no. 11, pp. 89—92.
12. Rudnitskaya A. V. [Methodology of assessment of competitiveness of municipal structures]. *Doklady TUSUR* [Proceedings of Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics], 2006, no. 5, pp. 142—147.
13. Dzhegutanov V. V. [City competitive ability: subject-matter, criteria and indicators]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development], 2012, no. 3, pp. 322—327.
14. Loginova V. A. [Modern approaches to assessment of competitiveness of territorial economic systems]. *Vestnik TOGU* [Herald of PNU], 2008, no. 2 (9), pp. 139—152.
15. Animitsa E. G. [Competition in territorial dimension]. *Integratsiya: vlast', nauka, proizvodstvo* [Integration: power, science, production], 2003, no. 1, pp. 38—42.
16. Grinchel' B. M., Nazarova E. A. [Territorial marketing as an instrument of increase in competitiveness of cities and regions]. *Strategicheskoe planirovanie v regionakh i gorodakh Rossii: doklady uchastnikov VII Obshcherossiiskogo foruma liderov strategicheskogo planirovaniya, Sankt-Peterburg, 20—21 oktyabrya 2008 g.* [Strategic planning in Russian regions and cities. Reports of the participants of the VII All-Russian Forum of Leaders of Strategic Planning, Saint Petersburg, 20—21 October, 2008]. Saint Petersburg, International Center of Social and Economic Researches „Leont'evskii Center”, 2009, pp. 102—104.
17. Maksimuk O. V., Pershina T. A. [Level and quality of life taking into account the assessment of comfort of living for the population in a modern city (on the example of large cities of the Southern Federal District)]. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2014, no. 2, pp. 33—55.
18. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow, ITI Technologii, 2008. 944 p.
19. Salyakin I. E., Krasnoshchekov A. N., Trifonova T. A. [The assessment of comfort of residing of the population in the region (by the example of Vladimir Oblast)]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk* [News of the Samara

Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2010, 12, no. 1(7), pp. 1880—1883.

20. *Otchet po meropriyatiyu «Sozdanie i vnedrenie innovatsionnoi obrazovatel'noi programmy «Monitoring i upravlenie global'nymi protsessami v bol'shikh gorodakh» v ramkakh deyatelnosti Moskovskoi kafedry YuNESKO MGU po global'noi problematike»* [The report on the event “Development and implementation of the innovative educational program “Monitoring and control over global processes in big cities” as part of the activity of the UNESCO Moscow department of global issues”]. URL: http://www.msu.ru/projects/amv/doc/h1_1_1_5_nim_3.pdf

21. Maslov N. V. *Gradostroitel'naya ekologiya* [Town-planning ecology]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 2003. 284 p.

22. Tuzova A. A. [Regional analysis of the world black economy]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 5. Geografiya* [Herald of Moscow University. Series 5. Geography], 2004, no. 5, p. 61.

23. Krymzin D. N. [Theoretical aspects of statistical studying of social comfort of living of the population]. *Kazanskaya nauka* [Kazan Science], 2010, no. 1, pp. 132—137.

24. Pershina T. A. [Concept formation and realization of energy saving potential as a basis of a comfortable stay in a small town]. *Fundamental'nye issledovaniya* [Fundamental research], 2015, no. 4, pp. 244—249.

25. Tetior A. N. [Ecological harmony, beauty, comfort of the city (on the basis of ecological infrastructure)]. Moscow, MSUPA, 2010. 312 p.

26. Skvortsova M. A. [Statistical and cartographical modeling of social comfort of living of the population of the Volga Federal District]. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika* [Regional Economics: Theory and Practice], 2014, no. 22, pp. 41—48.

27. Reimers N. F. *Prirodopol'zovanie: slovar'-spravochnik* [Environmental management: reference book]. Moscow, Mysl' Publ., 1990. 640 p.

28. *Metodologiya provedeniya statisticheskogo analiza sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya regionov* [Methodology of carrying out statistical analysis of social and economic development of regions]. Moscow, MINK of accounting and statistics, 1998. 215 p.

29. Betin O. I., Gerasimov B. I., Drobysheva V. V., Fedorova L. I., Khudeeva V. V. *Ekonomicheskii analiz sistemy upravleniya kachestvom zhizni* [Economic analysis of living quality control system]. Tambov, Publishing House of Tambov State Technical University, 2007. 148 p.

© Максимчук О. В., Першина Т. А., 2017

*Поступила в редакцию
в августе 2017 г.*

Received in August, 2017

Ссылка для цитирования: Максимчук О. В., Першина Т. А. Конкурентоспособность города с учетом оценки комфортности проживания населения // Социология города. 2017. № 3. С. 32—50.

For citation: Maksimchuk O. V., Pershina T. A. [On the competitiveness of cities and the comfort of the population living]. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2017, no. 3, pp. 32—50.

УДК 364.072.2

*Е. Ю. Болотова,
В. С. Меркурьева***ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ
ПО ЗАЩИТЕ ДЕТЕЙ-СИРОТ
(НА ПРИМЕРЕ
СТАЛИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ
1943–1945 гг.)**

В статье рассматривается проблема детской беспризорности и безнадзорности в годы Великой Отечественной войны, причины появления большого числа детей-сирот, безнадзорных детей и несовершеннолетних правонарушителей в это время. На основании архивных документов анализируются механизмы решения данных проблем на уровне государства и Сталинградской области. Представлен обзор мероприятий, направленных на развитие сети детских попечительских учреждений, устройство всех нуждающихся детей в детские дома, а также форм шефской помощи городских и сельских предприятий детским домам области.

Ключевые слова:

Великая Отечественная война,
Сталинградская битва,
детство,
дети-сироты,
детские дома,
социальная политика,
охрана прав несовершеннолетних,
материнство,
опека,
усыновление.

*Е. Yu. Bolotova,
V. S. Merkur'eva***THE PRACTICE
OF THE IMPLEMENTATION
OF THE STATE POLICY
ON PROTECTION OF CHILDREN-
ORPHANS
(BY THE EXAMPLE
OF THE STALINGRAD REGION
IN 1943–1945)****Введение**

Проблема социальной защиты детей в нашей стране выходила на первый план неоднократно. Практически всегда это было связано со структурными изменениями государства и общества, серьезными социальными катаклизмами. Беспризорность, безнадзорность и социальное сиротство несовершеннолетних являются существенной проблемой России и на современном этапе ее развития. Ежегодно в нашей стране выявляется около 50 тысяч несовершеннолетних, оставшихся без попечения родителей. Явление социального сиротства, чрезвычайно обострившееся сегодня, объясняется экономическими проблемами общества и свидетельствует о снижении роли института семьи. К тому же беспризорные и безнадзорные дети зачастую пополняют ряды несовершеннолетних преступников.

В XX веке наша страна пережила несколько периодов масштабной детской беспризорности и безнадзорности, связанных с революционными событиями 1917 года, Гражданской и Великой Отечественной войнами. Государством и обществом был накоплен опыт социальной защиты детей, элементы которого, на наш взгляд, целесообразно изучать и использовать в настоящее время.

Актуальность темы обусловила интерес исследователей к проблемам социальной политики советского государства на заключительном этапе войны и в первые послевоенные годы, в частности механизмам защиты детей-сирот, восстановлению системы образовательных и попечительских учреждений.

**Советский опыт решения проблем
детской беспризорности и безнадзорности
в литературе**

Так, в работах исследователей, изданных до конца 1980-х годов, следует отметить значительный пласт фактического материала, посвященного проблеме восстановления СССР, финансирования социальной сферы, вовлечения общественности в дело помощи детям, пострадавшим в годы войны.

The article is devoted to significant problems of the last years of the war — appearance of the great number of children in need of guardianship and protection. This problem, which is still urgent, is not researched enough on the regional level. Stalingrad, which was greatly affected in the years of the war, faced the extent of child abandonment and neglect in full in 1943. Even then, during the war, the city and the region administration began to take measures for the social protection of children. Police officers found homeless children, they were issued documents and sent to special children's homes. Orphanages were opened throughout the country, their number significantly increased in the areas liberated from German forces, including Stalingrad. The ongoing war and the overall economic situation did not allow allocating funds to equip the orphanages with all the necessary things. Most patronage to the local orphanages, aimed primarily at strengthening the resource base, was provided by the industrial enterprises of Stalingrad, the collective and state farms, the youth. Such joint efforts of state structures and society led to positive results. By 1945 most of the children left without parents had been sent to orphanages and foster families. Such practice of purposeful state policy, forms of interaction of authorities and society to support children-orphans in the final stages of the war, is also useful in modern conditions for the solution of problems of social orphanhood.

Key words:

The Great Patriotic war,
the Battle of Stalingrad,
childhood,
children-orphans,
orphanage,
social policy,
protection of juvenile rights,
motherhood,
guardianship,
adoption.

давшим от военных действий. Безусловно, в них чаще всего раскрывалась значимость роли Коммунистической партии в политической системе и повседневной жизни советского общества, преобладало весьма тенденциозное освещение данных вопросов, направленное, прежде всего, на формирование у читателя ощущения благополучия советского общества, широких возможностей для всех людей, заботы государства о каждом гражданине страны. Рассмотрению важнейших мероприятий социальной защиты детей в нашей стране в военные послевоенные годы были посвящены работы М. И. Кондаковой, А. М. Новикова, Г. А. Дороховой, Т. Е. Кониковой и др. [1, 2, 3]. В их монографиях поднимаются вопросы восстановления системы основного и дополнительного образования — детских садов и школ, библиотек и Дворцов пионеров, налаживания воспитательной работы с детьми, в том числе и для профилактики детской беспризорности и безнадзорности.

Собственно вопросы появления огромного числа детей-сирот и детей, оставшихся в условиях военного времени без попечения родителей, защиты детства в широком плане, включая мероприятия по охране материнства и младенчества с использованием различных видов поддержки семьи, рассматриваются исследователями на отдельном временном отрезке — в первое десятилетие после окончания Великой Отечественной войны, в развитии — на протяжении XX века, с обязательным выявлением и характеристикой нескольких волн детской беспризорности, безнадзорности и сиротства данного периода. Среди работ, посвященных характеристике нормативно-правовой базы охраны детства и защиты прав несовершеннолетних в годы войны, следует особо отметить монографию Г. М. Свердлова, вышедшую в 1943 г. Автор рассматривает изменения, внесенные в законодательство СССР на начальном этапе войны, предпринимаемые правительством меры по охране материнства и детства, защите детей-сирот в 1941—1943 гг. [4]. Следует учесть, что данная монография была издана во время войны, заложив основы изучения проблемы правовой защиты несовершеннолетних, оставшихся без попечения родителей, в послевоенные годы.

Об авторах:

Болотова Елена Юрьевна —
доктор исторических наук,
профессор,
заведующая кафедрой
отечественной истории и историко-
краеведческого образования,
Волгоградский государственный
социально-педагогический университет.
Российская Федерация, 400066,
г. Волгоград, пр-т им. В. И. Ленина, 27,
eubolotova@yandex.ru

Bolotova Elena Yur'evna —
Doctor of Historical Sciences,
Professor,
Head of the Department of Russian History
and Local History Education,
Volgograd State Social-Pedagogical
University (VSSPU).
27, V. I. Lenin Av., Volgograd,
400066, Russian Federation,
eubolotova@yandex.ru

Меркурьева Вера Сергеевна —
кандидат исторических наук,
доцент кафедры
отечественной истории и историко-
краеведческого образования,
Волгоградский государственный
социально-педагогический университет.
Российская Федерация, 400066,
г. Волгоград, пр-т им. В. И. Ленина, 27,
merkuvera@yandex.ru

Merkur'eva Vera Sergeevna —
Candidate of Historical Sciences,
Docent of the Department of Russian History
and Local History Education,
Volgograd State Social-Pedagogical
University (VSSPU).
27, V. I. Lenin Av., Volgograd,
400066, Russian Federation,
merkuvera@yandex.ru

Другим автором, досконально изучившим вопросы развития советского законодательства в отношении семьи и детей, стала А. М. Нечаева. Несмотря на то, что ее внимание было сосредоточено на эволюции законодательства советского государства в отношении детей, оставшихся без родителей, реализации практических мероприятий также было уделено много внимания, в частности автор рассматривает такие формы устройства детей-сирот в приемные семьи, как передача на патронат, усыновление (удочерение) и опека [5, 6].

И все же при заметном стремлении различных авторов охватить вниманием наиболее существенные стороны государственной политики по защите детей, заметна определенная односторонность анализа комплекса проблем, относящихся к детству: либо дается подробный анализ законодательной базы, либо рассматриваются разнообразные формы социально-экономической поддержки семьи, материнства и детства.

Сталинградский опыт решения проблем детской беспризорности и безнадзорности

Необходимым условием преодоления проблемы детской беспризорности и безнадзорности военного времени стало общее восстановление страны. На региональном уровне этот процесс начинается с момента окончания Сталинградской битвы и в целом находит свое отражение в работах волгоградских исследователей. Несмотря на то, что большинство из них рассматривали такие вопросы, как восстановление промышленности и жилищное строительство первых послевоенных лет [7], уделялось внимание и некоторым социальным аспектам (восстановлению общеобразовательных и медицинских учреждений, учреждений высшего и среднего профессионального образования, учреждений культуры, налаживанию бытового обслуживания населения) [8]. Как правило, эти работы построены на базе архивных материалов, что позволило авторам наиболее объективно отразить восстановительный период [9].

Дети войны, многое пережившие, не любят вспоминать те страшные годы. Тем большую ценность представляют для современных исследователей их мемуары и интервью. Важное место отведено рассказам о юных жителях нашего города, воспитанниках детских домов военных и послевоенных лет, основанных на архивных документах и воспоминаниях детей военного Сталинграда [10].

В целом в представленных выше исследованиях получили освещение некоторые аспекты темы, например складывание законодательной основы государственной политики в отношении детей-сирот, проблема борьбы с детской беспризорностью и правонарушениями как социальным явлением на завершающем этапе Великой Отечественной войны и после ее окончания, разнообразные формы социальной защиты материнства и детства, восстановление и развитие системы детских попечительских учреждений различных типов. На региональном уровне в комплексе эти проблемы рассматривались В. С. Меркурьевой в ряде статей и диссертационном исследовании [11].

Период 1943—1945 гг. для анализа был избран не случайно. В 1943 г. в Сталинграде начинается процесс восстановления города, практически полностью разрушенного в ходе военных действий. В комплексе мероприятий восстановительного периода, к реализации которых приступили в условиях еще продолжающейся войны, особое место занимали те, которые были направлены на решение проблем детской беспризорности и безнадзорности, обострившихся в это время. К моменту окончания войны в Сталинградской области уже был наработан определенный опыт, который смогли использовать позднее, с 1945 года, в процессе восстановления СССР все регионы.

Раскрыть специфику периода позволяет широкий круг исторических источников. Постановления правительства, относящиеся к группе нормативных и законодательных актов, дают нам возможность увидеть, что восстановление и расширение системы образования и государственных попечительских учреждений находились под строгим партийно-государственным контролем. Особо следует отметить следующие: «Об улучшении работы по устройству детей и подростков, оставшихся без родителей», «О мерах по дальнейшему улучшению воспитательной работы в детских домах», «Об эвакуации детей», «О мерах по улучшению воспитания детей, оставшихся без родителей».

Не меньшую ценность представляют различные отчеты, справки, докладные записки, которые относят к группе материалов внутреннего делопроизводства комсомольских и пионерских организаций, а также партийных и государственных органов. Все они в различной степени освещают отдельные аспекты работы с детьми, взаимодействие государственных и общественных структур, шефскую помощь со стороны комсомольцев [12]. В послевоенный период дети и молодежь активно участвовали в организации самых разных форм досуга, внешкольных мероприятий, воспитательной работы. Ярким примером может служить Всероссийский смотр-конкурс детской художественной самодеятельности, в котором принимали участие воспитанники детских домов со всей страны. Широкий спектр работы партийно-государственных органов по подготовке к открытию большого числа детских домов по всей стране нашел отражение в различных докладных записках и справках центрального и местного уровня управления.

Делопроизводственная документация широко представлена в фондах волгоградских архивов, что позволило рассмотреть такие вопросы, как работа детских приемников-распределителей по нахождению беспризорных и безнадзорных детей на улицах города, вокзале, пристани, рынке и оказание им помощи (оформление документов, лечение в случае необходимости, помощь с возвращением домой, если это было возможно, или размещение в детском доме соответствующего типа). Также документы из Центра документации новейшей истории Волгоградской области и Государственного архива Волгоградской области содержат ценные сведения о бытовых условиях в детских домах области, о налаживании воспитательной работы и обучении воспитанников, о досуге детей в период каникул.

В рассматриваемый период в государственных попечительских учреждениях не хватало самых необходимых вещей, а также квалифицированных педагогов и воспитателей, но со временем ситуацию удалось исправить. Анализируя такие документы, как отчеты о состоянии текущей работы Сталинградского городского отдела народного образования, справки о работе школ Сталинграда и области, докладные записки о восстановлении сети детских садов, детских домов и оздоровительных лагерей, можно сделать вывод о том, какое большое внимание уделялось всем направлениям работы. Администрация детских домов и общеобразовательных учреждений в обязательном порядке составляла подробный план воспитательной работы, согласно которому все дети были вовлечены во все проходившие мероприятия. Немало средств ежегодно выделялось для улучшения работы детских оздоровительных лагерей и летних площадок в городе, проведения физкультурных мероприятий. В период зимних каникул практически все дети могли посетить новогоднюю елку и праздник. При этом повседневная жизнь воспитанников детских домов также находилась под строгим контролем: во все учреждения регулярно приезжали проверяющие комиссии, составляющие отчеты и справки по итогам своей работы.

Не оставляли без внимания и детей, переданных на воспитание в приемные семьи (законодательством были предусмотрены различные формы передачи сирот приемным родителям: опека, патронирование, усыновление). Специальные комиссии, в составе которых находились работники органов образования, здравоохранения и социальной сферы, были обязаны наблюдать за состоянием этих детей. Отчеты комиссий свидетельствуют о проведении регулярных проверок и своевременном устранении выявленных нарушений и злоупотреблений со стороны опекунов. Проверке подлежали и условия жизни выпускников детских домов, устроенных на работу на предприятия или в колхозы.

Большую ценность для исследователя также представляют статистические источники, благодаря которым можно сделать вывод об эффективности мероприятий, направленных на расширение сети детских домов по всей стране, движении контингента воспитанников, их возрастной и социальной структуре. В документах нашли отражение все основные процессы, коснувшиеся системы образования и защиты детей послевоенного времени: количество школ постепенно увеличивалось, в основном за счет ремонта пострадавших во время войны и строительства новых школьных зданий; открывались новые детские сады и детские дома, их емкость также постепенно увеличивалась.

Проведение масштабных восстановительных работ было бы невозможно без шефской помощи со стороны промышленных предприятий и колхозов области. Осуществляя посильную помощь детским учреждениям, шефы не только предоставляли строительные материалы и необходимый инвентарь, продукты питания, но и выделяли средства для организации летнего отдыха детей в оздоровительных лагерях.

Статистические документы из Центра документации новейшей истории Волгоградской области — отчеты и справки городского и областного отделов народного образования — содержат данные о масштабах проблемы детской беспризорности и безнадзорности, серьезно обострившейся в годы Великой Отечественной войны. Среди полученной нами здесь информации особо следует отметить данные о количестве задержанных на улицах города детей, направленных в детские комнаты милиции или помещенных в приемники-распределители; о количестве детских домов различных типов на территории Сталинградской области; средствах, выделяемых на их содержание; изменениях в качественном и количественном составе педагогических кадров и обслуживающего персонала. Документы содержат сведения и о количестве детей, переданных в приемные семьи — под опеку, патронат или усыновление (удочерение).

Все источники, рассмотренные нами в процессе разработки данной темы, безусловно имеют огромную научную ценность. В совокупности они позволили нам рассмотреть и проанализировать действия руководства страны и Сталинградской области, направленные на защиту детей, переживших военные годы, и улучшение их положения по мере возможности (путем дальнейшего совершенствования законодательства в сфере материнства и детства, восстановления и постепенного расширения сети детских учреждений, улучшения их снабжения). Проблема социальной защиты детей, обострившаяся в годы войны, требовала немедленного решения, и это решение было найдено. Опыт государства по преодолению детской беспризорности и безнадзорности военных лет представляет ценность и сегодня.

История государственных попечительских учреждений СССР

Система государственных попечительских учреждений в нашей стране имела длительную историю законодательного и институционального оформления. К началу Великой Отечественной войны она представляла собой структуру, состоящую из приемников-распределителей, функционировавших в системе НКВД, куда ребенок попадал непосредственно с улицы, и детские дома различных типов, находившиеся в ведении народных комиссариатов здравоохранения и просвещения. В 1943 г. в СССР работало 188 приемников-распределителей для беспризорных и безнадзорных детей общей емкостью 13 830 мест¹. Необходимость в них возникала по всей стране, и в первую оче-

¹ Записки и справки местных партийных органов, ЦК ВЛКСМ, Наркомпроса и Наркомздрава РСФСР и других ведомств с заключениями Отдела по вопросам детских учреждений // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 126. Д. 19. Февраль 1944 — апрель 1945 гг. Л. 1—95.

редь в освобожденных к этому времени краях и областях (Курской, Воронежской, Орловской, Ростовской и Сталинградской областях, Краснодарском и Ставропольском крае)². В связи с постоянно растущим числом детей, оставшихся без родителей, этих мест катастрофически не хватало. Родителям и родственникам, разыскивающим своих пропавших детей, следовало обращаться в центральный адресный справочный детский стол (расположенный в Москве), работу которого курировал НКВД СССР. Со временем подобные справочные столы начали работу по всей стране. Здесь родители могли получить информацию, облегчающую поиск ребенка, а воспитанники детских домов могли узнать о своих родителях или родственниках.

Дети, в силу различных обстоятельств оказавшиеся на улицах, попадали в категорию беспризорных. Чаще всего их можно было встретить на железнодорожных вокзалах, пристанях, базарах. Часть из них были сиротами, часть не потеряли связь с семьей, но ушли из дома по разным причинам. Находить таких детей, доставлять в приемники-распределители должны были сотрудники милиции. Однако зачастую им было сложно справляться с этой работой, и число детей на улицах в рассматриваемый период все еще было очень большим. Конечно, решающее значение оказывал тот факт, что общее число детей, оставшихся без родителей, в годы войны существенно возросло. Кроме того, не везде хватало мест в детских комнатах милиции и приемниках-распределителях, а значит, разместить всех найденных на улице детей также было проблематично. Из-за нехватки сотрудников иногда отсутствовало аккуратное и полное заполнение личных дел поступивших детей, не учитывались особенности их здоровья, обстоятельства появления среди беспризорных. После оформления всех документов ребенка следовало направить в детский дом соответствующего типа (школьный или дошкольный), но из-за возросшего в годы войны числа сирот и сокращения количества детских домов (например, из-за их эвакуации или реорганизации) мест в них могло не хватать, и ребенок, документы которого были своевременно оформлены, вынужден был проводить достаточно долгое время в приемнике-распределителе, абсолютно не приспособленном для этих целей.

С целью предупреждения беспризорности и безнадзорности военных и первых послевоенных лет в эту работу активно включалась общественность всей страны. Детям оказывалась посильная помощь в розыске родителей. В этот период появились новые виды работы с детьми, оставшимися без попечения родителей. Если ребенка не удавалось эвакуировать или устроить в детский дом непосредственно в зоне боевых действий, то командир мог принять решение об «усыновлении» (такие дети известны под общим именем «сын полка»). Во время ВОВ по всей стране стали открываться суворовские и нахимовские училища, куда поступали дети фронтовиков и дети-сироты военных лет.

В рассматриваемый период существенно возросло число детей, оставшихся без родителей. Основной причиной этого, естественно, была война (если детей и удавалось спасти, то их родители часто гибли на фронте, попадали в плен, умирали от ран и болезней). Из-за необходимости вывозить мирных жителей из зоны приближающихся боевых действий и непродуманных планов эвакуации многие дети теряли связь со своей семьей.

² Там же. Л. 13.

В годы войны особенно трудно приходилось многодетным и неполным семьям. Поэтому отдельную категорию воспитанников детских домов составляли дети из необеспеченных и неблагополучных (часто — многодетных) семей, переданные родителями в детский дом из-за невозможности их содержать, сироты, сохранившие связь с родственниками, и ряд других категорий.

Социально-бытовые трудности военных лет часто приводили к уходу детей из семьи и побегам из детских учреждений, в основном из-за тяжелых условий содержания. Из-за плохого питания было стабильно высоким число побегов детей из детских домов. Подростки бежали из ремесленных училищ, школ ФЗО и тех мест, куда они были трудоустроены после выхода из детского дома³.

Дети младше трехлетнего возраста поступали в дома ребенка, находившиеся в ведении народного комиссариата здравоохранения. Их число также было стабильно высоким, основной контингент составляли дети, оставленные матерями-одиночками. Рост числа внебрачных рождений в это время можно отнести к последствиям государственной политики и особой демографической ситуации, сложившейся в результате войны. Значительные потери среди мирного населения и военнослужащих, численное преобладание женщин репродуктивного возраста требовали принятия мер, направленных на стимулирование рождаемости. Поэтому после 1944 г. отцы рожденных вне брака детей освобождались от ответственности за них, что, безусловно, отразилось на материально-бытовом положении женщин не самым благоприятным образом.

На заключительном этапе войны органы социальной защиты населения анализировали причины появления большого числа нуждающихся в устройстве детей и подростков, старались принимать необходимые меры для стабилизации создавшегося положения. Зачастую удавалось лишь устраивать нуждающихся в этом детей в попечительские учреждения различных типов, для устранения детской беспризорности и безнадзорности военного времени пока не хватало ресурсов. Собственно, вся система социальной защиты детей-сирот военных и первых послевоенных лет была ориентирована на борьбу с отрицательными последствиями сиротства. Предупреждение и профилактика пришли ей на смену лишь к концу первого послевоенного десятилетия.

Сталинградская область в последние военные годы не являлась исключением, и здесь так же, как и по всей стране, существенно возросло число детей, по различным причинам оставшихся без родителей. Особенностью Сталинграда было лишь то, что город долгое время считался тыловым регионом, мирное население никуда не уезжало. Напротив, здесь нашли приют многие дети, эвакуированные из западных районов страны в первые военные годы. Это были целые детские дома, например из Белоруссии, в составе которых дети, воспитатели и обслуживающий персонал располагались на территории нашей области почти до самого начала Сталинградской битвы. К моменту начала масштабных боевых действий часть детских домов была пере-

³ Записки и справки отдела школ, обкомов партии, Министерства просвещения об улучшении работы детских домов, детских приемников и домов младенцев, о мерах по ликвидации детской беспризорности, в том числе в Сталинграде и Сталинградской области, о помощи детям-сиротам // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 559. Январь — декабрь 1947 года. Л. 150.

правлена в заволжские районы. Для этого были приведены в действие планы эвакуации, согласно которым в четко установленные сроки воспитанники детских учреждений должны были покинуть свой район и направиться по обозначенному маршруту. Там, куда они прибывали, местные власти должны были приготовить подходящие помещения, оборудовав их мебелью, необходимым инвентарем и продуктами питания, организовать лечение и санитарную обработку детей в случае необходимости. Необходимо было также обеспечить встречу детей на железнодорожных станциях и пристанях, выделить транспорт. До того, как западные районы Сталинградской области были оккупированы, удалось обеспечить эвакуацию детских лечебно-профилактических учреждений: санаториев, домов ребенка. Такая работа по спасению детей проводилась повсеместно по стране и рассматривалась местными властями как один из приоритетов. Тем не менее в Сталинграде и районах области, занятых немцами, по-прежнему оставались дети. Не всех их удалось вывезти в безопасные места.

На момент окончания Сталинградской битвы город представлял собой груды развалин. Здания школ, детских садов и детских домов были разрушены, персонал эвакуирован. Прекратил свою работу областной профсоюз работников дошкольных учреждений. Как только появлялась возможность, работники органов народного образования и социальной защиты населения брались за организацию учета детей, оказавшихся на улицах, занимались подготовкой к открытию детских приемников-распределителей, детских домов и детских садов-интернатов. Здесь могли находиться как дети-сироты, так и дети, чьи родители воевали на фронте или работали на промышленных предприятиях и не могли осуществлять присмотр за детьми. Необходимо было забрать детей с разрушенных и заминированных улиц города.

После окончания Сталинградской битвы городские власти занялись выявлением и устройством нуждающихся детей. По неточным данным, за период с февраля 1943 по апрель 1944 в целом по области было учтено 10—11 тыс. детей, оставшихся без родителей⁴. Их необходимо было разместить в детских домах, ремонт и строительство которых начались уже в 1943 г. Главная трудность заключалась в отсутствии необходимых средств и строительных материалов. Не хватало и профессиональных педагогических кадров для работы с детьми.

Согласно постановлению ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР от 21 августа 1943 г. «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в освобожденных районах», в Сталинградской области приступило к работе семь специальных приемников-распределителей на 440 человек и 10 специальных детских домов на 1500 человек⁵. В первую очередь сюда направляли детей-сирот, родители которых погибли во время Сталинградской битвы. Инфраструктура была полностью разрушена. Для организации детских домов приходилось использовать любые подходящие помещения, ремонт в которых делался силами добровольцев — участников черкасовского движения. В трудных условиях

⁴ Протоколы бюро обкома ВКП(б) № 31—52 // Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО). Ф. 71. Оп. 2. Д.65. 19 августа 1943 — 30 декабря 1943. Л. 5.

⁵ Там же.

военного времени все же удавалось находить строительные материалы, мебель, игрушки и книги, подбирать сотрудников — педагогов и медицинских работников. Благодаря этому к 1 сентября 1943 г. 440 детей-сирот уже поступили в приемники-распределители области⁶.

В связи с появлением значительного числа беспризорных детей, регулярно пополнявших ряды малолетних преступников, возникла необходимость в организации детских исправительных учреждений. Детская трудовая воспитательная колония была открыта в Астрахани, она могла вместить в себя до 500 человек⁷.

Выполняя решение ЦК ВКП(б) и СНК СССР, руководство Сталинградской области организовало суворовское военное училище, куда планировалось отобрать самых достойных воспитанников. Широкие размеры приняла передача детей в приемные семьи в форме патронирования, опеки и усыновления. Чтобы контролировать эту работу на местах и своевременно оказывать помощь детям, переданным в семьи, в районах области были организованы комиссии по устройству детей, оставшихся без родителей, выполняющие функции общественной инспекции по охране детства и находившиеся в ведении областного комитета образования.

Заботу о детях, оставшихся без родителей, проявляли комсомолы Сталинградской области, принявшие активное участие в деле помощи детям. Добровольцы патрулировали улицы, осуществляя поиск беспризорных детей, дежурили в детских комнатах милиции, организовывали сбор средств и необходимых вещей (прежде всего одежды и обуви) и распределяли их среди нуждающихся. Для многих семей, где отец воевал на фронте, а мать одна воспитывала нескольких детей, эта помощь была своевременной и весьма ощутимой.

В своей работе в это время все государственные попечительские учреждения сталкивались с бытовыми трудностями, обусловленными войной, экономическими трудностями и нехваткой зачастую самых необходимых вещей.

В 1944 г. открытые и восстановленные ранее в Сталинградской области детские учреждения, в том числе приемники-распределители и детские дома, уже не вмещали значительного количества детей, оставшихся без попечения родителей. При этом количество детей-сирот, которых только предстояло разместить по детским домам различных типов, не уменьшалось. К тому же нуждались в заботе государства дети военнослужащих, чьи матери были заняты на работе и не могли уделить достаточного внимания воспитанию своих детей.

Уже в начале 1944 г. специальные детские дома (они были предназначены для детей, родители которых воевали на фронте) были полностью заполнены детьми, при этом в области было еще много семей, нуждающихся в выделении места в детском учреждении. Детей этой категории в области насчитывалось более 600 человек⁸. Отчасти проблема решалась путем устройства

⁶ Протоколы бюро обкома ВКП(б) // ЦДНОВО. Ф. 113. Оп. 18. Д. 7. 4—23 июня 1944 г. Л. 7—8.

⁷ Протоколы бюро обкома ВКП(б) № 112—122 // ЦДНОВО. Ф. 71. Оп. 5. Д. 8. 06 апреля 1945 — 29 июня 1945. Л. 59.

⁸ Справки о выполнении постановлений бюро обкома ВКП(б) по отделу школ и вузов // ЦДНОВО. Ф. 113. Оп. 18. Д. 29. 23 февраля 1944 — 27 декабря 1944 г. Л. 16.

детей фронтовиков в обычные детские дома. Так, в ряде существующих детских домов обычного типа (Руднянском, Урюпинском, Нижнечирском инвалидном детском доме, Серафимовичском) они составляли большинство воспитанников. При этом детей-сирот, также нуждающихся в размещении, отправлять было уже некуда.

Для того чтобы устроить детей в детские дома, руководство Сталинградской области издало распоряжение об увеличении числа мест в существующих детских домах на 1100 детей. Эта работа включала в себя реорганизацию специальных детских домов, увеличив общее число воспитанников: Руднянского — на 200, Урюпинского — на 150, Серафимовичского (дошкольного) — на 100, Нижнечирского (для детей-инвалидов Великой Отечественной войны) — на 100; и организацию двух новых специальных детских домов на 300 человек⁹. Позднее следовало расширить всю сеть специальных детских домов, куда поступали дети военнослужащих, погибших на фронтах Великой Отечественной войны. Этого можно было добиться путем перевода детских домов общего типа в разряд специальных, где планировалось размещение не менее 500 воспитанников. Для выполнения всех необходимых работ был установлен срок — не позднее 20 мая 1944 г.

Кроме того, были выделены средства для строительства новых специальных детских домов, куда можно было направить 300 детей (планировалось открыть детские дома на 100 человек для воспитанников школьного возраста в станице Филоновской и станице Березовской Березовского района — к 10 июня 1944 г.; в селе Матышево Руднянского района детский дом дошкольного типа на 100 человек — к 10 июля 1944 г.). Также в это время Нижнечирский дом детей-инвалидов был преобразован в специальный детский дом, рассчитанный на содержание 100 детей дошкольного и школьного возрастов¹⁰.

Отдельные ведомства осуществляли эффективный контроль за всем объемом запланированных работ. В обязанности Управления НКВД входило наблюдение за ходом подготовки к открытию специальных детских домов, а также оказание им помощи в дальнейшем. Первые секретари райкомов ВКП(б) и председатели райисполкомов были обязаны находить помещения для специальных детских домов, ремонтировать, обеспечивать необходимым инвентарем, хозяйственным оборудованием, детской мебелью и посудой, а также контролировать процесс питания по установленным нормам. Областной отдел здравоохранения должен был обеспечить медицинское обслуживание воспитанников детских домов, подыскать и направить на работу необходимые кадры медицинского персонала и обеспечить снабжение медикаментами. Если ребенок попадал в приемник-распределитель больным или ослабленным, то его необходимо было госпитализировать в детское лечебное учреждение и направлять в детский дом только после выздоровления.

На заключительном этапе войны детские учреждения могли испытывать дефицит в снабжении, но постепенно ситуация улучшалась. Особенно большую роль в улучшении питания воспитанников сыграли подсобные хозяйства детских домов. По плану Наркомпроса они должны были быть организованы при каждом детском доме (посевная площадь не менее 540 га), но по-

⁹ Там же. Л. 17.

¹⁰ Там же. Л. 19.

нимая, что подсобное хозяйство действительно необходимо, работники детских домов засеяли 741 га¹¹. Хорошее подсобное хозяйство могло существенно разнообразить ежедневный рацион воспитанников, что являлось очень хорошим подспорьем в условиях военного времени. Большие подсобные хозяйства успешно работали при Руднянском, Медведицком, Песковском, Нижнечирском, Белопрудском, Алексеевском специальном детском доме. Здесь выращивали большое количество зерновых, бахчевых и огородных культур, овощей, содержали крупный рогатый скот, а также овец, кроликов, гусей и кур, пчелосемей.

На 1 января 1945 г. в Сталинградской области работало 27 детских домов, в том числе 12 специальных, где находились 2290 детей; 15 детских домов общего типа на 2000 детей. Только за 1944 г. в области было открыто 22 новых детских дома и пять приемников-распределителей¹².

В соответствии с распоряжением СНК СССР и постановлением бюро обкома ВКП(б) число мест в специальных детских домах постоянно старались увеличить, но их все равно не хватало, чтобы разместить всех нуждающихся детей. Поэтому руководство области просило Совнарком РСФСР о выделении средств для строительства дополнительных детских домов общего типа, в которых можно было бы разместить до 2200 детей. Разрешение было получено, средства выделены, и бюро обкома ВКП(б) от 9 января 1945 г. приняло постановление об открытии 16 новых детских домов в районах Сталинградской области. Для строительства и последующего их оснащения промышленные предприятия получили заказ на изготовление детской мебели (было изготовлено 250 деревянных и 500 железных кроватей, 175 стульев и других необходимых предметов). Также для отделки новых и ремонта существующих детских домов были выделены: ткань, постельные принадлежности, одежда, стекло и другие строительные материалы¹³.

Из-за финансовых трудностей военного времени необходимые области новые детские дома долгое время не открывались, главным образом из-за отсутствия мебели, оборудования, стекла и различных строительных материалов. Открытие каждого детского дома требовало проведения огромной подготовительной работы, привлечения материальных и людских ресурсов, осуществления строгого контроля на всех уровнях. Такая работа была проведена в Молотовском, Черномырском, Березовском и Руднянском районах, где для детских домов удалось найти необходимые помещения, выделить участки для приусадебных хозяйств, скот, посевную площадь. Сюда были назначены директора, подбирались штат воспитателей. В мае — июне 1945 г. здесь были открыты детские дома. В то же время в ряде районов области, например в Кругловском, Киквидзенском, Ново-Анненском, Ново-Николаевском, Калачевском и некоторых других к организации подготовки к открытию детских домов долгое время не приступали, несмотря на очевидную необходимость.

¹¹ Протоколы бюро обкома ВКП(б) // ЦДНОВО. Ф. 113. Оп. 18. Д. 7. 4—23 июня 1944 г. Л. 8—9.

¹² Справки на имя секретаря обкома ВКП(б) о состоянии работы в детдомах области // ЦДНОВО. Ф. 113. Оп. 20. Д. 277. 1944 год. Л. 16.

¹³ Там же. Л. 14.

Улучшению материально-бытовой базы детских домов и организации в них планомерного обучения и воспитания детей руководящие структуры уделяли большое внимание. Общественность активно привлекалась к участию в работе по оказанию разного рода помощи детским домам. Крупные промышленные предприятия, различные организации, колхозы, воинские части создавали попечительские советы в детских учреждениях, оказывали шефскую помощь. Значительная работа по оказанию помощи детским попечительским учреждениям была развернута на предприятиях Сталинградской области. В 1945 г. крупнейший из сталинградских заводов — Тракторный — объявил о возможности оказать помощь нескольким детским домам области. Эту инициативу поддержали другие предприятия и организации, в кратчайшие сроки взявшие шефство над 4,2 тыс. детей, родители которых погибли во время Великой Отечественной войны¹⁴. Фактически каждое предприятие Сталинграда и области получило прикрепленный детский дом, которому оказывалась вся необходимая помощь.

Тяжелее всего было восстановить материально-техническую базу детских домов в условиях военного времени, провести ремонт помещений и подготовить к работе в зимний период. Постоянно требовалось большое количество средств и строительных материалов. Помощь, которую оказывали предприятия города и колхозы области детским домам, была неоценима. Так, руководство завода «Красный Октябрь» в 1945 г. решило выделить кровельное железо, несколько ящиков оконного стекла, фанеру, гвозди, краску для ремонта Руднянского и Матышевского детских домов¹⁵. Также для нужд воспитанников этих детских домов заводом было изготовлено 150 кружек, 20 тазов и ведер [13, с. 36]. Шефствующая над Среднеахтубинским детским домом организация Спецстройтрест № 53 Наркомата вооружений также оказала существенную помощь в проведении ремонтных работ. В детский дом были доставлены пиломатериалы, листы кровельного железа, алебастр, краска и другие необходимые строительные материалы¹⁶. Аналогичную помощь предлагали подшефным детским домам Дубовского, Ленинского, Арчединского, Алексеевского и ряда других районов предприятия области: Сталинградский тракторный завод, строительный трест № 1 Наркомчермета, завод № 264 и др.¹⁷.

Проблема снабжения детских домов продуктами питания также стояла достаточно остро. Именно поэтому и в военные годы, и сразу после окончания войны довольно широко развернулось шефство колхозов над детскими

¹⁴ Справки, протокол областного комитета помощи детям о состоянии шефства над детдомами области // ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 25. Д. 357. 1948 год. Л. 5—6.

¹⁵ 24. Записки, информации, справки уполномоченных КПК при ЦК ВКП(б) и местных партийных органов с заключениями Отдела: о мерах по улучшению воспитательной работы, бытового и медицинского обслуживания детей в детских домах Пензенской, Ростовской, Свердловской, Смоленской, Сталинградской и Ульяновской областей // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 126. Д. 29. Сентябрь 1945 — май 1946 гг. Л. 38.

¹⁶ Справки отдела об организации детских домов, борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью по городу и области // ЦДНИВО. Ф. 114. Оп. 1. Д. 350. Л. 39.

¹⁷ Справки, протокол областного комитета помощи детям о состоянии шефства над детдомами области // ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 25. Д. 357. 1948 год. Л. 17.

домами области. В 1945 г. 43 колхоза выделили детским домам 32 коровы, 40 овец, 7 лошадей, 17 свиней, кроме того, было засеяно 84 га зерновых, 21 га бахчевых и 21 га огородных культур¹⁸. Колхозы Среднеахтубинского района «Красный партизан» и «Красный огородник» 8 ноября 1945 г. передали воспитанникам подшефного детского дома трех овец, 60 кур, 10 кг масла, 60 кг творога, 30 кг сушеных фруктов, 2 т капусты, 300 кг картофеля, 30 кг шерсти для валенок¹⁹.

Благодаря тому, что правительство уделяло много внимания решению задачи преодоления детской беспризорности и устройства всех нуждающихся детей, оставшихся без родителей, уже на начальном этапе войны, к моменту ее окончания был накоплен некоторый положительный опыт, который удавалось успешно применять и в дальнейшем. Постепенно восстанавливалась и расширялась сеть детских попечительских учреждений, сотрудники милиции забирали беспризорных детей с улиц, справлялись с возложенными на них обязанностями детские приемники-распределители. Совершенствование законодательной базы и осуществление регулярного контроля со стороны специальных комиссий позволило наладить работу по передаче сирот в приемные семьи — под опеку, патронирование, усыновление. Детские дома различных типов обеспечивали размещение и воспитание детей-сирот. Большинство из них располагалось в приспособленных для этого зданиях, оснащенных всем необходимым, обладало квалифицированным медицинским и педагогическим персоналом. В то время в детских домах страны работало около 40 тыс. педагогов, из них более 30 % имели педагогический опыт и большой стаж работы (от 10 до 30 лет)²⁰.

К началу 1945 г. только на освобожденной к этому моменту территории СССР было найдено и размещено в специальных детских домах в Сталинградской — 11 тыс. детей-сирот, в Воронежской — 10 тыс., в Курской области — 17,3 тыс., в Ростовской — более 13,4 тыс. Чтобы не допустить массовой детской беспризорности, по всей стране открывали приемники-распределители и детские дома. Только на территории РСФСР к 1945 г. было создано 479 детских домов, принявших на воспитание более 53 тыс. детей. Еще 336 тыс. сирот были усыновлены. В целом по СССР к 1945 г. в детских домах находилось уже 534 тыс. сирот.

Забота о детях в последние военные годы была несомненным проявлением патриотизма и сплоченности советской нации. За годы войны общая сумма взносов, поступивших на широко известный счет № 160180 специально созданного в июне 1942 г. фонда помощи детям-сиротам, составила более 270 млн руб. [13, с. 37].

¹⁸ Справки отдела об организации детских домов, борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью по городу и области // ЦДНИВО. Ф. 114. Оп. 1. Д. 350. Л. 3.

¹⁹ Справки, протокол областного комитета помощи детям о состоянии шефства над детдомами области // ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 25. Д. 357. 1948 год. Л. 17.

²⁰ Записки и справки отдела школ, обкомов партии, Министерства просвещения об улучшении работы детских домов, детских приемников и домов младенцев, о мерах по ликвидации детской беспризорности, в том числе в Сталинграде и Сталинградской области, о помощи детям-сиротам // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 559. Январь — декабрь 1947 года. Л. 146.

Заключение

Конечно, следует понимать, что реальное число сирот по стране не поддавалось точному учету и было гораздо больше любых статистических данных. Государство понимало свою роль в деле защиты этих детей, устройства в приемные семьи и попечительские учреждения, обучения, воспитания и лечения, недопущения вовлечения их в преступные группы. Значительные средства направлялись на строительство новых и ремонт существующих детских домов, улучшение питания воспитанников, покупку новой мебели, одежды, игрушек, необходимых лекарств для медицинских пунктов и книг для детских библиотек. Значительная часть этой работы выполнялась силами работников органов образования, здравоохранения, детских учреждений, органов милиции. Существенную помощь им оказывали комсомольцы страны, а также работники примышленных предприятий, различных организаций и колхозов, добровольно принявшие на себя функции шефов.

Проблема детской беспризорности и безнадзорности сохраняла свою актуальность в течение всего послевоенного десятилетия, существенно не уменьшалось и количество детей, по различным причинам оставшихся без родителей. Сказывался тяжелейший социально-экономический кризис, засуха и голод в сельской местности, новый виток репрессий, невозможность или неспособность родителей содержать и воспитывать своих детей по причине нужды, болезни, инвалидности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Божович Л. И.* Личность и ее формирование в детском возрасте. СПб.: Питер, 2008. 400 с.
2. *Дорохова Г. А.* Управление народным образованием в СССР. М.: Наука, 1968. 284 с.
3. *Руткевич М. Н., Рубина Л. Я.* Общественные потребности, система образования, молодежь. М.: Политиздат, 1988. 224 с.
4. *Свердлов Г. М.* Война и правовая охрана детей в СССР. Ташкент: Госиздат УзССР, 1943. 69 с.
5. *Нечаева А. М.* Охрана детей-сирот в России: история и современность. М.: Дом, 1994. 176 с.
6. *Нечаева А. М.* Россия и ее дети: ребенок, закон, государство. М., 2000. 239 с.
7. Волгоград. Четыре века истории. Волгоград: Нижне-Волжское книжное издательство, 1989. 416 с.
8. *Орлов Г. В.* История родного края: Волгоградский регион, 1589—2007. Волгоград: Издатель, 2007. 285 с.
9. Восстановление Сталинграда: события и факты. 1943—1951 гг.: сборник документов и материалов / сост. Е. Г. Ерохина, Н. А. Насонова, Е. В. Студеникина. Волгоград: Михаил, 2007. 63 с.
10. *Кулешова Ю. В.* Война глазами детей: очерки, воспоминания, документы. Волгоград: Издатель, 2008. 152 с.
11. *Меркурьева В. С.* Реализация государственной политики в отношении детей-сирот в Сталинградской области в 1943 — начале 1950-х гг.: дис... канд. ист. наук. Волгоград, 2009. 206 с.
12. РСФСР — фронту. 1941—1945. Документы и материалы. М., 1987. 382 с.
13. *Кондакова Н. И.* Партия — организатор идейно-политической работы в освобожденных и прифронтовых районах. М.: Наука, 1986. 37 с.

REFERENCES

1. Bozhovich L. I. *Lichnost' i ee formirovanie v detskom vozraste* [Personality and personality formation at an early age]. Saint Petersburg, Piter Publ., 2008. 400 p.
2. Dorokhova G. A. *Upravlenie narodnym obrazovaniem v SSSR* [Control over public education in the USSR]. Moscow, Nauka Publ., 1968. 284 p.
3. Rutkevich M. N., Rubina L. Ya. *Obshchestvennye potrebnosti, sistema obrazovaniya, molodezh'* [Social needs, education system, the youth]. Moscow, Politizdat, 1988, 224 p.
4. Sverdlov G. M. *Voina i pravovaya okhrana detei v SSSR* [War and legal protection of children in the USSR]. Tashkent, State Publishing House of UzSSR, 1943. 69 p.
5. Nechaeva A. M. *Okhrana detei-sirot v Rossii: istoriya i sovremennost'* [Protection of children-orphan in Russia: history and modern times]. Moscow, Dom Publ, 1994. 176 p.
6. Nechaeva A. M. *Rossiya i ee deti: rebenok, zakon, gosudarstvo* [Russia and its children: child, law, state]. Moscow, 2000, 239 p.
7. Volgograd. *Chetyre veka istorii* [Four centuries of history]. Volgograd, the Lower Volga Publishing House, 1989. 416 p.
8. Orlov G. V. *Istoriya rodnogo kraia: Volgogradskii region, 1589—2007* [The history of the native land: Volgograd region, 1589—2007]. Volgograd, Izdatel' Publ., 2007. 285 p.
9. Erokhina E. G., Nasonova N. A., Studenikina E. V. *Vosstanovlenie Stalingrada: sobytiya i fakty. 1943—1951 gg.: sbornik dokumentov i materialov* [Reconstruction of Stalingrad: events and facts. 1943 — 1951: collection of documents and proceedings]. Volgograd, Mikhail Publ., 2007. 63 p.
10. Kuleshova Yu. V. *Voina glazami detei: ocherki, vospominaniya, dokumenty* [War through children's eyes: sketches, memoirs, documents]. Volgograd, Izdatel' Publ., 2008. 152 p.
11. Merkur'eva V. S. *Realizatsiya gosudarstvennoi politiki v otnoshenii detei-sirot v Stalingradskoi oblasti v 1943 — nachale 1950-kh gg.* [Implementation of the state children-orphan policy in the Stalingrad region in 1943 — the beginning of the 1950s. Diss. Cand. Hist.]. Volgograd, 2009. 206 p.
12. RSFSR — frontu. 1941—1945. *Dokumenty i materialy* [RSFSR — for the front. 1941—1945. Documents and proceedings]. Moscow, 1987. 382 p.
13. Kondakova N. I. *Partiya — organizator ideino-politicheskoi raboty v osvobozhdennykh i prifrontovykh raionakh* [A party is an organizer of ideological and political work in liberated and front-line regions]. Moscow, Nauka Publ., 1986. 37 p.

© Болотова Е. Ю., Меркурьева В. С., 2017

Поступила в редакцию
в июле 2017 г.

Received in July, 2017

Ссылка для цитирования: Болотова Е. Ю., Меркурьева В. С. Опыт реализации государственной политики по защите детей-сирот (на примере Сталинградской области 1943—1945 гг.) // Социология города. 2017. № 3. С. 51—66.

For citation: Bolotova E. Yu., Merkur'eva V. S. [The practice of the implementation of the state policy on protection of children-orphan (by the example of the Stalingrad region in 1943—1945)]. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2017, no. 3, pp. 51—66.

УДК 94.(470. 378)

Введение*Н. А. Болотов,
М. А. Белицкая***ФОРМИРОВАНИЕ
МАТЕРИАЛЬНО-
ТЕХНИЧЕСКОЙ БАЗЫ
ВУЗОВ СТАЛИНГРАДА
В 1930-е гг.**

В статье рассматривается процесс формирования материально-технической базы высших профессиональных учебных заведений Сталинграда в 1930-е годы. Рассматриваются проблемы изучения данного вопроса в отечественной историографии. Анализируются источники финансирования вузов, вскрываются проблемы: формирования аудиторного и жилищного фондов, обеспечения студентов и преподавателей институтов социально-бытовыми условиями, выявляются особенности данного процесса в Сталинграде.

Ключевые слова:
материально-техническая база,
институт,
капитальное строительство,
финансирование,
лаборатории,
библиотечный фонд,
учебные аудитории,
общежития,
Сталинград.

*N. A. Bolotov,
M. A. Belitskaya***FORMATION
OF THE MATERIAL
AND TECHNICAL BASE
OF INSTITUTES IN STALINGRAD
IN THE 1930s**

The article is devoted to the study of peculiarities of formation of material and technical base of institutions of higher education in Stalingrad in the 1930s. The practice of organizing the material base of universities in Volgograd in different historical periods was studied by historians in the context of the development of the social life of the city on the pages of scientific journals, in theses on educational policy of the country. However, the issue of

Высшее образование во все времена являлось двигателем прогресса. Данный аспект социальной политики традиционно находится под пристальным вниманием государства, так как именно развитие науки и техники определяет уровень экономического роста страны, ее интеллектуальное превосходство, а в конечном итоге и безопасность. Вопросы обеспечения вузов современной материальной базой всегда стоят довольно остро и широко дискутируются.

На сегодняшний день Волгоград располагает широкой сетью как государственных, так и коммерческих институтов, университетов и академий. Процедуры лицензирования и аккредитации направлений подготовки предъявляют высокие критерии соответствия вузов требованиям государства на получение права ведения образовательной деятельности. Одним из важных в этой связи является вопрос наличия адекватной материальной базы: оснащенных аудиторий, лабораторий, современного библиотечного фонда и необходимого оборудования, обеспечение социально-бытовых условий студентам и т. д.

Опыт организации материальной базы вузов Волгограда в разные исторические периоды исследовался авторами-историками в контексте развития социальной жизни города на страницах научных журналов, в диссертациях, посвященных образовательной политике страны. Тем не менее вопрос развития материальной базы самых старейших высших учебных заведений города — педагогического, технического и медицинского университетов — в самый сложный их период — период становления — остается не до конца изученным.

Между тем 1930-е годы стали наиболее показательными в деле взаимодействия властей города с образовательными учреждениями. Еще в конце 1930-х — начале 1940-х годов о формировании материальной базы в вузах Сталинграда на страницах периодических изданий стали появляться статьи и заметки непосредственно организаторов данного процесса. В 1935 г. в «Педагогическом журнале» Сталинградского края появилась обширная статья директора Сталинградского педагогического института М. М. Гафиновича о первом

the development of material base of the oldest institutions of higher education in the city (pedagogical, technical and medical ones) in the most difficult period of their formation remains not fully researched. This article analyzes the sources of financing institutions of higher education; reveals such problems as increase in classroom and housing funds, supply of students and lecturers of institutions with social conditions; determines the form of interaction between the administration of institutions and the authorities of the region in the formation of the material base of the institutions; identifies the peculiarities of this process in Stalingrad. Through the analysis of the documents of Central and Regional archives, the authors come to the following conclusions: firstly, without exception, all institutions faced the problem of shortage of classroom and housing funds, educational equipment, laboratories and books; secondly, the main source of funding was budget revenues, the volume of which gradually increased. However, the sharp increase in the number of students and number of institutions revealed the insufficiency of the given money. In the second half of the 1930s in the financing of institutions of higher education the following indicators are taken into account: the contingent of students, norms of material support of students and the volume of capital construction, which led to more rational allocation of funds. The specific feature of formation of the material base of universities in Stalingrad was the extraordinary mobilization of different local structures to assist institutions of higher education. There was a high rate of formation of the experimental-production bases and involvement both of teaching staff and students in this process.

Key words:

material and technical base,
institute,
capital construction,
financing,
laboratories,
library fund,
classrooms,
hostels,
Stalingrad.

выпуске СГПИ [1], о первых годах его работы, где в основном были отмечены успехи вуза в оснащении кафедр и другие вопросы учебного характера.

Результаты деятельности Сталинградского механического института были описаны в юбилейном сборнике «10 лет СМИ» [2]. Здесь встречается краткая информация о материальном положении кафедр и укомплектованности лабораторий, однако снова приводится лишь констатация фактов, без указания на проблемы, которые в тот момент были актуальны.

В 1950—1980-х гг. была предпринята попытка научного изучения государственной политики в сфере высшего профессионального образования как отечественными [3—11], так и иностранными учеными [12, 13], но работы носили общегосударственный характер и таким частным вопросам, как развитие вузов в регионах, практически не уделяли внимания, хотя общие тенденции по укреплению институтов были отмечены. Статистические сведения, приводимые в этих работах, о росте количества кафедр и наборов студентов в 1930-е гг. позволяют сделать вывод об устойчивом векторе развития хозяйственной базы институтов. Отмечается в данных работах и высокая степень государственного финансирования сферы образования. Однако конкретных данных по Сталинграду в данных работах не представлено.

На современном этапе государственная политика в отношении развития высшего образования на высоком научном уровне в рамках отдельных регионов исследуется учеными в общем контексте социально-экономических преобразований [14, 15]. В научной среде исследование вопросов развития высшей школы все чаще актуализируется на конференциях, рассматривается формирование университетов как центров социокультурного развития региона [16, 17].

Ранее авторами статьи вопросы развития материальной базы вузов уже были подняты в научных трудах в контексте социально-экономической политики Нижнего Поволжья [18—20]. Данные труды посвящены в целом Нижневолжскому региону, в связи с чем проблемы формирования материальной базы именно сталинградских вузов в них рассмотрены эпизодически, требуется анализ общих тенденций развития и выявление особенностей данного процесса.

Об авторах:

Болотов Николай Александрович — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Российская Федерация, 400066, г. Волгоград, пр-т им. В. И. Ленина, 27, Bolotov.nikolay@yandex.ru

Bolotov Nikolai Aleksandrovich — Doctor of history, Professor of the Department of Russian History and Local History Education, Volgograd State Social-Pedagogical University (VSSPU), 27, V. I. Lenin Av., Volgograd, 400066, Russian Federation, Bolotov.nikolay@yandex.ru

Белицкая Маргарита Александровна — кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Российская Федерация, 400066, г. Волгоград, пр-т им. В. И. Ленина, 27, margaritabelitskaya@yandex.ru

Belitskaya Margarita Aleksandrovna — Candidate of Historical Sciences, Docent of the Department of Russian History and Local History Education, Volgograd State Social-Pedagogical University (VSSPU), 27, V. I. Lenin Av., Volgograd, 400066, Russian Federation, margaritabelitskaya@yandex.ru

С привлечением авторами нового круга архивных источников были выявлены дополнительные аспекты процесса формирования материальной базы вузов Сталинграда в 1930-е гг. Работа призвана ликвидировать «белые пятна» в историографии обозначенного вопроса. Предлагается более подробно рассмотреть и проанализировать опыт формирования материально-технической базы высших профессиональных учебных заведений Сталинграда в 1930-е годы, т. к. именно Сталинград в эти годы стал самым мощным по социально-экономическому развитию во всем Нижнем Поволжье.

Строительство в Сталинграде мощных заводов привлекало рабочих из многих городов. Здесь трудились люди самых разных профессий: землекопы, каменщики, бетонщики и др. Многие из них после пуска Сталинградского тракторного завода переходили на новые стройки — Сталгрэс, Судоверфь, реконструируемый металлургический завод «Красный Октябрь» и «Баррикады», метизный и лесопильный заводы, другие возводили жилые дома в рабочих поселках при них. В правительственных кругах решили направить кипучую энергию энтузиастов пятилетки в иное русло, предоставить им возможность продолжить свое образование в вузах и создать таким образом базу необходимых специалистов для развития региона.

В 1930-е гг. в Сталинграде были открыты: Тракторостроительный и Строительный институты, Индустриально-педагогический и Медицинский институты. Первым среди всех высших профессиональных учебных заведений был открыт Тракторостроительный институт¹. Постановлением Совнаркома Союза от 1929 г. был утвержден титульный список вузов, предусматривающий организацию в стране ряда высших учебных заведений, в том числе технического вуза в Сталинграде². Роль кузницы промышленных кадров в регионе с самого начала по этому плану отводилась техническому институту, однако вплоть до апреля 1930 г. не было ясно, как будет называться новый вуз, каков его профиль.

¹ Государственное казенное учреждение Волгоградской области «Центр документации новейшей истории Волгоградской области» (ГУ ЦДНИВО). Ф. 20. Оп. 1. Д. 165. Л. 96 об.

² Архив музея ВолгГТУ. Д. 19. Л. 4.

Темпы и объемы строительства промышленных и гражданских объектов в Сталинграде были настолько высокими, что планы были скорректированы. В городе решено было открыть два вуза технического профиля, ведущих подготовку специалистов тракторной и автомобильной промышленности, а также инженеров городского хозяйства. Данное постановление было принято 30 апреля 1930 года на совещании Главпромкадра [21, с. 8]. Строительный факультет Сталинградского машиностроительного института был расширен до самостоятельного Сталинградского строительного института.

В 1931 г. в Сталинграде был открыт еще один институт — Индустриально-педагогический³. Его основной задачей стала подготовка кадров преподавателей для фабрично-заводских училищ, школ-девятилеток и техникумов города. С первых дней работы института в нем функционировали четыре отделения: политехническое, физико-техническое, историко-экономическое и химико-биологическое. На отделении очного обучения студентами стали 120 человек⁴. С 1932 г. база пединститута была расширена, и при нем был организован Учительский институт. Он осуществлял подготовку учителей для преподавания в 5—7 классах. В 1934 г. состоялся выпуск специалистов-педагогов, он составил 83 человека⁵.

В то время, когда новые сталинградские институты осуществляли первые выпуски своих специалистов, в Москве уже решался вопрос о создании в Сталинграде медицинского вуза, который был открыт постановлением СНК РСФСР № 766 от 23 июля 1935 г. 1 октября 1935 г. в составе только лечебного факультета, на базе которого располагались кафедры биологии, физики, анатомии, химии и марксизма-ленинизма [11, с. 10]. При широкой поддержке здравоохранительных учреждений институт развивался достаточно быстро в сравнении с другими профессиональными институтами.

В первые годы своего существования сталинградские вузы развивались довольно быстро. Государству требовались выпускники-специалисты, цифры приема год от года увеличивались, открывались новые специальности и факультеты, соответственно быстрыми темпами расширялась и их материально-техническая база. Для обеспечения институтов благоприятными условиями работы их руководству необходимо было решить ряд вопросов: оформить лаборатории, подготовить учебные и жилые помещения, а также сформировать библиотечные фонды.

В связи с тем, что темпы выпуска специалистов сдерживались проблемами материального характера, из-за которых возникали срывы сроков начала учебных занятий и производственных практик, финансирование статьи расходов по капитальному строительству высших учебных заведений по значимости стало приравниваться к финансированию капитальных работ по народному хозяйству [22, с. 66—67]. В связи с выходом Постановления СНК СССР о новом порядке распределения средств часть расходов по содержанию институтов передавалась ведомствам, напрямую заинтересованным в подготовке кадров для подконтрольных им отраслей народного хозяйства. В связи

³ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 259. Оп. 24. Д. 5. Л. 198—200.

⁴ ГУ ЦДНИВО. Ф. 71. Оп. 1. Д. 576. Л. 218.

⁵ ГУ ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 1. Д. 42. Л. 98.

с данными обстоятельствами источники финансирования теперь были разделены на общесоюзные и местные.

Первоначально создававшиеся в 1930-е гг. институты в Сталинграде находились в сложном материальном положении. Это было связано с тем, что строительство их учебных корпусов и формирование материальной базы начинались уже после официального открытия, а к занятиям необходимо было приступить в течение 2—3 месяцев. Разместить в городе сразу четыре высших учебных заведения, имевших государственное значение, стало практически невыполнимой задачей для властей города. К решению данного вопроса были привлечены все хозяйственные службы города.

Построить собственные учебные здания для всех институтов сразу в такие короткие сроки было невозможно. Институты финансировались по остаточному принципу уже после главных промышленных объектов города, работавших на индустриализацию страны. Поэтому вузы размещались в тех помещениях, которые выделяли им органы местного управления. Учебные корпуса институтов были разбросаны по разным районам города. Так, например, Сталинградский медицинский институт начал работу в помещении фельдшерско-акушерской школы, при нем здесь функционировало лишь восемь кафедр и кабинетов. Практические занятия по анатомии проводились в помещении морга 1-й Советской больницы. Не имея собственной клинической базы, институт приспособлял под клиники соответствующие отделения городских больниц. Пропедевтические клиники были расположены в 7-й больнице, где одно крыло здания было выделено кафедре патологической анатомии, здесь же была и учебная аудитория. Клиники 4-го курса были сконцентрированы в одном месте. На базе 1-й больницы развернулись: акушерско-гинекологическая клиника, факультетские хирургическая и терапевтическая клиники, клиника уха, горла и носа, клиника кожных и венерических болезней. На базе 2-й городской больницы располагалась инфекционная клиника, а в 3-й больнице — клиники нервных болезней и психиатрии; 4-я детская больница стала материальной базой для детской клиники. Для всех клинических кафедр 4-го курса лекции читались в двух приспособленных аудиториях, а именно в помещении курсов сестер при 1-й Совбольнице и в красном уголке 3-й больницы [23, с. 91].

Ситуация с размещением вузов строительного и механического профилей была еще сложнее: когда одним постановлением в 1930 г. были открыты два института одновременно, директор у них был назначен один, а подготовить материально-техническую базу необходимо было в сжатые сроки. В период подготовки к открытию институтов было решено, что строительный вуз начнет свою работу в здании школы им. Дарвина по ул. Ленина, 31⁶. Тракторостроительный должен был приступить к работе в непосредственной близости к Тракторному заводу в связи с тем, что в нем планировалось осуществлять подготовку специалистов именно для данного предприятия. Соответствующих помещений для втуза в районе завода сразу выделить не удалось, поэтому институт вынужден был расположиться в двух районах города и был разделен на два корпуса. Первыми его собственными учебными помещениями позже стали деревянные бараки около Тракторного завода, где были обустроены общежития и учебные аудитории.

⁶ Стройинститут в Сталинграде // Резервы. 1930. № 56. С. 3.

Виду разбросанности помещений институтов по всему городу единого расписания в каждом конкретном институте не было. Специального помещения для размещения кафедр также в первые годы не отводилось. Первый учебный корпус Тракторостроительного института находился в здании Сталинградского индустриального техникума, где позже стали располагаться еще и аудитории Педагогического института. Здесь были размещены аудитории кафедр начертательной геометрии и черчения, а также иностранных языков. Второй учебный корпус находился в здании Сталинградского рабфака, где располагался аудиторный фонд кафедр математики, теоретической механики, физики и химии.

Зачастую помещения, отведенные под учебный процесс, и комнаты общежитий были расположены в одном корпусе. Так, например, занятия в Сталинградском индустриально-педагогическом институте проводились всего в трех небольших аудиториях строительного комбината по ул. Академической, 5, здесь же были расположены и жилые комнаты для студентов. В первый год своей работы институт не имел ни одного учебно-методического кабинета, ни одной лаборатории. В 1932 г. вуз стал располагать восемью аудиториями, однако на этой площади занимались девять учебных групп, а две комнаты были заняты под общежития [24, с. 8].

В таких условиях профильные институты, осуществлявшие подготовку столь необходимых кадров для народного хозяйства, качественно работать, конечно, не могли, в связи с этим все силы руководства вузов и города были направлены на строительство главных учебных корпусов для каждого института. В формировании учебного и жилого фонда институтов большая заслуга принадлежала дирекции институтов.

Самым крупным строительным объектом учебного назначения в начале 1930-х гг. считалось здание института технического профиля. В архивных фондах хранятся материалы, свидетельствующие о срывах сроков построения учебных и жилых корпусов для института. В докладной записке директора СМИ В. Г. Ильинского дирекции Тракторного завода от 9 сентября 1930 г. указано: «Дирекция Тракторостроительного института вынуждена вторично обратить Ваше внимание на совершенно безобразное положение с ремонтом домов, отведенных под втуз. Начальный срок — окончить строительство к 25 августа. К настоящему моменту не готов ни один из 4 домов, что ставит под угрозу развертывание учебных занятий в институте...». Сроки начала занятий были перенесены со 2 июня на 13 сентября.

18 мая 1930 г. директор втуза В. Г. Ильинский подписал указ о разработке плана по его строительству. Четыре барака на территории, расположенной напротив СТЗ, должны были быть снесены к 21 августа. С 10 сентября предусматривались земельные работы по раскапыванию котлована под фундамент, к данной работе были привлечены 77 человек. В город поступили шесть вагонов с кирпичом на это строительство [2, с. 19].

В условиях активного строительства промышленных и жилых объектов по всему городу строителей катастрофически не хватало. В целях активизации строительства учебных корпусов института были проведены партийные собрания, беседы, собрания в студенческих группах, после которых весь коллектив включился в строительство. К наблюдению за строительством учебного корпуса были приглашены и общественные наблюдатели. К весне 1931 г.

строительство корпуса было закончено, и начались внутренние отделочные работы. Сегодня это — один из корпусов ВолГТУ, расположенный в Тракторозаводском районе Волгограда.

Высока была роль директора С. С. Ахапкина в формировании материально-технической базы педагогического вуза. Летом 1931 г. в условиях, когда первые в городе вузы — строительный и тракторостроительный — еще не были полностью размещены, он добился для пединститута общежития, в котором могли проживать 80 студентов, и передачи пединституту всего здания строительного техникума [22, с. 8]. В 1934 г. решением Сталинградского горкома ВКП(б) под учебный корпус институт получил общежития химического техникума по ул. Академической, 2 и помещение бывшей типографии ГПУ [22, с. 15].

Вследствие постоянных переездов институтов из-за отсутствия собственных площадей возникали дополнительные сложности организации учебного процесса, распределения материального имущества, отмечались случаи неравномерного распределения лабораторного, аудиторного и жилищного фондов. Все это сдерживало нормализацию учебного процесса и влекло за собой снижение качества подготовки специалистов.

Одной из форм контроля за финансированием институтов стало закрепление их производственной базы за крупными предприятиями города. В протоколах бюро Сталинградского горкома ВКП(б) относительно Сталинградского индустриально-педагогического института отмечалось: «Считать необходимым... производственной базой института закрепить СТЗ и Красный Октябрь»⁷. Тракторостроительный и строительные институты были закреплены за Сталинградским тракторостроительным заводом, а медицинский институт, т. к. был открыт позже, уже напрямую финансировался из Наркомата здравоохранения.

Дополнительной формой финансирования вузов Сталинграда стали так называемые фонды пожертвований, в которые направлялись средства рабочих и служащих города. Такие фонды создавались на крупнейших предприятиях города. Так, у СМИ финансовые накопления составили 100 тыс. руб. еще в 1931 г. [2, с. 21].

Соцсоревнования также стали эффективной формой решения хозяйственных задач институтов. Так, например, два технических сталинградских вуза в октябре 1931 г. во главе с административно-хозяйственным аппаратом институтов заключили социалистический договор, в котором указывалось, что к 1 января они обязуются закончить оборудование институтов учебным оборудованием, лабораториями, учебными пособиями, к ноябрю организовать быт студенчества по материальной линии. В договоре также отмечалось, что для ускорения темпов строительства учебных корпусов все дни отдыха студенты использовали для работы на строительстве материальной базы вузов. От Тракторостроительного института выделялось на эти цели не менее 30 человек ежедневно.

Перестройка учебного процесса в июне 1936 г. обусловила активизацию самостоятельных практических занятий студентов в лабораториях, что привело к капитальному обновлению типового оснащения. Появление в учебных

⁷ ГУ ЦДНИВО. Ф. 71. Оп. 1. Д. 576. Л. 218.

планах дисциплин, направленных на подготовку специалистов, ориентированных на работу в новых отраслях экономики, привело к необходимости оборудовать специальные научные кабинеты и лаборатории. Соответственно дирекции институтов приходилось искать дополнительные способы пополнения кафедр новыми стендами, оборудованием и литературой. Начинался процесс поиска способов совмещения общественных и специальных дисциплин, форм организации учебных и производственных практик. Больше всего данные изменения коснулись медицинского и технических институтов, которые большую часть практических занятий стали проводить на базе больниц города или на действующем производстве.

Формирование библиотечных фондов также стало важной задачей руководства вузов в период становления институтов. В отчетах директоров на страницах газет 1930-х гг. постоянно отмечалась недостаточная укомплектованность вузовских библиотек научной литературой и учебно-методическими пособиями. Для новых дисциплин учебники еще в принципе отсутствовали, а в условиях массового открытия специальностей по всем вузам страны той литературы, которая поступала из центральных библиотек, явно не хватало. Сталинградские ученые приступали к написанию необходимых пособий. Одним из способов временного решения данной проблемы стала личная инициатива сотрудников. Студенты и преподаватели самостоятельно оформляли стенды, подготавливали стеллажи для библиотеки, собирали литературу. При учебно-методических и научных кабинетах выпускавших кафедр стали создаваться собственные библиотеки. Так, в технических вузах расходы на учебные пособия и производственную практику росли в среднем на 5 % в год. В 1940 г. библиотека СМИ располагала количеством экземпляров учебной литературы в 80 тыс. штук, общей стоимостью 300 тыс. руб. [18, с. 52]. Библиотека Сталинградского пединститута насчитывала около 40 тыс. томов к концу 1934 г. [там же, с. 15]. Пополнялся и библиотечный фонд мединститута: общее число томов в 1939 г. выросло в 6 раз по сравнению с 1935 г.

Формирование материальной базы вузов Сталинграда было связано не только с вопросами оснащенности аудиторий, отведенных для учебного процесса, но и с рядом проблем хозяйственного характера: наличие столовых, транспорта, гаражей, общежитий и квартир для преподавателей. В решении таких вопросов институтам на помощь часто приходили органы местной власти.

Интересными были и формы взаимодействия руководства институтов с властями города. Показательным являлся состав ученого совета Тракторостроительного института, который был создан в 1930 г. В его состав, помимо директора института, его заместителей и деканов факультетов, вошли представители окружкома ВКП(б), Окрисполкома, Окрпросвета, Горсовета, Окрсовнархоза, «Тракторостроя» и других общественных организаций города. Благодаря такому тесному взаимодействию городских и краевых организаций была создана система управления работой по созданию вуза, которая обеспечивала возможность эффективного выполнения задач и быстрого достижения договоренностей, связанных с формированием его материальной базы.

Постепенно проблемы оснащенности институтов стали решаться. В мае 1937 г. была достроена первая секция главного корпуса медицинского института, где были созданы благоприятные условия для работы кафедр: нормаль-

ной анатомии, гистологии, физиологии, биологии, микробиологии, биохимии и патофизиологии. Около нового здания располагался сад, в котором были обустроены теннисная, волейбольная и баскетбольная площадки, велотрек и беговые дорожки. С ростом числа кафедр стали появляться и новые аудитории, учебно-методические кабинеты. Если в 1935 г. в мединституте функционировало лишь восемь кафедр, то в 1936 г. — 10, в 1937 г. — 18, а в 1939 г. — 32, включая методические кабинеты. К началу 1937—1938 учебного года на базе областной больницы были созданы терапевтическая и хирургическая клиники для 3-го курса. К 1940 г. медицинский институт располагал следующими клиническими базами: общей хирургии — 75 коек, факультетской терапии — 80, кожно-венерических болезней — 50, психиатрии — 100, детских болезней — 46, акушерско-гинекологической — 150, госпитальной хирургии — 97, глазных болезней — 100. Бюджет института составил в 1935 г. 375,1 тыс. руб., в 1940 г. — 67533,8 тыс. руб. К концу 1930-х гг. институт уже имел материальные ресурсы, необходимые для осуществления подготовки 1057 студентов [10, с. 31].

Оборудование кабинетов институтов технического профиля напрямую обеспечивалось поставками из Москвы, которые осуществлялись по заказам от общего директора институтов, использовались для этих целей и внутренние ресурсы СТЗ. 1 октября 1932 г. при Тракторостроительном институте был организован первый конструкторский кабинет специализацией «Конструирование трактора». В нем работало шесть учебных групп. К концу 1930-х гг. на базе Сталинградского механического института работали оборудованные кабинеты математики, физики, металловедения и др.

Зачастую в учебно-методические кабинеты института поступало и импортное оборудование. В 1931 г. для кабинета физики были закуплены: электроизмерительные приборы (ваттмеры, зеркальные гальванометры, мостики, амперметры, вольтмеры), эндоскоп фирмы Цейса, осциллограф, рентгеновская установка. На кафедре автотракторостроения в качестве наглядных пособий поступили четыре трактора, из них один был импортный, приобретались генераторы, двигатели и стартеры. К концу 1930-х гг. для проведения экспериментов и лабораторных работ на кафедре поступили: аккумуляторы, динамомашинка, электрический и электронный выпрямители, вакуумный насос, оптическая скамья и др. Проблема нехватки учебных площадей осложнялась еще и тем, что оборудования было больше, чем вуз готов был разместить на своих территориях.

Особое внимание уделялось оборудованию кабинетов марксизма-ленинизма. В первую очередь те средства, которые выделялись на литературу, шли на закупку книг данной тематики. К концу 1930-х гг. в механическом уже были обустроены: читальный зал, залы дипломного и курсового проектирования.

Еще одной формой оснащения вузов необходимым оборудованием стало конструирование приборов непосредственно на базе кафедр институтов, что стало одной из форм научно-исследовательской деятельности технического и строительного институтов.

Сосуществование двух вузов технического профиля в одном городе создавало трудности в распределении средств. Вследствие системы мер общегосударственного характера, связанных с реорганизацией системы высшего об-

разования, закрепленных в постановлении СНК СССР от 25 января 1933 г., вузы параллельных профилей подлежали слиянию или ликвидации⁸. Среди технических вузов оставались лишь те, которые работали на реализацию военных заказов. В связи с этим в 1933 г. строительный вуз в Сталинграде был закрыт.

Финансовые трудности заметно сдерживали развитие институтов. Нижневолжский крайисполком, несмотря на то, что вузы имели возможность распоряжаться средствами, полученными в результате доходов от научно-исследовательской деятельности, постоянно выделял дополнительные средства из регионального бюджета на развитие системы высшего профессионального образования в Сталинграде. Вузы неоднократно получали крупные суммы, отведенные на улучшение их материальной базы.

Тесное взаимодействие дирекции институтов с местными властями позволяло предпринимать дополнительные меры по улучшению материально-бытового положения преподавателей: приезжие преподаватели имели возможность получать надбавки к заработной плате и жилье.

Местные органы власти также оказывали содействие при решении организационных вопросов по размещению производственных и клинических баз технического и медицинского вузов. К примеру, медицинский институт в 1939 г. получил свою первую большую аудиторию учебного корпуса, также было достроено и первое студенческое общежитие на 250 мест [23, с. 5].

Немаловажным показателем развития институтов являлся и тот факт, что даже в условиях дефицита финансовых средств только выделением помещений для общежитий руководство вузов не ограничивалось. В региональных архивах хранятся документы, подтверждающие наличие партийного контроля за оснащением комнат проживания студентов бытовыми предметами⁹. Постепенно возрастал и коэффициент минимальной площади на одного студента. В 1933 г. он составлял 3 м², в 1934 — уже 4,5 м². Иногородним студентам полагалось место в общежитии¹⁰. Так, например, в распоряжении технического вуза в 1940 г. имелось семь общежитий, в которых проживали 400 иногородних студентов. Интересно, что в этих общежитиях имелись и прачечная, и портняжная, и сапожная мастерские, а также парикмахерская. Следовательно, социальное обеспечение студентов не ограничивалось просто стипендиями¹¹.

Еще одним немаловажным фактором укрепления материально-бытового положения студенчества и работников высшей школы являлась организация питания. Так как студентами были рабочие и крестьяне, средств прокормить себя самостоятельно зачастую они не имели. Первоначально, когда организация питания при вузах еще не была налажена, студентам приходилось очень тяжело. На одного человека полагалось лишь 500 г хлеба и талоны на завтрак и обед. В корне ситуация поменялась, когда СНК СССР издал постановление «О мероприятиях на 1933/34 г. по улучшению общественного питания студентов»¹². В результате для студенческих столовых начали поступать продук-

⁸ ГАРФ. Ф. Р-8060. Оп. 1. Д. 42. Л. 93.

⁹ ГУ ЦДНИВО.Ф. 113. Оп. 1. Д. 50. Л. 155—156.

¹⁰ ГАРФ.Ф. 8060. Оп. 1. Д. 40. Л. 6.

¹¹ Архив музея ВолГТУ. Д. 1. Л. 51.

¹² ГАРФ. Ф. 8060. Оп. 1. Д. 40. Л. 132.

ты питания из центральных фондов, что позволило улучшить гигиену питания, повысить калорийность рациона, сформировать подсобные хозяйства вузов, расширить продуктовые склады.

Заключение

Анализ процесса формирования материальной базы сталинградских высших профессиональных учебных заведений 1930-х гг. показал, что на этапе становления вузов вопросы материального характера имели первостепенное значение. Вследствие быстрого роста количества студентов требовалось не только формирование аудиторного фонда, но и его расширение, что повлекло за собой огромные финансовые затраты.

Первоначально все профильные институты города находились в стесненных условиях, что создавало дополнительные сложности для организации учебного процесса. Главным источником финансирования выступали бюджетные ассигнования, их объем планомерно увеличивался, однако ввиду быстрых темпов развития вузов этих денежных средств было недостаточно. В целях расширения опытно-экспериментальной базы институтов их руководству приходилось находить дополнительные способы пополнения научных кабинетов учебно-методическими пособиями, расширения библиотечных фондов, добиваться выделения помещений для размещения учебных аудиторий, вовлекать студентов и преподавателей в научную работу по написанию учебных пособий и конструированию установок для лабораторий.

Со второй половины 1930-х гг. ситуация стала меняться, поскольку на высшем государственном уровне при планировании бюджетного финансирования стали учитываться такие показатели, как контингент студентов, нормы материального обеспечения учащихся и объем капитального строительства. Данные меры приводили к более рациональному распределению средств.

Для вузов Сталинграда в этой связи стали характерны те же проблемы, что и для всего высшего профессионального образования страны. Однако здесь они имели отчетливое проявление ввиду высокой концентрации профильных институтов, ориентированных на подготовку кадров для нового, экономически интенсивно развивавшегося региона.

Особенностью развития сталинградских вузов стала высокая степень помощи местных властных и хозяйственных структур по формированию материальной базы вузов. Отмечалось тесное взаимодействие органов власти с институтами, которые находились под постоянным партийным контролем. Вовлеченность в данный процесс как преподавательского, так и студенческого состава способствовала ускорению темпов их материального развития.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гафинович М. М. Первый выпуск // Педагогический журнал Сталинградского края. 1935. № 1. С. 17—21.
2. 10 лет Сталинградского механического института 1930—1940 / под ред. Н. Я. Тингаева, А. В. Ловягина, П. А. Гришина, П. С. Щипанова, М. С. Дрозд. Сталинград: Сталинградская правда, 1940. 179 с.

3. *Терентьева Л. А.* Нижне-Волжская краевая партийная организация в борьбе за осуществление ленинского плана культурного строительства (1928—1932): дисс... канд. ист. наук. Саратов, 1967.
4. *Бутягин А. С., Салтыков Ю. А.* Университетское образование в СССР. М.: Высшая школа, 1957. 296 с.
5. Высшая школа страны социализма / отв. ред. В. В. Елютин. М.: Соцэкгиз, 1967. 100 с.
6. *Галкин К. Т.* Высшее образование и подготовка научных кадров в СССР. М.: Советская наука, 1958. 176 с.
7. *Елютин В. Н.* Высшая школа за пятьдесят лет (1917—1967). М.: Высшая школа, 1959. 272 с.
8. *Синецкий А. Я.* Профессорско-преподавательские кадры высшей школы. М.: Советская наука, 1950. 236 с.
9. *Гончаров Н. К.* Перестройка советской школы. М. 1959. 319 с.
10. *Ким М. П.* Сорок лет советской культуры. М., 1957. 380 с.
11. Волгоградский государственный медицинский институт (к 50-летию основания) / под ред. Ю. А. Перова. Волгоград: Госкомиздат РСФСР, 1985. 105 с.
12. *Burn B.* Higher education in a changing world: reflections on an intern seminar. New York, 1976. 47 с.
13. *Kneen P.* Higher education and cultural revolution in the USSR. Birmingham, 1976. 63 с.
14. *Болотова Е. Ю., Савицкая О. Н.* Нижнее Поволжье в экономическом, политическом, социокультурном пространстве России XIX—XX вв.: опыт региональных исследований // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2011. № 8. С. 185—191.
15. *Тимофеева Е. Г.* Государственная политика в сфере обществоведческого образования молодежи в 50—90-е гг. XX в.: автореф. дис... д-ра ист. наук. М., 2004. 500 с.
16. *Болотова Е. Ю.* Актуальные проблемы российской истории на страницах журнала «Известия ВГПУ» (Обзор публикаций за 2003—2012 гг.) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2012. № 11 (75). С. 145—148.
17. *Шандер Е. Н.* Формирование университета как центра социокультурного пространства региона в условиях структурных реформ 1990-х годов (на материалах Нижнего Поволжья): дисс... канд. ист. наук. Астрахань, 2012. 259 с.
18. *Белицкая М. А.* Становление и развитие сети высших профессиональных учебных заведений в Нижневолжском крае в 1930-е гг. // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2012. № 3(67). С. 28—32.
19. *Болотов Н. А.* Социальная политика в Нижнем Поволжье в 1920—1930-е гг. Волгоград: Перемена, 2004. 279 с.
20. Волгоградский государственный социально-педагогический университет (1931—2011 гг.). Волгоград: Перемена, 2011. 246 с.
21. *Головкин Г. М.* Очерки истории ВолГАСА. Волгоград, 2002. 152 с.
22. Высшая школа: основные постановления, приказы, инструкции / под ред. А. И. Карпова, В. А. Северцева. М.: Советская наука, 1957. 655 с.
23. *Белицкая М. А.* Реализация государственной политики в сфере высшего профессионального образования в Нижнем Поволжье в 1930-е годы: дисс... канд. ист. наук. Волгоград, 2012. 202 с.
24. *Болотов Н. А.* Ректоры Волгоградского государственного педагогического университета (1931—2007). Очерки. Волгоград: Перемена, 2007. 87 с.
25. *Бернштейн А. И.* Пять лет работы Сталинградского государственного медицинского института (1935—1940). Сталинград, 1940.

REFERENCES

1. Gafinovich M. M. First issue. *Pedagogicheskii zhurnal Stalingradskogo kraia* [Pedagogical Journal of the Stalingrad region], 1935, no. 1, pp. 17—21.
2. Tingaev N. Ya., Lovyagin A. V., Grishin P. A., Shchipanov P. S., Drozd M. S. *10 let Stalingradskogo mekhanicheskogo instituta 1930—1940* [10 years of Stalingrad Mechanical Institute 1930—1940]. Stalingrad, Stalingradskaya Pravda, 1940. 179 p.
3. Terent'eva L. A. *Nizhne-Volzhskaya kraevaya partiinaya organizatsiya v bor'be za osushchestvlenie leninskogo plana kul'turnogo stroitel'stva (1928—1932)* [The Lower Volga regional party organization in fight for the implementation of V. I. Lenin's plan of cultural construction (1928—1932). Diss. Cand. Hist. Sci.]. Saratov, 1967.
4. Butyagin A. S., Saltykov Yu. A. *Universitetskoe obrazovanie v SSSR* [Higher education in the USSR]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1957. 296 p.
5. Elyutin V. V. (ed.). *Vysshaya shkol strany sotsializma* [Higher education under socialism]. Moscow, Sotsekgiz Publ., 1967. 100 p.
6. Galkin K. T. *Vysshee obrazovanie i podgotovka nauchnykh kadrov v SSSR* [Higher education and training of scientific manpower in the USSR]. Moscow, Sovetskaya Nauka Publ., 1958. 176 p.
7. Elyutin V. N. *Vysshaya shkola za pyat'desyat let (1917—1967)* [Higher school over fifty years (1917—1967)]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1959. 272 p.
8. Sinetskii A. Ya. *Professorsko-prepodavatel'skie kadry vysshei shkoly* [Higher education teaching staff]. Moscow, Sovetskaya Nauka Publ., 1950. 236 p.
9. Goncharov N. K. *Perestroika sovetskoi shkoly* [Restructuring of the Soviet school]. Moscow, 1959. 319 p.
10. Kim M. P. *Sorok let sovetskoi kul'tury* [Forty years of the Soviet culture]. Moscow, 1957. 380 p.
11. Perov Yu. A. *Volgogradskii gosudarstvennyi meditsinskii institut (k 50-letiyu osnovaniya)* [Volgograd State Medical Institute (to the 50th anniversary of the foundation)]. Volgograd, Goskomizdat RSFSR, 1985. 105 p.
12. Burn B. *Higher education in a changing world: reflections on an intern seminar*. New York, 1976. 47 c.
13. Kneen P. *Higher education and cultural revolution in the USSR*. Birmingham, 1976. 63 c.
14. Bolotova E. Yu., Savitskaya O. N. [Nizhniy Povolzh'ye in the economic, political, social and cultural space in Russia in the XIX-XX centuries: regional research]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University], 2011, no. 8, pp. 185—191.
15. Timofeeva E. G. *Gosudarstvennaya politika v sfere obshchestvovedcheskogo obrazovaniya molodezhi v 50—90-e gg. XX v.* [State policy in the sphere of social studies education of the youth in the 1950—1990s. Diss. Doct. Hist. Sci.]. Moscow, 2004. 500 p.
16. Bolotova E. Yu. [Urgent issues of the Russian history in the journal Izvestia VSPU (survey of the articles published in 2003-2012)]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University], 2012, no. 11 (75), pp. 145—148.
17. Shander E. N. *Formirovanie universiteta kak tsentra sotsiokul'turnogo prostranstva regiona v usloviyakh strukturnykh reform 1990-kh godov (na materialakh Nizhnego Povolzh'ya)* [Formation of the university as the center of social and cultural space of the region under structural reforms in the 1990s (proceedings of the Lower Volga region). Diss. Cand. Hist. Sci.]. Astrakhan, 2012. 259 p.
18. Belitskaya M. A. [Establishment and development of the system of higher professional educational institutions in the Nizhnevolzhsky region in the 1930s]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University], 2012, no. 3(67), pp. 28—32.

19. Bolotov N. A. *Sotsial'naya politika v Nizhnem Povolzh'e v 1920—1930-e gg.* [Social policy in the Lower Volga region in the 1920—1930s]. Volgograd, Peremena Publ., 2004. 279 p.
20. *Volgogradskii gosudarstvennyi sotsial'no-pedagogicheskii universitet (1931—2011 gg.)* [Volgograd State Social-Pedagogical University (1931—2011)]. Volgograd, Peremena Publ., 2011. 246 p.
21. Golovkin G. M. *Ocherki istorii VolGASA* [Sketches of the history of VSUACE]. Volgograd, 2002. 152 p.
22. Karpov A. I., Severtsev V. A. (ed.). *Vysshaya shkola: osnovnye postanovleniya, prikazy, instruktsii* [Higher school: basic resolutions, orders, instructions]. Moscow, Sovetskaya Nauka Publ., 1957. 655 p.
23. Belitskaya M. A. *Realizatsiya gosudarstvennoi politiki v sfere vysshego professional'nogo obrazovaniya v Nizhnem Povolzh'e v 1930-e gody* [State policy implementation in the sphere of higher education in the Lower Volga region in the 1930s. Diss. Cand. Hist. Sci.]. Volgograd, 2012. 202 p.
24. Bolotov N. A. *Rektory Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta (1931—2007). Ocherki* [Provosts of Volgograd State Pedagogical University (1931—2007). Sketches]. Volgograd, Peremena Publ., 2007. 87 p.
25. Bernstein A. I. *Pyat' let raboty Stalingradskogo gosudarstvennogo meditsinskogo instituta (1935—1940)* [Five years of work of Stalingrad State Medical Institute (1935—1940)]. Stalingrad, 1940.

© Болотов Н. А., Белицкая М. А., 2017

Поступила в редакцию
в июле 2017 г.

Received in July, 2017

Ссылка для цитирования: Болотов Н. А., Белицкая М. А. Формирование материально-технической базы вузов Сталинграда в 1930-е гг. // Социология города. 2017. № 3. С. 67—80.

For citation: Bolotov N. A., Belitskaya M. A. [Formation of the material and technical base of institutes in Stalingrad in the 1930s]. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2017, no. 3, pp. 67—80.

УДК 502.2 (1-21)

Введение**В. Ф. Сидоренко,
Н. А. Страчков****СИСТЕМА ОЦЕНКИ
КРИТЕРИЕВ
ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ
МАЛЫХ ГОРОДОВ
ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ПЕРСПЕКТИВ
ИХ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ**

Цель статьи — вывести общую систему развития населенных пунктов, а также модель их формирования. Для достижения поставленной цели произведен анализ городов Волги и Дона с населением от 15–35 тыс. человек, в результате чего для дальнейшего исследования были выбраны пять городов. Были выявлены и рассмотрены этапы роста и развития населения, проведена оценка экологической ситуации в данных городах по количеству благоприятных и неблагоприятных территорий, анализ рельефа, а также климатические факторы населенных пунктов. В результате исследования была приведена оценка данных городов по факторам, а также разработаны оценочные показатели для обеспечения перспектив устойчивого развития.

Ключевые слова:
модель развития,
методика оценки,
этапы развития,
сравниваемые критерии,
оценочные показатели.

**V. F. Sidorenko,
N. A. Strachkov****THE SYSTEM
OF ASSESSMENT OF LIVING
CRITERIA IN SMALL TOWNS
TO ENSURE PROSPECTS
OF THEIR SUSTAINABLE
DEVELOPMENT**

The aim of this article is to derive a common system of development of settlements, as well as the model of their formation. The analysis of the cities situated on the rivers Volga

Природа как объект деятельности человека представляет собой сложную систему, включающую биологическую и абиотическую составляющие. На данном этапе существования нашей планеты природная среда и антропогенная деятельность находятся в неразрывном диалектическом единстве, образуя некоторую систему «природа — общество». Взаимодействие общества и природы невозможно осмыслить без комплексного подхода к нему [1]. Поэтому необходимым условием и средством глубокого понимания любого явления жизни в его взаимосвязях как с более высокими, так и с элементарными его формами и окружающей средой становится системный подход.

Системный подход — это особое направление исследований, ориентированное на изучение специфических характеристик сложно организованных объектов, многообразия связей между элементами, их разнокачественности и соподчинения. Его использование позволяет получить целостное представление об изучаемом предмете [2].

Одни населенные пункты растут, а другие нет, и чтобы найти альтернативу развития данных населенных пунктов, нами было проведено исследование, целью которого являлось вывести общую систему развития населенных пунктов и модель их формирования.

Построение данной модели и структуры населенных пунктов с населением от 15–35 тыс. человек позволит нам в будущем оценивать их по определенным критериям, а также применять и использовать данную модель на другие населенные пункты.

Проведение исследования

Объектом исследования является город. В нашей работе предлагается методика оценки перспектив развития населенных пунктов, которая позволит развиваться в перспективе.

Был произведен анализ городов с населением от 15–35 тыс. человек на Волге и Дону: Данков, Цимлянск, Константиновск, Багаевская, Калач-на-Дону, Дубовка, Маркс, Козьмодемьянск. Для анализа были выбраны города: Цимлянск, Константиновск, Калач-на-Дону, Дубовка, Маркс.

and Don with the population of 15–35 thousand people were analyzed to achieve this goal. As a result, 5 cities were selected for the further research. The stages of the population growth and development were identified and considered, the environmental situation in these cities according to the number of favorable and unfavorable areas was assessed, the relief analysis was conducted, and the climatic factors in the settlements were identified. As the result of this research, the rating of factors for these cities is provided, and the assessment indexes to ensure sustainable development prospects are offered.

Key words:

model of development,
method of assessing,
stages of development,
comparable criteria,
estimated figures.

Об авторах:

*Сидоренко Владимир Федорович —
доктор технических наук,
профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
зав. кафедрой экологического
строительства и городского
хозяйства,
Волгоградский государственный
технический университет (ВолГТУ).
Российская Федерация, 400074,
г. Волгоград, ул. Академическая,
1, kafedra_gsx@mail.ru*

*Sidorenko Vladimir Fedorovich —
Doctor of Engineering Science,
Professor,
honoured science worker of RF,
the Head of Ecological Building
and Municipal Facilities Department,
Volgograd State Technical University
(VSTU).
1, Akademicheskaya St., Volgograd,
400074, Russian Federation,
kafedra_gsx@mail.ru*

Проведя комплексную оценку и анализ структуры городов, их исторической составляющей, климатических характеристик, мы показали данные критерии городов графически (рис. 1).

Рассмотрев данный график, можно выделить следующие особенности, способствующие росту тех или иных городов.

1. С 1850—1875 гг. население Константиновска, Калача-на-Дону, Маркса колебалось в пределах от 1000 до 4500 человек, показывая зависимость от роста промышленного производства. Для Калача тому способствовало строительство железной дороги «Царицын — Калач». Константиновск в данный период времени являлся центром 1-го Донского округа, и на тот момент никаких крупных предприятий в нем не было. Для Маркса данный период времени характерен открытием кустарных мастерских¹.

2. Начиная с 1970—1990 гг. в Константиновске, Цимлянске и Дубовке наблюдается одинаковое количество жителей — от 14 000 до 15 500 человек. В Константиновске началось строительство Николаевского гидроузла с плотинами, шлюзами, гидроэлектростанцией. В Цимлянске данный этап был связан со строительством водохранилища². В Дубовке данное время не было связано с каким-либо строительством, население начало сокращаться с 1980 г.³.

3. На протяжении всего периода развития рост населения Маркса и Калача-на-Дону одинаков, разница в населения составляет 1000 человек. В последние 10 лет в Калаче-на-Дону население увеличилось на 3000 человек.

Рассмотрев рис. 2, можно выделить следующую закономерность. Графики размещены в порядке дальности друг от друга на север. Таким образом, можно сказать, что температуры городов растут пропорционально их удалению от юга к центру. Особая разница наблюдается в зимних температурах.

¹ Маркс. URL: <https://ru.wikipedia.org>

² Администрация Цимлянского городского поселения. Генеральный план Цимлянского городского поселения. URL: <http://www.tsimlyansk-gorod.ru>, свободный

³ Администрация Дубовского муниципального района Волгоградской области. URL: <http://www.dubovreg.ru>

Страчков Никита Андреевич —
магистрант кафедры
экологического строительства
и городского хозяйства,
Волгоградский государственный
технический университет (ВолГТУ).
Российская Федерация, 400074,
г. Волгоград, ул. Академическая 1,
charts95@yandex.ru

Strachkov Nikita Andreevich —
Master's Degree student
of Ecological Building
and Municipal Facilities Department,
Volgograd State Technical University (VSTU).
1, Akademicheskaya St., Volgograd,
400074, Russian Federation,
charts95@yandex.ru

Рассмотрев профили городов (рис. 3), можно выделить явное сходство профилей Калача-на-Дону и Маркса, с той лишь разницей, что Калач-на-Дону расположен на отметке 30 м, а Маркс — на отметке 20 м⁴. Также можно заметить схожесть профилей Дубовки и Цимлянска.

На рис. 4 в качестве неблагоприятных территорий были выбраны производственные предприятия и прилегающие к ним территории, попадающие в санитарно-защитные зоны. Большее количество неблагоприятных мест на территории города Маркс (41 %), меньшее — в Константиновске (12 %)⁵.

Сопоставив климатические и другие данные о выбранных нами городах, можно выделить следующие общие качества, а также различия этих городов.

1. Температурный режим. В летнее время данные о средних температурах у всех городов схожи — 24 °С. Этого нельзя сказать о зимних температурах, расхождения зимних температур начинаются с юга на север: начиная с Константиновска среднемесячная температура в январе равна –5 °С. Таким образом, с юга на север температура остальных городов в январе увеличивается в среднем на 1,5—2 °С.

2. В общем рельеф таких городов, как Константиновск, Цимлянск и Дубовка схож, разница большей и меньшей отметок составляет от 55—70 м. Это объясняется тем, что они расположены на высоком берегу Волги и Дона, где рельеф падает в сторону реки. Что касается Маркса и Калача-на-Дону, то они расположены на левом берегу Волги и Дона в низменных частях, где разница отметок на территории города не превышает 8 м.

3. Население таких городов, как Константиновск, Цимлянск и Дубовка, схож, в основном это объясняется тем, что на их территории нет никаких крупных предприятий. Маркс в этом ряду выделяется, его население составляет 31 864 человека. Это связано с тем, что на территории города действуют два крупных предприятия — ВДА и МОССАР, а также пивоваренный завод «Марковский пивзавод» (с 1954 г.), маслозавод и завод по производству растительного масла, что сказывается на занятости населения [3].

⁴ Климат: Калач-на-Дону. URL: <http://ru.climate-data.org>

⁵ Администрация Константиновского района Природные ресурсы. URL: <http://www.konstadmin.ru>

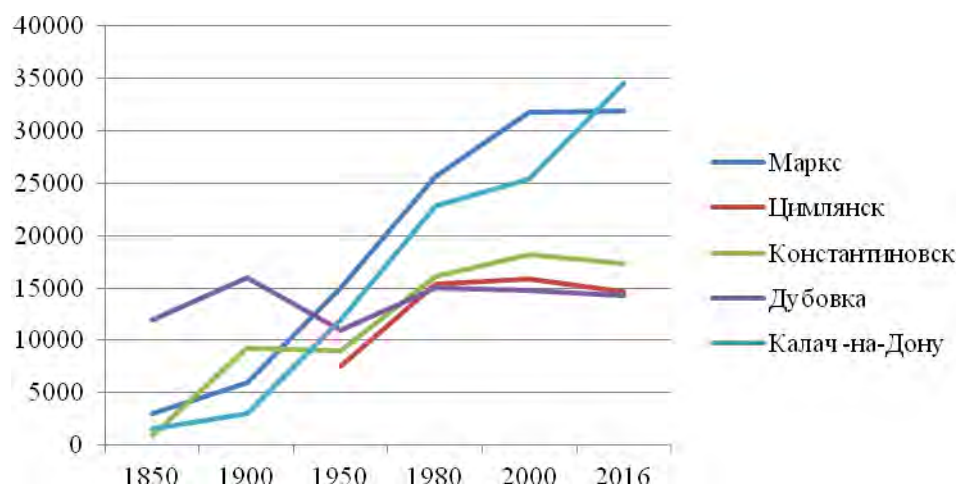

Рис. 1. Совмещенный график роста населения городов

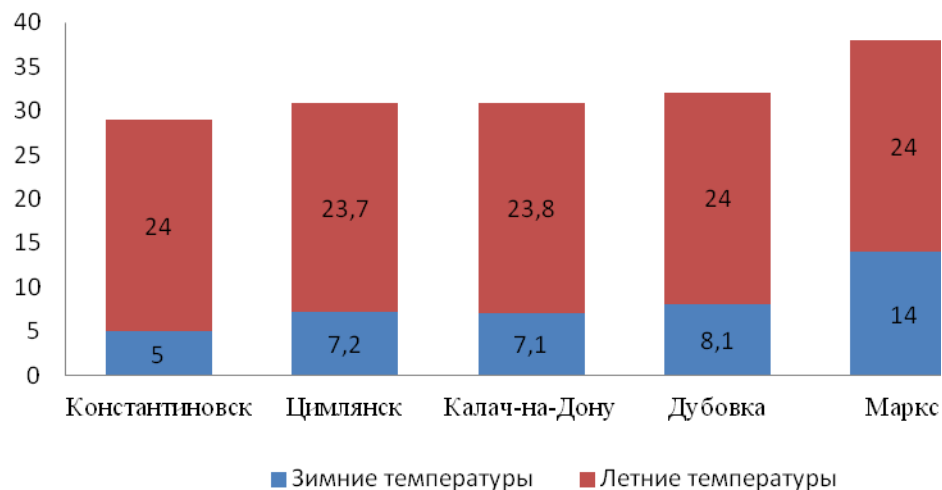

Рис. 2. Диаграмма среднемесячных температур в июле и январе

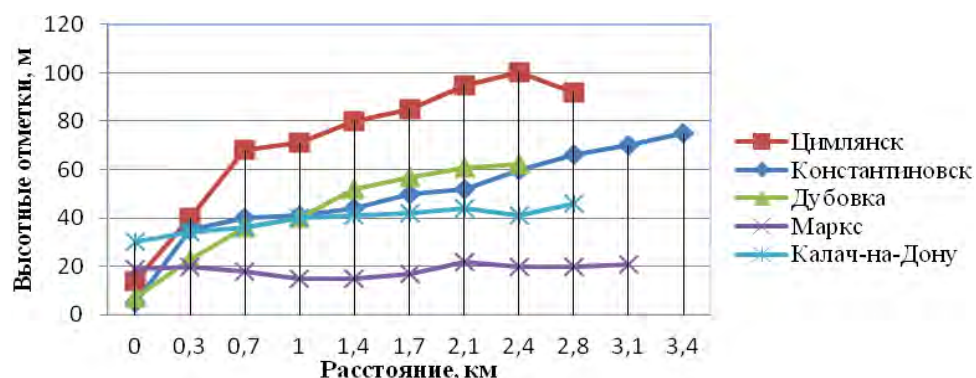
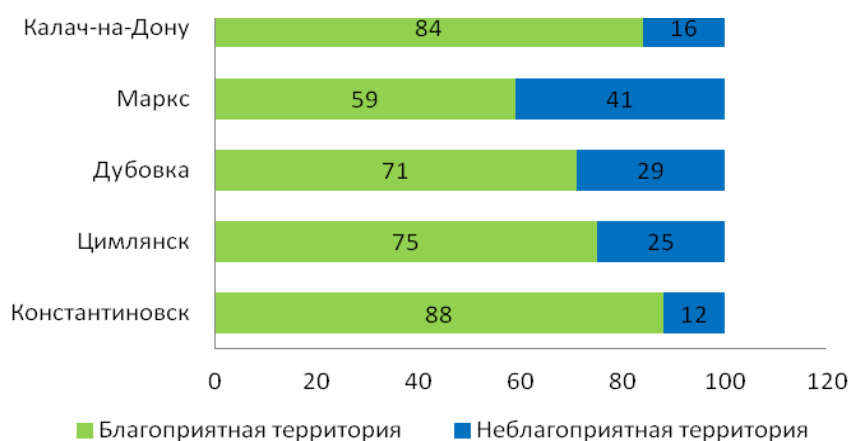

Рис. 3. Совмещенные профили городов

Рис. 4. Диаграмма благоприятных и неблагоприятных территорий

4. Ширина водного пространства схожа по следующим параметрам: Цимлянск и Константиновск находятся в русле Дона, где ширина реки достигает максимум 300 м. Дубовка расположена вдоль правого берега Волгоградского водохранилища, где ширина достигает 8 км. Город Маркс расположен вдоль левого берега Волги, которая по ширине достигает здесь 1,5 км.

Сведем все эти данные в табл. 1, в которой ○ обозначим явные сходства, ● — неявные сходства, ■ — значительное различие по сравниваемому критерию.

Таблица 1. Сходства и различия городов

Город	Сравниваемые критерии	Константиновск	Цимлянск	Калач-на-Дону	Дубовка	Маркс
Константиновск	Население	—	●	■	●	■
	Климат	—	●	●	●	■
	Рельеф	—	●	■	○	●
	Ширина водного пространства	—	○	●	■	■
	Неблагоприятность территорий	—	●	○	●	■
Цимлянск	Население	●	—	■	○	■
	Климат	●	—	○	●	■
	Рельеф	●	—	■	○	■
	Ширина водного пространства	○	—	●	■	■
	Неблагоприятность территорий	●	—	●	○	■
Калач-на-Дону	Население	■	■	—	■	●
	Климат	●	○	—	●	■
	Рельеф	■	■	—	●	○
	Ширина водного пространства	●	○	—	■	●
	Неблагоприятность территорий	○	●	—	●	■

Город	Сравниваемые критерии	Константиновск	Цимлянск	Калач-на-Дону	Дубовка	Маркс
Дубовка	Население	●	○	■	—	■
	Климат	●	●	●	—	●
	Рельеф	○	○	●	—	■
	Ширина водного пространства	■	■	■	—	●
	Неблагоприятность территорий	●	○	●	—	■
Маркс	Население	■	■	●	■	—
	Климат	■	■	■	●	—
	Рельеф	●	■	○	■	—
	Ширина водного пространства	■	■	●	■	—
	Неблагоприятность территорий	■	■	■	●	—

После того как мы сравнили данные показатели, подсчитаем сумму всех критериев для каждого города, а для этого примем, что явное сходство равно 3, неявное — 2, значительное различие — 1 (табл. 2).

Таблица 2. Сумма сравниваемых критериев

Наименование города	Константиновск	Цимлянск	Калач-на-Дону	Дубовка	Маркс
Константиновск	—	11	9	10	6
Цимлянск	11	—	9	12	5
Калач-на-Дону	9	9	—	8	9
Дубовка	10	12	8	—	7
Маркс	6	5	9	7	—

Таким образом, в результате проведенного нами исследования можно сделать следующие выводы.

1. Дубовка и Цимлянск имеют наибольший суммарный показатель 12. Следующими идут Константиновск и Цимлянск: их суммарный показатель равен 11, затем Дубовка и Константиновск: их суммарный показатель — 10. Данные показатели свидетельствуют о том, что эти города имеют много общего в таких критериях, как население, климат, рельеф, неблагоприятность территорий. Единственные значительные различия у данных городов — это ширина водного пространства.

2. Для Маркса и Калача-на-Дону следует проводить отдельное исследование, так как они отличаются по критерию «рельеф», который равен 9, от всех остальных городов, но схожи по этому показателю между собой.

Прогнозируемое развитие исследуемых городов в ближайшие пять лет

Рассмотрев данные города, можно сделать их примерный прогноз развития на ближайшие пять лет.

1. Роста населения таких городов, как Константиновск, Цимлянск и Дубовка, в ближайшие пять лет не произойдет. Причина этого в том, что на их территории не имеется никаких крупных предприятий, а, следовательно, росту населения ничего не способствует. Можно дать следующие рекомендации, которые поспособствуют росту населения этих городов:

— расширение в Цимлянске производства завода ЖБИ, завода игристых вин, а также создание на основе завода вин туристической базы в северо-восточной части города;

— в Константиновске начать новое строительство в северо-восточной части города, предусмотренное генпланом, а также развивать комплекс судоремонтных мастерских, расположившихся в юго-восточной части города вдоль гидроузла на Дону;

— в Дубовке начать новое строительство в северной части города, предусмотренное генпланом, а также развивать рыбозавод и деревообрабатывающий завод.

2. Развитие и интенсивный рост населения в течение пяти лет получат города Калач-на-Дону и Маркс. Этому будут способствовать следующие факторы:

— интенсивное строительство многоквартирных домов в Калаче-на-Дону в последнее время. Но одного этого недостаточно, поэтому предлагается развивать в городе производственную базу;

— функционирование на территории Маркса двух крупных предприятий — ВДА и МОССАР, а также пивоваренного завода «Марковский пивзавод» (с 1954 г.), маслозавода и завода по производству растительного масла, что сказывается на занятости населения. Прогнозная численность населения города к 2022 г. составит примерно 34 000 человек.

Предполагаемые пути и направления развития Цимлянска, Константиновска, Калача-на-Дону, Дубовки, Маркса

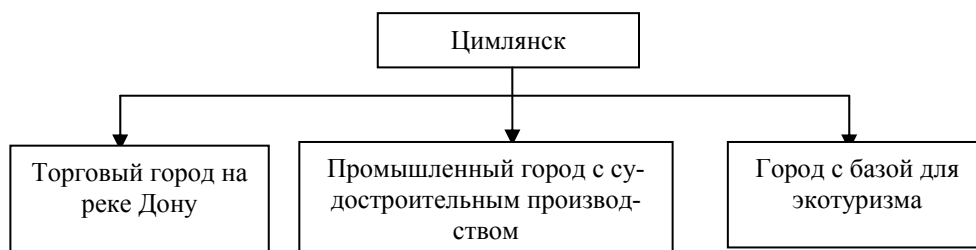

Рис. 5. Пути развития Цимлянска

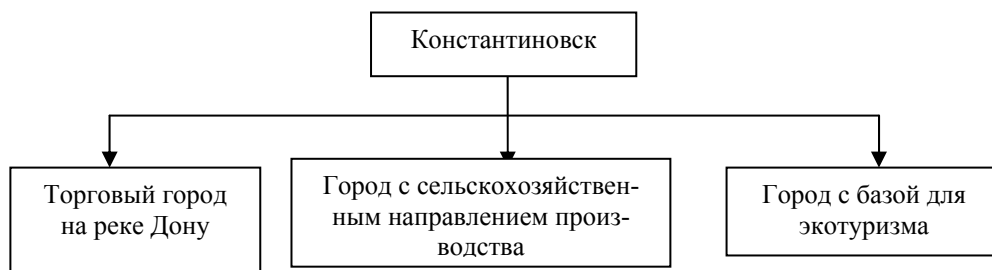
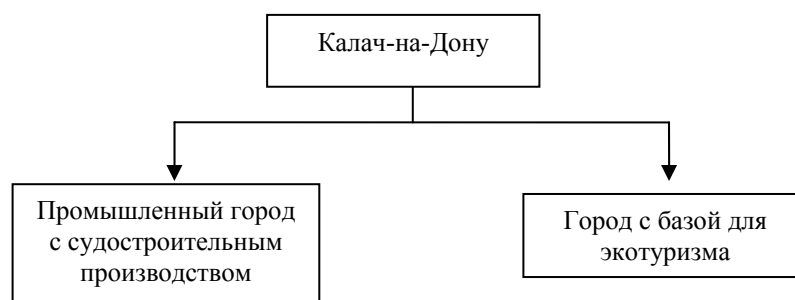
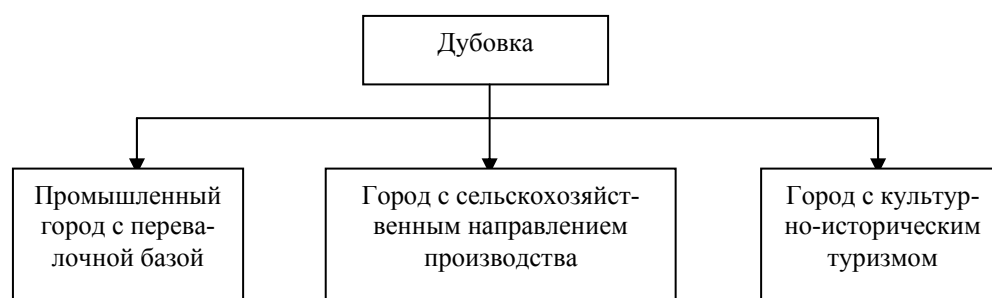
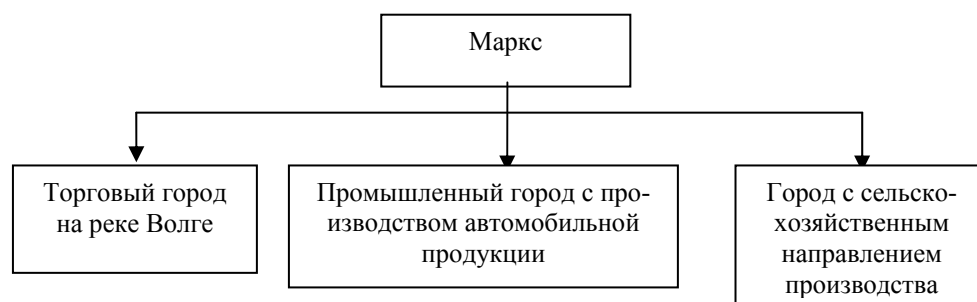

Рис. 6. Пути развития Константиновска

Рис. 7. Пути развития Калача-на-Дону**Рис. 8. Пути развития Дубовки****Рис. 6. Пути развития Маркса**

Предлагаются следующие рекомендации для развития данных городов:

— в Цимлянске вполне возможно создать базу для туристического отдыха на основе завода игристых вин, тому способствует проходящая через город трасса «Морозовск — Цимлянск»;

— В Константиновске также возможно создать базу для экотуризма, тому способствует расположение города вблизи зон рекреации, на базе которых можно создать места отдыха для туристов;

— Калач-на-Дону также вполне возможно рассматривать как город с экотуризмом, тому способствует близкое местоположение зон рекреации — вдоль берега Дона, а также то, что возле города проходит трасса М21 «Волгоград — Каменск-Шахтинск»;

— Дубовку, имеющую богатую историю, можно рассматривать как объект культурно-исторического туризма;

— в Марксе, который в настоящее время имеет промышленный уклон, предлагается также развитие сельскохозяйственного направления.

В итоге проведенного нами исследования были выявлены следующие оценочные показатели, которые составляют структуру для оптимизации состояния данных населенных пунктов.

1. *Торговый город.* Данный оценочный показатель характерен для городов, на территории которых нет преобладающего большинства крупных предприятий. К таким предприятиям может относиться хлебозавод, рыбозавод и другие крупные предприятия. В нашем исследовании к таким городам можно отнести Цимлянск и Дубовку.

2. *Промышленный город.* Это города, на территории которых преобладают промышленные предприятия и основное направление развития которых — промышленность. Не менее 40 % населения территории города должно быть занято на этих предприятиях. В нашем исследовании таким городом является Маркс.

3. *Город с базой для экотуризма.* Для выявления данного показателя нами был проведен анализ природно-экологической обстановки в городе. На территории такого города не должно быть расположено крупных предприятий, а в районе данного поселения в зонах рекреации должны быть выявлены экологически чистые места для отдыха. Это может быть не единственное направление развития города.

4. *Город с сельскохозяйственным направлением производства.* Это можно сказать о городах, в радиусе которых имеются территории сельскохозяйственного назначения, а также если на территории города имеются те или иные предприятия по производству сельскохозяйственной продукции. В нашем случае таким городом является Константиновск.

5. *Город с культурно-историческим туризмом.* Изучая культурно-историческую составляющую городов, мы выявили, что в некоторых городах сохранились памятники истории и архитектуры, а поэтому вполне возможно оценивать города по данному критерию. В нашем случае к такому городу можно отнести Дубовку. Данное направление также может быть не единственным направлением развития города.

6. *Комбинированный город.* В данном направлении возможно сравнивать города сразу по нескольким показателям, если тому способствует структура города и функциональное зонирование, а также другие факторы.

Заключение

В результате исследования было проведено сравнение данных городов по факторам, вследствие чего выяснилось, что населенные пункты во многом схожи. В большей степени схожими, по всем критериям, оказались города Дубовка, Цимлянск и Константиновск. В меньшей степени схожими оказались города Маркс и Калач-на-Дону. В итоге были предложены оценочные показатели для обеспечения перспектив устойчивого развития, а также рекомендации для оптимизации состояния данных населенных пунктов. Данная модель может применяться и для других населенных пунктов с определенным количеством населения, а также природно-экологическими особенностями.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бахтояров В. Г., Сидоренко В. Ф. Рекреационный потенциал территории как фактор экологической безопасности урбанизированной территории в Нижневолжском регионе // Вестник Волгоградского государственного архитектурно-строительного университета. Сер: Строительство и архитектура. 2012. Вып. 26(45). С. 165—167.
2. Стадницкий Г. В., Родионов А. И. Экология. СПб.: Химия, 1995. 240 с.
3. Большая Саратовская энциклопедия: Марковский район: Маркс. URL: saratovregion.ucoz.ru

REFERENCES

1. Bakhtoyarov V. G., Sidorenko V. F. [Recreational potential of territory as factor of environmental safety of urban land in Lower Volga region]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo arhitekturno-stroitel'nogo universiteta. Seriya: Stroitel'stvo i arhitektura* [Bulletin of Volgograd State University of Architecture and Civil Engineering. Series: Civil Engineering and Architecture], 2012 iss. 26(45 pp. 165—167.
2. Stadnitskii G. V., Rodionov A. I. *Ekologiya* [Ecology]. Saint Petersburg, Chimiya, 1995. 240 p.
3. *Bol'shaya Caratovskaya entsiklopediya: Marksovskii raion: Marks* [Big Saratov Encyclopedia: Marks region: Marks]. URL: saratovregion.ucoz.ru

© Сидоренко В. Ф., Страчков Н. А., 2017

Поступила в редакцию
в августе 2017 г.

Received in August, 2017

Ссылка для цитирования: Сидоренко В. Ф., Страчков Н. А. Система оценки критериев жизнедеятельности малых городов для обеспечения перспектив их устойчивого развития // Социология города. 2017. № 3. С. 81—90.

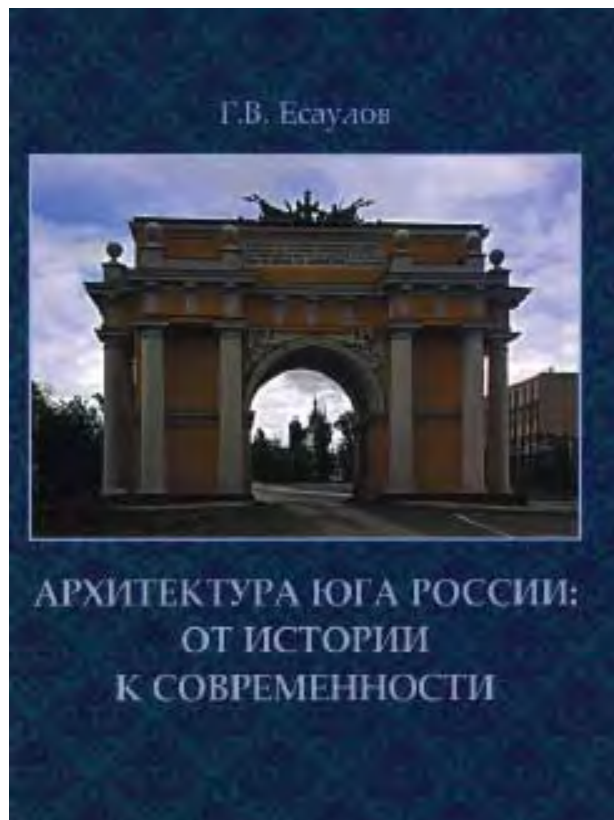
For citation: Sidorenko V. F., Strachkov N. A. [The system of assessment of living criteria in small towns to ensure prospects of their sustainable development]. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2017, no. 3, pp. 81—90.

**А. В. Антюфеев,
Г. А. Птичникова**

**АРХИТЕКТУРА
В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ
ПРОСТРАНСТВЕ РЕГИОНА.
РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ
Г. В. ЕСАУЛОВА
«АРХИТЕКТУРА ЮГА
РОССИИ: ОТ ИСТОРИИ
К СОВРЕМЕННОСТИ»**

**A. V. Antyufeev,
G. A. Ptichnikova**

**ARCHITECTURE
IN SOCIAL AND CULTURAL
SPACE OF THE REGION.
THE REVIEW OF THE BOOK
BY G.V. ESAULOV
“ARCHITECTURE IN THE
SOUTH OF RUSSIA: FROM
HISTORY TO MODERN
TIMES”**

Есаулов Г. В. Архитектура Юга России: от истории к современности. М.: Архитектура-С, 2016. 568 с., ил.

Об авторах:

Антюфеев Алексей Владимирович —
кандидат архитектуры, профес-
сор,
зав. кафедрой урбанистики
и теории архитектуры,
Волгоградский государственный
технический
университет (ВолГТУ).
Российская Федерация, 400074,
г. Волгоград, ул. Академическая, 1,
antyufeev_a@mail.ru

Antyufeev Aleksei Vladimirovich —
Candidate of Architecture, Professor,
Head of the Urban Development
Department,
Volgograd State Technical University
(VSTU).
1, Akademicheskaya St., 400074,
Volgograd, Russian Federation,
antyufeev_a@mail.ru

Выход книги академика РААСН Г. В. Есаулова «Архитектура Юга России: от истории к современности» — событие важное и долгожданное. Необходимость в таком исследовании назрела потому, что в последние годы не выходили крупные работы, посвященные анализу процессов в архитектуре, которые развиваются в регионах России. Фактически весь спектр исследований сосредоточился вокруг двух центров — столиц Москвы и Петербурга — и лишь кое-где возникали «очаговые исследования», посвященные архитектуре отдельных российских городов.

Регион юга России, рискнем утверждать, является самым сложным объектом в стране для изучения архитектуры как в историческом плане, так и, тем более, в современный период, в силу ряда разных причин. Во-первых, его специфика заключается в «многопазловости» и фрагментированности — и природно-ландшафтной, и социокультурной, и конфессиональной, и этнической.

Птичкина Галина Александровна —
доктор архитектуры, профессор,
директор Волгоградского филиа-
ла Научно-исследовательского
института теории и истории архи-
тектуры
и градостроительства
Российской академии
Архитектуры и строительных
наук
(НИИТАГ РААСН).
Российская Федерация, 400131,
г. Волгоград, пр. Ленина, 26,
vp_niitag@mail.ru

Ptichnikova Galina Aleksandrovna —
Doctor of Architecture, Professor,
Director of The Volgograd branch
of The Research Institute of the Theory
and History of Architecture
and Town Planning
of the Russian Academy of Architecture
and Construction Sciences (NIITAG
RAASN).
2b, Lenina Pr., Volgograd,
400131, Russian Federation,
vp_niitag@mail.ru

Территория представляет собой многоцветную «мозаику», понять структуру и закономерности формирования которой — серьезная научная задача.

Во-вторых, региону присуща смена архитектурных культур, которая, как отмечает Г. В. Есаулов, подчас лишена прямой преемственности. Действительно, изучая архитектурную историю этого края, можно наблюдать, как культурные слои здесь сметаются временем, не прорастая вглубь и не оставляя архитектурно-градостроительных традиций для следующих поколений. На месте этих «унесенных ветром истории» архитектурных объектов и градостроительных структур возникают новые, во многом абсолютно не связанные с предыдущими культурами.

В-третьих, архитектура и градостроительство относятся к наименее изученным областям художественной культуры юга России. Исследования, которые проводились в XIX—XX веках, изучают отдельные этапы истории или посвящены отдельным городам или территориям.

Таким образом, перед читателем — первое в нашей стране научное исследование, в котором комплексно рассмотрены процессы архитектурно-градостроительного освоения территорий огромного региона на протяжении всего периода его истории вплоть до XXI века. По широте охвата материала и его актуальности книга сопоставима с лучшими фундаментальными трудами по истории отечественного зодчества.

Работа имеет четкую структуру, которая отражает авторский подход к исследуемому материалу: с одной стороны, это метод временной синхронизации, с другой стороны — компаративистский метод с акцентом на изменения и связности культур. Этот подход позволил автору осуществить реконструкцию процесса становления архитектурно-пространственной среды региона с древнейших времен до нашего времени.

В условиях современной культурной глобализации эта работа становится особенно актуальной. При анализе современного этапа автор исходит из тех предпосылок, что именно регионализация стала характерным процессом жизнедеятельности в России. Отсюда особенно внимательный подход к характеристикам архитектуры юга России, тому, что ее отличает, является ее своеобразием. Автор основывается на том, что региональное как систе-

мая характеристика включает разные категории — и стиль, и тенденции, и школы, и манеру. Важным является вывод о том, что региональное своеобразие в архитектуре региона в современное время выражается в интерпретации стилевых направлений и течений, характерных в целом зодчеству страны.

Главным положением в книге выступает авторское видение архитектуры через единство трех пластов. Первый пласт — произведения профессионалов, второй пласт — это объекты народного зодчества, третий пласт — так называемая «архитектура без архитектора». Особенность современного этапа развития архитектуры юга России и заключается именно в динамике перераспределения емкости пластов в сторону третьего пласта и возросшего участия населения в архитектурно-дизайнерской деятельности. Своеобразие архитектуры отражается и в ментальности населения. Особенное значение здесь играет интерес к собственной истории, конкретно, согласно авторским исследованиям, к культуре Средних веков и рубежа XIX—XX веков. Именно интерпретация традиций этих временных этапов является составляющей частью своеобразия архитектуры региона.

Мы согласны с автором, что «в новейшей российской лексике термин „региональное“ уверенно вытеснил „провинциальное“, заменив его в дуальности „столица — провинция“ на „столица — регионы“» (с. 511). Архитектурный процесс на юге России в первое десятилетие XXI века автор обозначает вектором от эклектического полистилизма к регионализму.

Книга демонстрирует мощный слой отечественной архитектурной науки, связанный с осмыслением архитектуры страны, с выявлением и сохранением архитектурного наследия, с определением современного состояния архитектуры и авторским видением тенденций ее развития.

Закономерности, выявленные в этой работе, будут востребованы при дальнейшей разработке проблем отечественной архитектуры, специфики различных эпох и произведений российского зодчества, а также в преподавании истории российской архитектуры и градостроительства.

**УСЛОВИЯ
ПРИЕМА СТАТЕЙ В РЕДАКЦИЮ
И ТРЕБОВАНИЯ К АВТОРСКИМ
ОРИГИНАЛАМ**

Научно-теоретический журнал «Социология города» (далее — Журнал) издается для ознакомления научной общественности с результатами научных исследований по проблемам урбанистики в области социологии, философии, культурологии и других гуманитарных наук ученых ВолгГТУ и иных научных организаций и вузов.

Учредитель Журнала — ученый совет ВолгГТУ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-27329 от 28 февраля 2007 г. Выдано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Журнал зарегистрирован Международным центром ISSN, ISSN 1994-3520 (Print), ISSN 2077-9402 (Online).

Журнал **входит в утвержденный ВАК** Минобрнауки России **Перечень** ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Журнал выходит четырежды выпусками в год.

Требования к оформлению статей. Статью необходимо представить на электронном носителе и в распечатанном виде в сопровождении: 1) заполненного автором лицензионного договора (2 экз.) (*скачать бланк* <http://www.vgasu.ru/science/journals/city-sociology/preparation-requirements/>), 2) анкеты автора (<http://www.vgasu.ru/science/journals/city-sociology/preparation-requirements/>). Все сопроводительные документы представляются на бумажных носителях в оригинале.

В отдельном файле помещаются сведения об авторах на русском и английском языках, а также кириллицей — в полном соответствии с данными в заполненном бланке анкеты (см. выше): фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, звание, должность, место работы; почтовый адрес, телефон и адрес электронной почты.

В статье приводятся:

индекс УДК;

на русском и английском языках:

фамилия и инициалы автора,

название статьи,

аннотация (на рус. яз. — до 500 знаков, на англ. — от 500 знаков до полной страницы),

ключевые слова.

Текст статьи заверяется подписью автора (соавторов).

Объем статьи — не менее 10 с. установленного формата журнала (см. ниже), включая название, аннотации, ключевые слова, текст, таблицы, рисунки, библиографический список. Последняя страница считается полной независимо от фактического заполнения.

Оригинал статьи должен быть набран с помощью пакета программ *Microsoft Office (Word 2003)*; шрифт *основного текста* — Times New Roman (Cyr) № 11 (11 пунктов).

Для набора формул используется редактор формул *Microsoft MathType 5*; по умолчанию устанавливаются размеры шрифта для одно- и двухстрочных формул: обычного — 11 пт, крупного и мелкого индекса — соответственно 8 и 6 пт, крупного и мелкого символа — соответственно 16 и 11 пт. Греческие и русские буквы набираются прямым шрифтом, латинские — курсивом. Если написание в формулах отличается от традиционного, автор должен сделать соответствующие пометки на полях распечатанной статьи, при этом греческие буквы обводятся красным карандашом, готические — синим. Формулы выключаются в левый край с абзацным отступом. Запись формулы выполняется автором с использованием всех возможных способов упрощения и не должна содержать промежуточные преобразования.

Векторные рисунки, сохраненные в формате WMF, *растровые* — в TIF или BMP, *графики и диаграммы*, построенные в Microsoft Excel, дополнительно помещаются на электронный носитель отдельными файлами. Имя файла должно соответствовать наименованию или номеру рисунка в тексте статьи. Кроме того, *иллюстрации* обязательно присылаются распечатанными на отдельных листах формата А4 в масштабе 1:1, в пригодном для сканирования виде. Размер шрифта текста в рисунках — 9...10 пт. *Подписи к рисункам* выполняются непосредственно в тексте статьи шрифтом Times № 10 (10 пт), экспликация в подрисуночной подписи — Times № 9 (9 пт). Для сжатия больших файлов использовать архиваторы Arj и WinZip, WinRAR.

Цветные и черно-белые фотографии присылать в оригинальном виде с подписями на обороте. Цифровые фотографии выполнять с разрешением не менее 300...600 dpi, присылать в электронном виде в любом графическом формате, кроме .jpg.

Текст *таблиц* набирается шрифтом Times New Roman (Сур) № 10 (10 пт).

ПРИСТАТЕЙНЫЕ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ СПИСКИ РАЗМЕЩАЮТСЯ ПОСЛЕ ОСНОВНОГО ТЕКСТА СТАТЬИ.

В библиографическом списке приводится только цитируемая в статье литература. ПРИВЕТСТВУЕТСЯ ЦИТИРОВАНИЕ ОПУБЛИКОВАННЫХ РАНЕЕ В ЖУРНАЛЕ СТАТЕЙ. Источники группируются в списке в порядке упоминания в тексте. Ссылки на источники приводятся в тексте в квадратных скобках (ЗАПРЕЩАЕТСЯ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ССЫЛКИ-СНОСКИ ДЛЯ УКАЗАНИЯ ИСТОЧНИКОВ). В библиографическую запись включаются только основные элементы библиографического описания (ГОСТ 7.0.5—2008). Разделительные знаки «тире» между областями опускаются. Шрифт Times New Roman (Сур) № 9 (9 пт). Язык библиографических записей соответствует языку описываемых источников.

Авторы статей несут всю полноту ответственности за содержание статей и за сам факт их публикации. Редакция журнала не несет никакой ответственности перед авторами и/или третьими лицами и организациями за возможный ущерб, нанесенный публикацией статьи. Редакция исходит из того, что, в соответствии с законодательством РФ в части авторского права, автор, направляя статью в редакцию, полностью соглашается с условиями редакции и, следовательно, только сам лично несет ответственность за использование в тексте статьи материалов третьих лиц и соблюдение их авторских прав. Все права автора и вся полнота его ответственности сохраняются и после публикации статьи в журнале.

Порядок рецензирования. Статьи обсуждаются редколлегией, рецензии, поступившие в сопроводительных материалах, учитываются.

Статьи, не отвечающие изложенным требованиям, редколлегией не принимаются. Материалы, не принятые к опубликованию, авторам не высылаются.

Редакция имеет право производить сокращения и редакционные изменения текста. Корректур статей авторам не предоставляется. Переписка, телефонные переговоры по согласованию авторских и редакционных изменений текста статьи производятся за счет автора.

Гонорар за опубликование статьи не выплачивается, плата за публикацию статей с аспирантов не взимается.

КОМПЛЕКТОВАНИЕ ОЧЕРЕДНОГО НОМЕРА ЗАВЕРШАЕТСЯ ЗА 3 МЕСЯЦА ДО ПЛАНИРУЕМОГО ВЫХОДА В СВЕТ.

Примерный график выпуска журнала:

- март (прием статей до 1 декабря);
- июнь (прием статей до 1 марта);
- сентябрь (прием статей до 1 июня);
- декабрь (прием статей до 1 сентября).

Тематические рубрики. В Журнале публикуются научные статьи и другие материалы по вопросам социологии, философии, экономики, политологии и других гуманитарных наук в соответствии с основными тематическими рубриками:

Человек в современном городе.

Город как экономическая система.

Управление социальными и экономическими системами.

Город и власть.

Архитектурное пространство как социокультурный феномен.

Техносфера современного города: город и экология.

Направлять статьи, обращаться по вопросам условий публикации по адресу jurnalfil@mail.ru

Обращаться по вопросам приобретения очередного номера журнала к главному редактору журнала «Социология города» Б. А. Навроцкому: (8442)-96-99-25. E-mail: jurnalfil@mail.ru

Документы высылать по адресу: 400074, Волгоград, ул. Академическая, 1, ком. В-210 (РИО).

Научное издание

СОЦИОЛОГИЯ ГОРОДА

2017. № 3

Научно-теоретический журнал

Редактор *М. Л. Песчаная*

Компьютерная правка и верстка *М. Л. Песчаная*

Перевод на английский язык *О. Ю. Юшко*

Компьютерный дизайн обложки *Т. М. Поткина-Курилкина, О. Ю. Мелешин*

Информационно-библиографическое обслуживание *Е. В. Хромова*

Подписано в печать 30.09.2017.

Формат 70 × 108/16. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman.

Уч.-изд. л. 8,0. Усл. печ. л. 8,4. Тираж 500 экз. Заказ № 36

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования

«Волгоградский государственный технический университет»

400005, г. Волгоград, просп. им. В.И. Ленина, 28, корп. 1

Типография ИАиС ВолгГТУ

400074, Волгоград, ул. Академическая, 1